М. А. БУЛАТОВ

ЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ПОНЯТИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

М. А. БУЛАТОВ

ЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ПОНЯТИЯ

КИЕВ «НАУКОВА ДУМКА» 1981

А512.7+А513

В монографии рассматриваются актуальные и малоизученные проблемы марксистско-ленинской теории категорий и понятий. Прежде всего исследуются некоторые основные вопросы диалектико-материалистической концепции понятия — функции категорий в определении понятий, категориальная классификация понятий, формы их существования и др. Большое внимание уделено выявлению и описанию видов соотношения понятий и категорий, в связи с чем анализируются категории как формы мышления, фазы обращения категорий в понятия, категории и понятия в системе знания, категории и виды логик. Специально рассмотрены различные методологические функции законов и категорий диалектики в философском наследии К. Маркса.

Для научных работников, преподавателей и студентов вузов.

Ответственный редактор *С. А. Васильев*

Рецензенты
М. В. Попович, И. С. Семенов,
В. И. Солдатов

271601

БИБЛИОТЕКА
НГУ

А51
5907

Редакция философской
и правовой литературы

Б $\frac{10502\text{-}315}{\text{М221(04)-81}}$ 7-81 0302020100

© Издательство «Наукова думка», 1981

Введение

В течение почти двух тысячелетий, со времени создания логики Аристотелем в классической формальной логике изучались формы мышления, к которым относились понятия, суждения и умозаключения. Но с начала XIX в., с возникновением неформальной логики, было признано, что формами мышления выступают не только понятия, но и категории. Обе эти формы стали предметом диалектической логики, в то время как формальная логика категорий по-прежнему не изучала.

До раздвоения логического знания на две ветви исследование категорий производилось в основном в двух планах: в их отношении к объективной действительности (проблемный характер которого нашел наиболее яркое выражение в спорах об универсалиях); в их взаимных связях (в различных предпринимающихся до сих пор попытках классифицировать категории, создать их таблицы, построить системы). С включением категорий и понятий в одну науку появилась новая возможность — исследовать категории как формы познания в их связях с «традиционными» формами мышления, прежде всего с понятиями.

Такое исследование предполагает, что категории и понятия — не одно и то же. Действительно, если они синонимы, то раскрытие смысла одного из них ничего не может дать для понимания другого. Даже если в некотором контексте они взаимозаменяемы, то из этого не следует знание о понятии или категории. Взаимозаменяемость данных форм показывает равенство их смыслов или содержаний, но не то, *что* они такое. Поэтому употребление во многих работах таких форм как синонимов является, несомненно, фактом, заслуживающим внимания;

но на нем нельзя остановиться: необходимо идти дальше, к выяснению их содержания.

Подобное продвижение в сфере экономических категорий ясно очерчено у К. Маркса. Он начал свое исследование в «Капитале» с меновой стоимости, с количественного отношения, равенства двух товаров, чтобы обнаружить скрывающуюся в них стоимость. Ситуация здесь была такова: если x холста = сюртуку, а холст и сюртук по физическим свойствам совершенно различны, то что же делает их тождественными, одинаковыми? Тех экономистов, которые, обсуждая этот вопрос, сводили стоимость к отношению, К. Маркс резко критиковал. В отношении равенства, или отождествления, он обнаружил стоимость как материализацию абстрактного (всеобщего) труда. Тем самым он решил проблему, объясняя в то же время саму возможность отождествления различных вещей. Отношение отождествления было бы достаточным только в том случае, если бы нам каким-то образом уже до него был известен смысл одной из сторон (в нашем исследовании — понятия или категории).

Однако в случае тождества рассматриваемых форм мысли было бы обнаружено не какое-либо новое содержание, а только факт их синонимичности. Но проведенный нами анализ показывает, что понятия и категории — очень разные формы познания, хотя и находятся в весьма сложном переплетении друг с другом. Именно их различие позволяет вскрыть новые аспекты их содержания и соотношения. Вследствие несовпадения понятия и категории они должны иметь содержание, так или иначе данное до приведения их в соотношение. Идеальным случаем для исследования последнего было бы наличие более или менее развитой теории понятия и теории категорий.

Однако история мысли свидетельствует о том, что среди других форм мышления понятие изучено недостаточно. Уже у Аристотеля — основателя логики как науки — нет ни одной работы, посвященной анализу понятий как форм мышления и познания. В то же время суждениям, умозаключениям и доказательствам посвящено несколько трактатов: две «Аналитики», «Топика», «Об истолковании», «О софистических опровержениях». Сам термин «понятие» в его работах довольно редко встречается, не говоря уже о специальном раскрытии его смысла. Эта тенденция, начало которой положено Аристотелем, сохраняется

и в последующей истории классической формальной логики. Хотя раздел о понятиях был непременной составной частью курсов логической науки, их анализ не пошел дальше внешних наблюдений и описаний.

Возникшая в XIX в. символическая логика внесла значительные изменения в учение о понятии. Правда, термин «понятие» начал исчезать из работ по логике. Уже в «Первых понятиях логики» А. де Моргана (1839) «логика определяется не как наука о понятиях или суждениях, но как теория имен предметов» [Стяжкин, 1964, с. 164] [1]. В отношении «Исчисления понятий» Г. Фреге тот же автор отмечает, что оно «в целом прошло незамеченным ни философами, ни математиками. Первых отпугивал сложный математический характер работы, вторых — употребление в ней таких понятий, которые специалисты считали «типично метафизическими» (вроде терминов «понятие», «суждение», «отношение» и т. п.)» [Там же, с. 259]. Черч во «Введении в математическую логику» пишет: «Обычно (формальная) логика занимается анализом предложений или суждений и доказательств» [1960, с. 15]. Исследование понятия здесь не считается делом логики.

В обобщенном виде указанную тенденцию выражает Е. К. Войшвилло в монографии «Понятие». Согласно его мысли, в определенный период развития символической логики «многие проблемы, не связанные непосредственно с логическими исчислениями, отошли на задний план или вовсе выпали из поля зрения логики. Такая участь постигла и традиционное учение о понятии, составлявшее прежде один из основных разделов логики» [1967, с. 3]. Однако разработка формализованных языков создала также предпосылки более строгого изучения проблем теории понятия. При формально-логической разработке данных проблем существенное значение имеют понятия смысла и значения имен, пропозициональной функции и т. д. Так, теория смысла (теория содержания имен) имеет прямое отношение к учению о понятии. Имя что-то обозначает или называет, и это нечто есть денотат, или

[1] Здесь и далее при цитировании произведений основоположников марксизма-ленинизма в квадратных скобках первым указан том, в котором помещена работа, а затем — страница. При цитировании работ других авторов сначала дается его фамилия (если она не упоминается в тексте), затем — год издания и страница.

предмет мысли. Но кроме денотата имени приписывается и другой род содержания — его смысл [См.: Черч, с. 17—18]. Что такое смысл? «Грубо говоря,— пишет Черч,— смысл — это то, что бывает усвоено, когда понято имя» [Там же, с. 18]. Аналогично «предложение — это такое соединение слов, которое имеет самостоятельный смысл, т. е. выражает законченную мысль» [Там же, с. 29—30], а «смысл предложения можно описать как то, что бывает усвоено, когда понято предложение» [Там же, с. 32]. В обоих случаях смысл имен и смысл предложений объясняется в выражениях, в которых присутствует слово «понято» — дериват от «понятия». В дальнейшем мы проанализируем понятие в широком смысле, понятие как понимание, как усвоение содержания или смысла слов и терминов. В этом отношении наличествующая в символической логике и идущая от Фреге теория смысла выступает формально-логическим эквивалентом учения о понятии.

Характерной особенностью такого толкования понятия (необходимого также в связи с анализом категорий) является то, что смысл имеют не только собственно понятия о предметах, но и другие формы их осознания — восприятие и представление. Поэтому здесь обнаруживается не специфика понятия, а его широкий смысл — понимание.

С другой стороны, если смысл объясняется как то, что может быть понято в результате усвоения, то закономерны вопросы, что значит «быть понятым», что значит понимание или понятие, от которого происходит данное слово? Если «быть понятым» — синоним усвоения смысла, то в данном предложении он (смысл) объясняется столь же мало, как мало мы узнаем о человеке в предложении «человек есть человек». Поэтому, очевидно, термин «понятие» отличается от термина «смысл». Как пишет Е. К. Войшвилло, «роль понятий не сводится к тому, чтобы быть смысловым содержанием некоторого термина» [1967, с. 6]. С его точки зрения, «наиболее подходящим для выражения понятий и отношений между ними является хорошо разработанный язык символической логики, именно — язык исчисления предикатов» [Там же, с. 7]. Работа Е. К. Войшвилло «Понятие» представляет собой опыт изложения формальной теории понятия на языке данного исчисления. Этот опыт показывает плодо-

творность исследования понятия средствами формализованного языка, хотя, с другой стороны, очевидно также, что с его помощью нельзя исчерпать все богатство содержания данной формы мысли, что необходимо привлечение и других средств.

Но в таком случае оправдан вывод, что понятие выступает также предметом иной, диалектической, логики. Действительно, уже в первой в истории мысли системе диалектической логики (в логике Гегеля) представлена качественно иная теория понятия. Мы имеем при этом в виду не идеалистическую форму, в которой она была разработана, а ее рациональные диалектические идеи, с материалистических позиций преобразованные и осмысленные К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным, идеи, нашедшие воплощение в «Капитале» К. Маркса, в «Философских тетрадях» В. И. Ленина и других трудах основоположников марксизма-ленинизма.

Для рассматриваемой нами проблемы особенно важным обстоятельством является то, что диалектическая логика оказалась наукой, в которую входят и учение о понятиях, и учение о категориях. Это выразилось прежде всего в том, что Гегелем были выделены три различных типа форм мышления: категории, рефлексивные определения и понятия. Естественно, встал вопрос об их соотношении, первый вариант которого представлен в «Науке логики». В настоящее время с материалистических позиций ведутся определенные исследования в области теории категорий и теории понятий. Разработка указанных проблем, вне сомнения, приведет в будущем к появлению диалектико-материалистической теории рефлексии.

Что касается понятия, то его исследования ведутся в двух планах: средствами традиционной формальной (так называемой общей) логики, которая уже исчерпала себя и потому не дает ощутимых результатов, и средствами диалектической логики. Но во втором аспекте исследования понятия еще довольно спорадические, проводятся в основном мимоходом, в связи с анализом процесса познания. Поэтому даже простейшие вопросы, например определение понятия, формы его существования и другие, как правило, носят дискуссионный характер.

В первом разделе нашей работы будут проанализированы само понятие понятия и непосредственно примыкающие к нему вопросы, без изучения которых отношение

понятия к категориям остается весьма неопределенным и расплывчатым. В специальной литературе данное отношение выражается в двух формах, которые можно назвать общей и специальной. Что касается вопроса об общем соотношении категорий и понятий, то здесь наиболее часто встречаются два аспекта анализа. С одной стороны, они в известной мере отождествляются (распространенное определение категорий как наиболее общих понятий). С другой стороны, они разграничиваются и противопоставляются друг другу, если речь идет о различии формальной и диалектической логики и специфике форм мышления, изучаемых обеими логиками. Первая изучает понятия, суждения и умозаключения, вторая — категории. Категории и понятия здесь ставятся рядом, как предмет разных наук.

Следует отметить, что приведенное определение категорий, их рядоположенность с понятиями или отграничение от них отражают действительное положение вещей. Однако такие отношения — только самые простые и поверхностные их виды. Действительные отношения категорий и понятий намного сложнее и богаче. Выявить эти многосторонние отношения и описать их формы — такова задача второго раздела нашей монографии.

Что касается специальных отношений рассматриваемых форм мышления и познания, то они вытекают из определения категорий как наиболее общих понятий. Это определение предполагает, что существуют и менее общие понятия, а стало быть, существуют своеобразные отношения категорий к ним. Такое иерархическое отношение является двусторонним. Оно исследуется в двух направлениях: в первом случае изучается влияние менее общих понятий на развитие и обогащение философских категорий или даже на их происхождение. Второе направление исследует обратное воздействие категорий — их методологическую роль в познавательном процессе. Она в той или иной мере изучается в цикле философских проблем естественных, общественных и технических наук. Названная роль категорий весьма многообразна, что зависит отчасти от характера изучаемых предметов, отчасти от уровня познания. Как подчеркивает В. И. Шинкарук, «на различных ступенях познания методологическая функция категорий разная» [1978, с. 263]. В третьем разделе нашей работы мы ставим задачу вычленить, описать

основные функции категорий и категориальных структур, соответствующие различным составным частям диалектического материализма (теории познания, логике, диалектике), а также вскрыть механизм связи данных функций, характерный для их методологического применения. Ориентируясь на целостную структуру диалектического материализма, мы можем благодаря этому избежать случайности в выборе функций и их субординации.

Анализ всех очерченных теоретических и методологических аспектов отношения категорий и понятий предполагает определенную систему знания. Ею могла бы быть, по словам В. И. Ленина, Логика с большой буквы — построенная на диалектико-материалистических основаниях наука логики. Однако последняя пока отсутствует, поэтому в качестве теоретической системы нами избран «Капитал» К. Маркса — произведение не только политико-экономическое, но и философское. В этом труде нашли классическое воплощение интересующие нас аспекты таких форм мышления, как понятия и категории, и их многообразные отношения. Исследование «Капитала» открывает большие возможности не только для описания некоторых категориальных особенностей труда Маркса, но и для использования его как материала практического подтверждения и доказательства тех общефилософских положений, анализу которых посвящена данная работа.

1

Основные черты диалектико-логической концепции понятия

Основной вопрос, на который прежде всего необходимо ответить, состоит в том, что такое понятие, каков его смысл и содержание, как его определить. От ответа зависит решение многих других вопросов, связанных с учением о понятии. Понятие — единство всеобщего, особенного и единичного; в этом — его наиболее адекватное определение. Именно с данным обстоятельством связано нередко встречающееся в работах по философии и логике деление понятий на всеобщие, особенные и единичные. Однако есть также много иных, не совпадающих у различных авторов классификаций — на качественные и количественные, абсолютные и относительные и другие, в которых фигурируют всевозможные философские категории.

Уяснение вопроса о связи деления понятий с их сущностью или определением требует специального анализа логической операции, которая здесь имеет место и может быть названа категориальной классификацией понятий. Этот анализ, представляющий также самостоятельный интерес, дает, кроме того, окончательное подтверждение правильности данной выше дефиниции понятия. Таким образом, дальнейшее исследование состоит в описании понятия как структуры мысли (в которой всеобщее, особенное и единичное являются и понятиями, и его моментами), выявлении специфических видов связей единичного, особенного и всеобщего. Такой подход дает возможность подойти к решению дискуссионных вопросов, связанных с включением особенного и единичного во всеобщее, с необходимостью выделения разновидностей подобных включений и обнаружения тех областей познания, которым они соответствуют. Особый интерес представляет то,

что выделение видов связей всеобщего, особенного и единичного позволяет также открыть различные формы существования понятия, уяснить их место и функции в познавательной деятельности. Таков круг вопросов, рассматриваемых в данном разделе.

Категории всеобщности и сущности в определении понятий

В любом курсе формальной логики определению понятий всегда уделялось и уделяется значительное внимание. Обычно этому отводится специальный параграф. Можно указать на монографические исследования по этому вопросу, например работу Д. П. Горского «Определение», посвященную данному аспекту изучения понятий, или монографию Е. К. Войшвилло «Понятие», в которой последнее рассматривается всесторонне.

Понятие характеризуется определенной спецификой, отличной от других форм мышления, как однопорядковых с ним (суждения и умозаключения), так и качественно разнородных — категорий. На первый взгляд, такое различие — чисто терминологическое. Если в работах по формальной логике пишут об *определении понятий*, то в работах по диалектической логике обычно выделяется *понятие категорий*. Учитывая, что понятие в самом широком смысле слова является пониманием и означает, *что* или какой смысл мы вкладываем в тот либо иной термин, можно прийти к выводу о тождестве понятия и его определения. Ведь последнее вскрывает смысл или содержание некоего термина. Поэтому говорить о понятии или его определении — одно и то же.

Все же в известных границах в основании данного тождества лежат некоторые важные предположения. Таково предположение (которое не всегда высказывалось), что понятие не существует вне определения. Из этого следует, что иметь понятие о чем-либо и иметь его определение — одно и то же. Авторы, сознательно ставившие вопрос в данном аспекте, действительно указывали, что формой существования понятия является определение — дефиниция. В работе Д. П. Горского, например, анализируются различные виды дефиниций, раскрывающие понятие. При этом термин «форма» употребляется в единственном числе.

Такое положение соответствует представлению об отсутствии каких-то иных форм существования понятия, кроме дефиниции; это второе предположение, ибо если есть иные формы, то понятие понятия не будет сводиться к его определению. Практически в исследовательской деятельности оно к нему и не сводится. В самом деле, теория понятия, например, тоже раскрывает содержание данной формы мысли, только более широко, чем дефиниция. Можно было бы говорить также о той или иной (например, идеалистической или материалистической) концепции понятия. В данном случае речь шла бы о подобном раскрытии его смысла или понимании того, что такое понятие.

Специально различные формы существования понятия проанализируем дальше в отдельном параграфе, сейчас же отметим, что своеобразие формальной логики как науки выразилось помимо прочего в жестком закреплении понятия в дефинитивной форме его существования, вследствие этого возникла устойчивая тенденция обязательно выделять проблемы определения в исследовании понятийного познания действительности. Невыделенность различных форм существования понятия только усиливала данную тенденцию. Ведь если хотя бы интуитивно ясно, что такое суждение (связь терминов или понятий) либо умозаключение (связь суждений) как формы мысли, то формальный характер понятия далеко не так очевиден, и отсюда значительные усилия, направленные на выяснение того, что такое понятие, как найти его дефиницию.

Если отвлечься от частностей и деталей, то можно, пожалуй, выделить два наиболее важных определения понятия, которые существовали в истории мысли и существуют до сих пор. Первое из них состоит в том, что понятие — форма мысли, в которой отражаются существенные признаки вещей и явлений. Такое и близкие к нему определения наиболее часто встречаются в философии и логике. Своими истоками они восходят к античной философии, преимущественно к учению Аристотеля. Древнегреческий мыслитель указывал, что Сократ первым обратил внимание на определения, поскольку искал в нравственности общее. Сам же Аристотель дал весьма развернутую концепцию определения понятий. «В определении чего бы то ни было,— писал он,— должно со-

держаться определение сущности. Точно так же мы полагаем, что мы знаем, что бы то ни было больше всего тогда, когда знаем, что оно есть, например, что такое человек или огонь, в большей мере, чем если знаем его качество или количество или положение в пространстве» [1976, с. 188]. Иначе говоря, в определении раскрывается, *что такое тот или иной предмет*. Это означало, по Аристотелю, вскрыть суть бытия. «Определение основывается,— пишет он в другом месте,— на необходимости того, чтобы сказанное им что-то значило, ибо определением будет обозначение сути (logos) через слово» [Там же, с. 142]. В этих положениях с полной ясностью выражена связь определения с сутью вещи. Данная связь еще более усиливается в тех текстах Аристотеля, в которых говорится, что «определение есть обозначение сути бытия вещи и что суть бытия имеется *для одних только сущностей, или главным образом для них*, первично и прямо» [Там же, с. 195].

Но каково отношение определения к понятию? Само это слово встречается у Аристотеля довольно редко. Для него более характерно употребление слова «термин». Так, определяя в «Аналитиках» суждение, философ называет термином то, на что разлагается суждение [См.: 1952, с. 10]. В новом издании той же работы, помещенной во втором томе сочинений Аристотеля, суждение заменено посылкой, но существа дела это не меняет, поскольку «термин» по-прежнему остается [См.: 1978, с. 120].

Таким образом, если в последующей истории мысли получила распространение дефиниция, согласно которой суждение является отношением между понятиями (она была подвергнута критике Кантом), то Аристотель рассматривал суждение (посылку) как связь терминов, а не понятий. Все же его сочинения дают возможность довольно однозначно выявить связь дефиниции и понятия. Эта связь видна, например, из следующего текста: «Одноименными называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности ... разная, как, например, dzōon означает и человека и изображение. Ведь у них только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности разная, ибо если указывать, что значит для каждого из них быть dzōon, то [в том и другом случае] будет указано особое понятие (logos)» [1978, с. 53]. Выражение «речь о

сущности» означает то же самое, что и определение в приведенных выше текстах. Но решающим, по-видимому, является следующее. «Из того,— пишет Аристотель,— что говорится о подлежащем, необходимо сказывается о подлежащем и имя и понятие; так, например, человек сказывается о подлежащем — об отдельном человеке — и о нем, конечно, сказывается имя (человека): ведь отдельного человека назовешь человеком. и определение человека будет сказываться об отдельном человеке, ведь отдельный человек есть и человек и живое существо» [Там же, с. 56]. Здесь термины понятия и определения прямо употребляются как синонимы.

Приведенных текстов Аристотеля достаточно, чтобы обнаружить, в чем специфика его концепции, а именно: понятие является синонимом определения, а последнее — обозначение сути бытия.

Такая интерпретация понятия, развитая древнегреческим мыслителем, длительное время сохранялась в европейской философии и существует в наши дни. Это обстоятельство не случайно. Хотя данное понимание возникло в сфере логической мысли, в нем нашел отражение многовековой опыт человечества, опыт не только познавательной, но и практической деятельности по освоению мира. С этим освоением связана фундаментальная культурно-историческая функция человеческого мышления и его форм — способность, основываясь на объективных свойствах и отношениях, обнаруживать единство вещей в их разнообразии, выделять в опыте более важное и существенное и оставлять в стороне несущественное или менее важное. На основе такой характерной для жизнедеятельности людей тенденции возникло представление о сущности бытия как некотором конечном пункте познавательного процесса. Поскольку последний имеет дело с объективным предметом, сущность выступает как предел объективности.

В общем виде это ярко выразил Аристотель в «Метафизике». Среди четырех значений понятия «предел» он выделял такое: «Сущность каждой вещи и суть ее бытия, ибо суть бытия вещи — предел познания [вещи]; а если предел познания, то и предмета» [1976, с. 170]. Из культурно-исторической функции мышления вытекает и понимание определения понятий как отражения онтологического предела вещи — ее сущности. Поскольку эта функ-

ция носит непреходящий характер, данное определение не может устареть. Однако со временем, с развитием познания, оно обнаружило свою ограниченность, оказалось односторонним, с чем связано другое определение понятия, к рассмотрению которого мы переходим.

При втором определении понятие является единством всеобщего, особенного и единичного. Впервые оно было четко, правда, на идеалистической основе, развито Гегелем. Своеобразное место понятия в логике Гегеля обнаруживается уже из ее общей структуры: логика здесь подразделяется на три части — «учение о бытии», «учение о сущности» и «учение о понятии». Каждой из них соответствуют особые формы мышления: категории, рефлексивные определения, понятия. Таким образом, понятие отчленено от бытия и сущности; к тем своеобразным категориям, которые составляют его содержание, категория сущности уже не принадлежит.

Это не значит, что Гегель их полностью разрывал. Он рассматривал объективную логику, предметом которой являются бытие и сущность, как «генетическую экспозицию понятия» [1972, с. 10], исследовал понятие с точки зрения развития, хотя и понимаемого идеалистически. «Взятое с этой стороны, понятие следует рассматривать прежде всего как третье к бытию и сущности, к непосредственному и рефлексии. Бытие и сущность суть поэтому моменты его становления; понятие же есть их основа и истина как тождество, в которое они погрузились и в котором они содержатся. Они содержатся в понятии, так как оно их результат, но содержатся уже не как бытие и не как сущность; такое определение они имеют лишь постольку, поскольку они еще не возвратились в это свое единство» [Там же, с. 9—10]. Таким образом, под бытием и сущностью Гегель понимал объективную реальность. Его интерпретация понятия как основы бытия — дань идеализму. В идеалистической оболочке Гегель и выражал действительные факты познания.

В самом деле, оно начинается с постижения внешней, поверхностной стороны предмета, а не его сущности. Последняя в начале познания не дана. Вследствие этого не дано также коррелятивное с сущностью явление, и предмет на этой стадии познания не раздвоен, а дан в непосредственной форме бытия, как существующий в качественных, количественных, пространственных, времен-

ных и прочих определенностях. Лишь освоив последние в их связях, сознание обнаруживает, что в предмете, переходящем из одного состояния в другое, в то же время что-то сохраняется, что он раздваивается на явление (появляется и исчезает) и сущность (пребывает в потоке явлений).

Предмет раздваивается на общую противоположность, которая постигается целой системой рефлексивных, соотносительных определений, представленных так называемыми полярными категориями тождества и различия, основания и обоснованного и многими другими. Таким образом, лишь на второй ступени человек познает сущность и, только освоив ее, может получить понятие о предмете. Поскольку понятие, как подчеркивал Гегель, является результатом такого познания, оно содержит в себе формы мысли, которыми воспроизводится бытие и сущность, и образует их единство. Если на этом остановиться, то мы получим аристотелевское определение понятия как постижения сущности.

Следовательно, данное определение содержится в гегелевской концепции понятия. Но она не сводится к указанному определению, поскольку понятие выступает единством всеобщего, особенного и единичного.

Всеобщность все пронизывает собой, между тем как сущность противостоит явлению и представляет только один полюс предмета. Например, если взять «Капитал» К. Маркса, то здесь закон стоимости является сущностью, а цена — ее проявлением. Если понятие отражает сущность, то ею будет в данном случае закон стоимости. Явление — не только нечто иное, но и противоположное. Когда Рикардо их прямо соотносит, цену и закон стоимости, он натыкается на противоречия, соотносит же он их для того, чтобы убедиться во всеобщности данного закона, которому подчиняются все явления капиталистической экономики. Для того чтобы показать всеобщность закона, К. Маркс выводит цену из стоимости, прибыль или ренту — из прибавочной стоимости и т. д. Поскольку эти явления (прибыль, рента) выводятся из сущности, последняя непрерывно продолжается в них, находясь здесь не в другом, а у себя самой, благодаря этому она охватывает обе противоположные стороны предмета и выступает всеобщностью. *Сущность превращается во всеобщность.*

Таким образом, сущность и всеобщность весьма различны, и пока познание не осуществило указанного выведения, пока сущность не проявила себя продолжающейся в явление, она не всеобща. И наоборот, это выведение из сущности изменяет ее познавательный статус — переводит ее во всеобщность.

С другой стороны, этот же процесс обнаруживает расчленение сущности. До сих пор она как простая основа противостоит многообразию явления. Она — единое, тождественное и т. д., как ее обычно определяют. Но продолжаясь в указанном процессе выведения в явление, становясь всеобщей, сущность расчленяется в себе: стоимость продолжается в цене, прибавочная стоимость — в прибыли и т. д. Противоположные или различные стороны целого выступают как особенные сферы (виды) всеобщности, причем явление не присоединяется извне; особенное положено, произведено реальным всеобщим. Оно содержит в себе особенное, а не исключает его из себя, как в абстрактном представлении о сущности.

Таким образом, то, что вначале выступает как различие сущности и явления, становится всеобщим и особенным. При этом особенное не тождественно явлению, ибо сущность также отличается от явления, и потому есть особенное. Со своей стороны, всеобщее не сводится к сущности, так как явление выступает ее проявлением или продолжением. Поясним это на примере капитала.

Понять капитал — это не только постичь его сущность, но и то, как она проявляется. Такое взаимопроникновение есть всеобщность. Понять его, далее, не значит знать только всеобщую его природу. Поскольку всеобщее в самом себе членится (как членится живой организм), понятие есть также постижение особенного и их единства. Поскольку всеобщего нет вне особенного, надо знать единство этих сторон, их целостность. Целое нельзя ухватить, если понятие — отражение одной только сущности: непознанным оказывается явление, которое не менее важно. Наоборот, всеобщность есть граница, которая охватывает весь предмет, а особенное обнаруживает всю всеобщность, а не ее часть. Поскольку всеобщее само полагает особенное, виды последнего, выведенные из всеобщего, исчерпывают всю сферу всеобщего, образуют целокупность всех его особенных формообразований. В силу этого формируется одно понятие, охватывающее все, а сам предмет

становится для сознания *целым*, определенность которого выражается категорией единичного.

Таким образом, понятие есть единство всеобщего, особенного и единичного. Это единство обнаруживается уже в простейшей форме существования понятия в дефиниции, определении, через род и видовое отличие. Возьмем, к примеру, такое определение: человек есть животное, делающее орудия труда. Здесь определяемый предмет — единичное, родовой признак — всеобщее, видовое отличие — особенное. Категориальная структура всего определения выглядит так: *Е* есть *В* и *О*. Таким образом, даже абстрактная форма определения понятия того или иного предмета показывает, что оно — синтез всеобщего, особенного и единичного, хотя в определение понятия как такового они включаются далеко не всегда. Нередким является также смешение двух типов определения, когда понятие определяется как отражение существенного, общего и т. д. Рядом ставятся категории, качественно различные по своему характеру.

Рассматриваемый сейчас второй тип определения понятия, как видим, имеет не столь длительную историю, как первый. Дело в том, что истолкование понятия как единства или синтеза всеобщего, особенного и единичного отвечает такому историческому этапу развития познания, когда был накоплен значительный опыт построения систематических форм знания, прежде всего в конкретных науках, математике, механике и т. д. Этот опыт в обобщенном виде проникает и в философию, в которой возникает проблема: как строить систему философского знания, на каких основаниях и принципах? Данная проблема была сформулирована, как известно, в философии Канта. Ее осмысление и решение привели к созданию ряда философских систем в немецкой классической философии. Среди них особая роль принадлежит системе Гегеля с ее ядром — «Наукой логики», в которой с идеалистических позиций анализируется понятие понятия. С возникновением марксистской философии системное (систематическое) построение знаний в материалистически преобразованной форме стало прочным завоеванием науки. Об этом свидетельствует разработка данной проблемы в современной диалектической логике, общей теории систем, методологических исследованиях, касающихся тех или иных конкретных наук, достигших известной стадии

ровнями. Таким образом, с определенного времени понимание понятия как единства всеобщего, особенного и единичного становится столь же необходимым элементом научного знания, как и аристотелевское его понимание.

Однако за одинаковой их необходимостью нельзя не видеть качественного различия. Они возникают, во-первых, в разных социально культурных условиях. Знание приобретает систематический характер тогда, когда наука становится жизненно важной для общественного развития. Впервые это произошло в эпоху капитализма и отразилось в философском знании и логике его построения в конце XVIII — начале XIX века. Аналогичным условием возникновения аристотелевского понимания понятия является социально-исторический фактор, сложившийся значительно раньше,— а именно отделение умственного труда от физического и возникновение относительно самостоятельной познавательной деятельности, направленной как на удовлетворение непосредственных нужд людей, так и на познание основ, начал бытия и духовной жизни человека. Различие условий порождает и столь несходный результат.

Во-вторых, двоякое понимание понятия (как отражения сущности и как единства всеобщего, особенного и единичного) выражает различные стороны познавательного освоения мира. Первое понимание проистекает, очевидно, из осмысления собственно познавательного процесса, идущего от явления к сущности. Оба противостоят нам и друг другу. Так как здесь конечная цель — дойти до сущности, то она (цель) выражается в дефиниции понятия как отражения сущности. В процессе познания объект раздвоен на явление и сущность. Раздвоение входит и в определение, которое берет одну существенную сторону, оставляя в стороне другую. Такая раздвоенность свидетельствует о том, что объект еще не вполне познан, но предстал для сознания как целое. Этому этапу постижения сущности и соответствует данное определение понятия. Однако и здесь оно не лишено противоречий. В самом деле, прежде чем дойти до сущности, мы познаем качество, меру и другие стороны или категориальные определенности вещей. Почему же мы не определяем понятия как отражения качества, меры и т. д.? Ведь у нас есть также понятия качества, меры и

множества иных, весьма важных для постижения мира понятий. Но они не принимаются во внимание как «несущественные».

С другой стороны, достижение сужности, вопреки Аристотелю, не конечная цель познания и его предел. Открыв сущность, следует идти в обратном направлении и вывести из нее, понять формы ее проявления. Движение к этой цели — целостному познанию предмета — есть одновременно снятие указанной раздвоенности, своеобразной меры познанности и непознанности объекта и тем самым снятие отношения к объекту как противостоящему или являющемуся нам. В преобразованной идеальной форме он всесторонне входит в сознание и мышление; движение предмета мысли здесь есть развертывание его в понятиях. В классической форме это выражено в «Капитале» К. Маркса. Исследовав в первом томе своего труда *сущность* капиталистического способа производства — производство прибавочной стоимости, он затем анализирует процесс обращения ее, *проявляющийся* на поверхности, и, наконец, в третьем томе воспроизводит процесс капиталистического производства, *взятый в целом*. Однако в ходе познания целого, как мы видели, категории явления и сущности превращаются в особенное и всеобщее и в их единство — единичное. Поэтому когда Гегель отличал понятие как форму мышления от категорий бытия и сущности и относительно последних писал, что «в понятии нет различия по этим определениям» [1972, с. 30], то это значит, что указанные категории в данной форме познания развиваются или превращаются в иные, более общие категории всеобщего, особенного и единичного. Во всяком случае, тем самым мы переходим на иной уровень — теоретического познания, реализующегося в логике.

Следовательно, оба определения понятия верны, но каждое — в своей области. Главное же состоит в том, что они не просто стоят рядом, но выражают разные стадии познания, а потому должны специально исследоваться в различных теориях: теории познания и диалектической логике. Если такое различение не проводится, то получается по сути дела смешение их, ведущее к парадоксальным результатам.

Так, если понятие есть форма мышления, в которой отражается сущность, то в нем выделяются два компонента: форма и содержание. Содержание получается извне

и качестве отражения сущности. Что же остается на долю формы? Это или совершенно пустая форма, или, если понятие — единство всеобщего, особенного и единичного, именно это единство и есть форма. Получается такая картина: понятие — отражение сущности; основные моменты его как формы мысли — единичное, особенное и всеобщее. Значит, они и их единство не являются отражением. Однако это неверно. Тогда они должны входить в дефиницию понятия. А это противоречит его определению как отражению сущности. Чтобы избежать этого, необходимы «гибридные» формы определения, которые включали бы элементы обоих его типов, что действительно встречается, когда понятие определяется как отражение существенного и общего в вещах и явлениях. Например, Д. И. Горский пишет: «Чаще всего понятие определяется как мысль, в которой отражаются общие и существенные свойства и отношения предметной действительности» [1961, с. 93]. Он полагает, что данное определение имеет существенный недостаток, ибо не позволяет отличить понятие от суждения, высказывания, в которых тоже ведь фиксируется знание о существенном [См.: Там же, с. 94].

Включение в одно определение понятия категорий, которые характеризуют его качественно различные типы, можно расценивать как действие некоторого инстинкта или интуиции разума, стремящегося восполнить недостаточность гносеологического определения понятия. Этот инстинкт должен быть поднят на уровень сознательного анализа проблемы, ясного разграничения типов определения понятий, их взаимозависимости и качественно различного способа функционирования на различных стадиях или ступенях познания.

Категориальная классификация понятий

По вопросу о классификации понятий не существует какого-либо единого мнения. Почти каждый автор предлагает свою группировку их и особое ее основание. Предварительно рассмотрим несколько опытов этого рода, чтобы затем подойти к общему решению вопроса.

По мнению И. Я. Чупахина, всеми логиками признаются два рода или два вида понятий — регистрирующие

и нерегистрирующие. Их различия, полагает он, «настолько глубоки, что должны быть отмечены в самом определении понятия, как это делается, например, в отношении между утвердительными и отрицательными суждениями в соответствующей дефиниции» [1973, с. 36—37].

Регистрирующее понятие — это такое, в котором перечисляется или указывается помимо признака количественная определенность предметов (единичный предмет или их множество). Например, понятие «люди, жившие в XIX веке в Москве» является регистрирующим, а понятие «человек» — нерегистрирующим, поскольку оно подразумевает всех возможных людей. Чупахин при этом не замечает, что человек — не понятие, а слово, понятийное содержание которого здесь просто отсутствует. В элементарной форме оно появляется только в определении — дефиниции. Аналогично и «люди, жившие в XIX веке в Москве» — вовсе не понятие, а предложение, выражающее факт, как, скажем, факт «Цезарь перешел Рубикон». Еще более далеко от сути дела «понятие» типа «Муха, существовавшая в Европе в 1812 году» [Там же, с. 38]. Совершенная искусственность этих «понятий» очевидна. В лучшем случае здесь констатируется некий факт — бытие мухи в такое-то время, а не понятие, которое можно искать в курсах зоологии. Слово «муха», даже жившая тогда-то,— не понятие.

Нерегистрирующие понятия И. Я. Чупахин называет еще открытыми или качественными. Но это ставит вопрос об отражении в понятиях существенных признаков; если есть количественные и качественные понятия, то должны быть также существенные и несущественные, необходимые и случайные. То же относится ко всем категориям, которые, однако, отсутствуют в рассматриваемой классификации.

Следует отметить, что такие основные моменты понятия, как всеобщность, особенность и единичность, при этом разорваны: открытые понятия делятся на всеобщие (например, «человек») и особенные, частные («русский»), а закрытые — на общие (множественные) и единичные. Данное деление построено не на анализе понятия как формы мышления, а на отношении обозначения — отношении знака (слова) — к одному или множеству предметов или на таком отношении, которое не полагает никаких границ количеству предметов. Все содержание име-

ется лишь в представлении, а «понятие» становится бессодержательным словом, с которым ассоциируется предполагаемый предмет. К этому автор присоединяет широко известное подразделение понятий на относительные и абсолютные, конкретные и абстрактные, положительные и отрицательные и т. д. [См.: Там же, с. 41].

Основанию деления понятий И. Я. Чупахин видит в следующем: «Деление понятий на обычно указываемые виды обусловлено различными сторон действительности, которые фиксируются ... категориями «вещь», «свойство», «отношение» [Там же, с. 45]. С этим нельзя не согласиться, однако положительное и отрицательное — тоже ведь категории. Но их нет в данном списке, хотя без них не может быть деления понятий на положительные и отрицательные. Аналогично при категориальном делении понятий на всеобщие, особенные и единичные не могут помочь вещь, свойство и отношение, как и при делении понятий на абстрактные и конкретные. Если же так или иначе принимается определение, согласно которому «понятие является формой мышления, отражающей предметы в их общих существенных признаках» [Там же, с. 11], то нужны такие категории формы, общего, существенного. Если их нет, то получится, что дефиниция никак не связана с делением понятий. Кроме того, последнее требует намного больше категорий, чем их дает приведенное основание деления.

В. В. Мальцев делит понятия на диалектические и формально-логические, или конкретные и абстрактные. Он соглашается с тем, что понятие отражает сущность предметов, но считает это недостаточным для его определения. «Нельзя удовлетворительно определить понятие как логическую форму, не указав на отражение ею качества предметов и не отметив, что сущность есть выражение существенных черт качественной определенности предметов» [1964, с. 115]. Кроме того, форма понятия зависит от тождества и различия вещей и явлений. Присоединяя сюда количество, Мальцев дает следующую дефиницию понятия: «Поэтому понятие можно было бы определить как логическую форму, отражающую качественно и количественно определенное общее и существенное вещей, процессов, событий и т. д.» [Там же, с. 117]. В чем состоит логическая форма, остается неясным, как непонятно и то, почему вводится только количество, качество, общее и

существенное, ведь понятие отражает необходимость и случайность, свойства и отношения и многое другое.

В «Основах марксистской логики» Г. Г. Габриэльян выделяет такие «формы понятия», как единичное, особенное (или частное) и общее. Их различие чисто количественное, и градация последнего — один предмет, несколько, все предметы — образует основание этого деления. Более общими, чем понятия (даже общие), являются категории, а наиболее общими — идеи: понятие < категория < идея [См.: 1968, с. 337—352]. Получается пять степеней количественно большего и меньшего. Единичное, особенное и общее в этой классификации — только виды количества. Идея у Г. Г. Габриэльяна является настолько глубокой по форме отражения, что, по его словам, в известном смысле выступает теорией [См.: Там же, с. 352]. Чисто количественный подход к делению понятий, категорий и т. д. приводит в конечном счете к отождествлению идеи и теории, что не свидетельствует в пользу данной классификации понятий. Аналогично В. Ф. Асмус пишет: «С точки зрения количества предметов, мыслимых посредством понятий, все понятия делятся на 1) общие, 2) единичные и 3) собирательные» [1947, с. 37]. Специфика здесь только в том, что «особенное» заменено «собирательным».

Как известно, Гегель в «Науке логики» также делил понятия на всеобщие, особенные и единичные, хотя в то же время подверг резкой критике количественное понимание различия их видов [См.: 1972, с. 35—59]. Это имело глубокий смысл. Достаточно заметить, что такое понимание иногда ведет к отрицанию единичных понятий; так, И. Я. Чупахин считает, что нет единичных понятий, так как нельзя поставить вопрос о том, какие существенные признаки имеют понятия «Петр», «Семен» и т. д. «Собственные имена,— пишет он,— не имеют предметных значений, представляющих понятия» [См.: 1961, с. 5—6]. Это, в свою очередь, ведет к вопросу, может ли в таком случае быть понятие Возрождения, которое тоже индивидуально, и т. д.

Приведем еще два примера классификации понятий в более старых учебниках логики. С. Н. Виноградов выделял несколько видов понятий и отношений между ними. На первое место он ставил их иерархию: зная объем и содержание и применяя закон их обратного отношения,

понятию можно подвергать ограничению, добавляя признак, и обобщению, отнимая его, благодаря чему возникают иерархии более и менее общих понятий. Самые общие из них — категории. Таким образом, есть понятия общие и частные, или родовые и видовые, что дает самое полное отношение — отношение подчинения. Кроме того, есть понятия соподчинения (вместе два понятия подчинены третьему, например «треугольник» и «окружность» «фигуре»), равенства (тождества), частичного согласия (тождества и различия одновременно), противоречия (черный, нечерный), противоположности, или противности (черный, белый), несравнимости (абсолютное различие) [См.: 1914, с. 15—18]. Здесь использованы преимущественно рефлексивные категории для выделения видов понятий и отношений между ними.

М. Владиславлев делил понятия на видовые и родовые, подчеркивая относительный характер такого деления. При этом и у него самые общие, отвлеченные понятия образуют категории [См.: 1872, с. 91—94]. На учении о категориях Владиславлев видел влияние, испытываемое мышлением со стороны языка. «Понятия,— писал он,— делятся на три главных разряда, завершаемых указанными тремя категориями ... По программе имен существительных мы образуем разряд понятий, завершаемых категорией сущности, по типу прилагательных мы образуем разряд, во главе которого стоит понятие свойства, и по типу глаголов образуется род понятий, подчиняющихся понятию бытия» [Там же, с. 93—94]. Здесь все понятия делятся на три рубрики, каждая из которых образует иерархию более и менее общих понятий и завершается определенной категорией как самым общим понятием.

Таким образом, анализ приведенных классификаций (они являются типичными) позволяет заключить, что за небольшими исключениями их авторы берут различные основания для группировки понятий, выделяют разные их виды, по разному устанавливают их отношения. В то же время, несмотря на видимое разнообразие, классификации носят некоторый общий характер. Чтобы его выявить и тем самым подойти к решению проблемы классификации понятий, необходимо исследовать следующие три отношения: во-первых, раскрыть связь понятий с их системой, в которой каждое из них занимает определен-

ное место; во-вторых, уяснить соотношение понятий и их видов с разнообразием философских категорий; в-третьих, целесообразно разграничить две проблемы — классификацию понятий и деление понятий как форм мысли.

Рассмотрим прежде всего связь понятий с их системой. В иллюстративных целях можно было бы использовать любую систематизированную естественнонаучную или историческую теорию. В соответствии с предметом нашего исследования в качестве системы понятий будем использовать «Капитал» К. Маркса.

Единым основанием для деления понятий является прежде всего система той или иной науки или абстрактная теория системы, которая строится на основе принципов диалектики. Изучение структуры такой системы, ее особенностей дает возможность выделить понятия по некоторым существенным параметрам. Вся такого рода система есть последовательное развитие некоторого общего понятия, развитие, осуществляемое через движение его в особенных и единичных формах. В «Капитале» таким общим понятием является прибавочная стоимость или капитал. Данное понятие развивается в особенных формах относительной и абсолютной прибавочной стоимости, прибыли, ренты, процента. Единичное же понятие есть при этом постижение капитала как целого, самостоятельно («для себя») существующего исторического способа производства.

Далее, диалектически строящаяся система развертывается через полагание и разрешение противоречий, нахождение их оснований и т. д. Поскольку развиваемый при этом предмет отражен в понятиях, мы получим контрарные и контрадикторные, вообще противоположные понятия. Но противоположные вообще — это положительное и отрицательное. Тем самым решается вопрос о существовании соответствующих понятий. К ним можно было бы присоединить синтетические понятия — определенные единства противоположностей. Аналогичное место принадлежит основным и выводным понятиям.

Все отмеченное очевидно в такой системе, как «Капитал». Так, К. Маркс пишет: «Уже раньше, в первой книге, было показано, что как раз то обстоятельство, что этими средствами производства владеют нерабочие, превращает рабочих в наемных рабочих, нерабочих — в капиталистов» [25, ч. 1, с. 48].

В этом тексте даны и противоположные понятия. Обнаруживается, что отрицательное понятие «нерабочий», с одной стороны,— синоним капиталиста. С другой стороны, они различаются, ибо нерабочим может быть и люмпен-пролетарий. Отрицание («не») имеет позитивное содержание, но выступает и как основание большей и качественно иной общности. Поэтому И. Я. Чупахин делает неправильный вывод, когда пишет: «В понятиях, которые принято называть отрицательными, мыслится не отрицание признаков соотносительного положительного понятия, а только отличие видового признака первого от видового признака второго при наличии одного и того же родового признака у обоих понятий» [1973, с. 46]. Хотя указанное имеет смысл по отношению к примеру Чупахина с «млекопитающими» и «немлекопитающими», как общий вывод оно неверно. Это видно из текста К. Маркса: «Рабочий» и «нерабочий» не просто отличаются, а противоположны друг другу, что выражается в факте классовой борьбы. Было бы необоснованным, признавая отличие или различие такого рода понятий, запрещать доводить различие до противоположности и противоречия, которое есть ведь его предельная форма различия. На важность данного момента указывал В. И. Ленин.

С другой стороны, здесь имеет место тождество понятий и предметов, которые в них отражаются. Так, капитал есть труд, а именно накопленный труд, впитывающий живой труд. Далее, основными понятиями этого труда К. Маркса являются товар, деньги, капитал; все остальные — выводные понятия. Развитие знания о капитале совершается в работе К. Маркса по методу восхождения от абстрактного к конкретному, что дает различие соответствующих абстрактных и конкретных понятий. Его можно обозначить как различие простых и сложных понятий, поскольку первые выражают односторонние определенности, а конкретное выступает единством многообразного.

Вообще все виды понятий заключены в такой системе как в основании. Мы рассмотрели только некоторые из них. Сделать общий вывод позволяет то обстоятельство, что именно в системе знаний понятия достигают наибольшей определенности и расчлененности. Если взять изолированные понятия, то многие виды их выпадут. Например, тождественные, противоположные, конкретные,

абстрактные и другие соотносительные понятия требуют уяснения их связи. Они ее теряют, будучи взятыми порознь. Поэтому исчезает и характер их как положительных или отрицательных и т. д. Даже так называемые абсолютные понятия имеют смысл только в их связи с относительными, что вытекает из диалектической связи категорий, образующих их определенность. О вещи, взятой вне всяких отношений, писал в свое время Ф. Энгельс, нечего сказать. Нельзя ничего сказать и о понятиях, взятых изолированно от других понятий. Иначе следовало бы допустить, что вещи и их свойства, а также отражающие их понятия имеют более богатое содержание, когда они взяты сами по себе, а не в системе целого — некоторой сферы действительности, некоторой системы знания и т. д.

В данном плане важно заметить, что все различные классификации понятий, несмотря на их несовпадение, не то что неправильны, а просто неполны. Один автор берет одни понятия и их виды, другой — другие. Различие классификаций и даже их взаимоисключение проистекают от узости основания, которое при этом принимается. Так, триада «вещь — свойство — отношение», конечно, слишком бедна, чтобы быть основанием классификации понятий, ибо в ней приняты во внимание только три категории. Между тем их намного больше, и все их необходимо привлекать, как только заходит речь о тождественных, противоречащих и тому подобных понятиях. Это ставит общий вопрос об отношении классифицируемых понятий к многообразию категорий.

Необходимость исследования второго отношения вытекает из следующего. Мы брали разные виды понятий и находили их место в системе «Капитала», т. е. исходили из таких видов, которые уже зафиксированы и отражаются в работах по логике у различных авторов. Но остается открытым вопрос о том, сколько таких видов и каковы они. Для этого необходимо указать общий способ их получения или открытия. Данный вопрос решается путем сопоставления различных возможных понятий с философскими категориями.

Отметим прежде всего тот факт, что все без исключения классификации основаны на их соотношении с философскими категориями. Понятия различаются как количественные, качественные, положительные, отрицатель-

ное, тождественные и противоположные и т. д., иначе говоря, различаются категориально. Поэтому содержание таких понятий двойственное. С одной стороны, оно является конкретным содержанием той или иной науки, например политической экономии: ее понятия — «капитал», «некапитал», «труд» и другие — имеют содержание, несводимое к философским категориям. С другой стороны, обозначая их как положительное («капитал») или отрицательное («некапитал»), мы вскрываем философский пласт в их содержании; последний тоже есть в них, как и вообще общее существует в частном. Но в самостоятельном виде оно находится в самих философских категориях, к которым относятся или под которые подводятся соответствующие понятия.

При таком положении видов понятий будет столько же, сколько категорий, а полнота последних, их вычленен-ность из ткани осуществленного в истории философии познания дает полноту видов понятий, исчерпывающую их классификацию. Таким образом, видов понятий намного больше, чем их выделяют. Ведь опыт рассматриваемых классификаций ограничивается всегда только некоторыми категориями, а не всем их списком. Так, помимо количественных и качественных следует ввести вид понятий, относящихся к мере, помимо противоречащих — синтетические или выражающие основание и т. д.

Особенно поразительно при этом то, что традиционное и до сих пор распространенное определение понятия как формы мысли, в которой отражаются существенные признаки вещей или событий, является не общим его определением, а видом понятия. Ведь понятия могут отражать не только сущность, но и явление, случайность и необходимость и т. п.

Если мы желаем установить виды понятия и определенную их субординацию, то это можно сделать, если субординировать сами категории, превратить их из суммы в систему. В данной связи заслуживает внимания идея Фихте, касающаяся классификации наук. В конце XVIII — начале XIX века в философии было распространено мнение о том, что математика изучает количество и количественные отношения, физика — качественные состояния тел, химия — меры и т. д. При этом возникал также вопрос о том, как объединить указанные науки в целое, как классифицировать их понятия и субординировать

сами науки. Идея, развитая Фихте (и воспроизведенная затем Гегелем), состояла в том, что каждая из названных наук подводится под определенную категорию, категории же дедуктивно, необходимым образом связаны в системе философского знания. Через такое отношение к ним и сами науки субординированы друг с другом, каждая занимает особое место, определяемое структурой системы категорий. При этом понятия, о которых у нас идет речь, имеют двухступенчатое соподчинение. Во-первых, они связаны в рамках той либо иной науки, определяются ее предметом, а во-вторых, подводятся в данной их совокупности под категорию.

В настоящее время нельзя говорить о столь жестком прикреплении разных наук к различным категориям, хотя само отношение сохраняется. Поэтому категориальная классификация наук, предложенная Фихте, сохраняет значение после введения в нее изменений, соответствующих современному уровню развития знания. Кроме того, она имеет важное значение для рассматриваемой нами категориальной классификации понятий; различные понятия отражают разные стороны вещей и явлений — их качественные, существенные и другие определенности или «признаки», позволяющие относить к той или иной категории целые классы понятий. Возможность такого разбиения на классы следует хотя бы из того, что при необозримом множестве научных понятий множество философских категорий весьма невелико. Предпосылкой данной классификации является, как уже сказано, то, что содержание понятий и категорий неодинаково. Учитывается ли это в опытах классификации, предлагаемых в работах по логике? Ответ на вопрос не может быть однозначным.

С одной стороны, выделяя виды понятий, авторы, как правило, для пояснения их прибегают к примерам. Так, если речь идет о положительных и отрицательных понятиях, то приводят примеры понятий «человек», «нечеловек», «рабочий», «нерабочий», «млекопитающее», «немлекопитающее» и т. д., если понятия относительные, то их можно пояснить словами «больше», «меньше»; слово «человек» будет представлять абсолютное понятие, поскольку в нем не выражено отношение к другому, и т. д.

Подобного рода примеры сопровождают любое расчленение понятий и свидетельствуют о том, что в каждом

случае речь идет о классификации конкретных понятий «человек», «белый» и т. д.

Правда, в данном вопросе логика — наука не о человеке (этим занимается антропология и другие гуманитарные науки), не о млекопитающих (это предмет зоологии). Ее предмет — понятия и их виды вообще, понятие как форма мышления. Поэтому вместо человека и т. д. можно привести множество других примеров. Они — только иллюстрации общих членений понятийного слоя мышления.

С другой стороны, классификации проводятся так, как если бы они касались не конкретных понятий, а понятий вообще, их всеобщих видов и родов. На поставленный выше вопрос, таким образом, следует, по-видимому, ответить, что отношение между категориями и понятиями, разбиваемыми на классы, двойственно: оно фактически учитывает многообразие конкретных понятий и фактически низводит их только к иллюстрациям, усматривая суть дела во всеобщих характеристиках понятия.

Таково реальное положение, но оно не становится сознательным предметом исследования, совершается как факт мышления. Поэтому авторы классификаций не доходит до той проблемы, которая здесь имеется. Чтобы обнаружить ее, отвлечемся полностью от конкретных содержаний типа «человек», «нерабочий» и т. д. и, говоря о положительных, отрицательных, основных и иных понятиях, не будем ими пользоваться. Что тогда можно сказать об этих понятиях? Поскольку речь идет об их видах, а последние обозначены или выражены категориями «положительное», «отрицательное», «основание» и т. д., здесь не будет никакого иного содержания, кроме категориальных и рефлексивных определений. Они будут исчерпывать весь смысл таких видов понятий. Правда, помимо этих атрибутов здесь есть еще «понятие», к которому они прикрепляются. Но что такое понятие? Если оно — отражение существенных признаков, то его содержание снова сводится к категории.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы расчленить понятие вообще, выделить его виды, а практически все сводится к делению категорий, понятий. Категориальные определенности выступают как свойство, подчиненная сторона, определенность таких понятий, их форма или вид. Но ясно, что составляет их родовое, имманент-

ное содержание. «Понятие» здесь является пустым словом. Как вид оно характеризуется категорией, его конкретное содержание оставлено в стороне, а собственно понятийное содержание не выявлено. Все его содержание дает некоторая категория. Таким образом, понятий при этом будет столько, сколько имеется категорий. Система понятий становится тождественной системе категорий и рефлексивных определений [1]. Такое положение в принципе отличается от предыдущей классификации, в которой каждой категории соответствовало множество понятий. Само указанное тождество сводит понятие к категории и тем самым вообще снимает вопрос о нем как особой форме мышления.

Получается то истолкование понятия, которое было подвергнуто критике еще Гегелем. «Разделение понятий на контрарные и контрадикторные, утвердительные и отрицательные и т. д. есть не что иное,— писал он,— как случайный набор определенностей мысли, которые сами по себе принадлежат сфере бытия или сфере сущности, где они уже были нами рассмотрены и которые не имеют никакого отношения к определенности как таковой» [1974, с. 349] — к собственному содержанию понятий. Последнее Гегель усматривает в единстве всеобщего, особенного и единичного, но и о нем пишет: «Подлинные различия понятия — всеобщее, особенное, единичное — также составляют его виды лишь постольку, поскольку они насильно удерживаются раздельно друг от друга внешней рефлексией. Имманентное различение и определение понятия имеют место в суждении, ибо процесс суждения есть процесс определения понятия» [Там же].

Таким образом, при указанном подходе к классификации понятий они сводятся к категориям, становятся тождественными им и утрачивают свою специфику. Однако категория может быть простым названием группы лиц или вещей, рубрикой, единством рубрики (категории) и понятия, притом в разных «пропорциях» и степени осо-

---

[1] Именно в данном смысле Гегель писал: «Если бы при рассмотрении понятия дело шло о том, чтобы указать, какие имеются *определенные* понятия, то пришлось бы привести все возможные определения,— ведь все определения суть понятия и тем самым определенные понятия,— и все категории *бытия*, равно как и все определения *сущности*, надлежало бы привести как виды понятий» [1972, с. 51].

знанности, наконец, просто понятием. Если взять последнее значение, то учение о понятии равно учению о категориях. Это далеко не очевидно и фактически нигде не встречается, хотя логика распространенных способов классификации в своем последовательном развитии ведет к такому положению, что свидетельствует о недостаточности данных способов. Их применение делает понятие синонимом содержания категории, а само по себе — пустым словом. Это имеет место или в указанных способах классификации, или в формально-логическом учении о понятии как теории символов либо знаков. В одном случае оно — категория, в другом — бессодержательный знак; в обоих случаях собственно понятие не выступает.

Однако и с таким решением вопроса, которое предлагал Гегель, нельзя согласиться. Во-первых, определение понятия, рассмотренное Гегелем, является определением суждения, или дефиницией. Но теория — это также определение понятия, только иное, более глубокое, внутреннее, а не внешнее, как в дефиниции.

Данное определение есть систематическое развертывание таких моментов понятия, как всеобщее, особенное и единичное, взятых не в виде внешнего отношения, а со вскрытием механизма их связи. Вся система как целостность выступает определенным всеобщим понятием: она членится на особенные понятия. Единство того и другого изображает самостоятельно существующий, единичный предмет. Поскольку особенное расчленено на многие особенные, то они — особые формы всеобщего. Среди них можно выделить исходную, промежуточную и конечную формы. Движение системы как целого есть порождение и сбрасывание таких форм, полагание и отрицание их, что дает положительные, отрицательные и другие понятия, поскольку, как показано выше, из системы как единого основания можно выводить те виды понятий, которые даются в их классификациях. Однако, как получилось в результате, данные понятия тождественны с категориями. Так, если берутся конкретные понятия — политической экономии, физики и т. д., то категория есть рубрика, под которую подводятся или которая объединяет те или иные понятия, рубрика (отдел с названием) потому, что, говоря, например, об отрицательном, мы при этом не исследуем его общее содержание (оно раскрывается в теории категорий), а стараемся определить

конкретное содержание понятия, обозначаемого как отрицательное. Если эта категория — не рубрика, то содержанием понятия становится содержание категории (отрицательное понятие есть понятие отрицания и т. д.), происходит оборачивание субъекта и предиката. Наконец, если взять понятие вообще, то это содержание улетучивается, «понятие» становится словом, а предикат — всем его содержанием. Между тем, говоря, например, о «положительных понятиях», имеют в виду понятия вообще, по отношению к содержанию которых «положительное» есть предикат. В чем состоит собственнное содержание такого понятия — этого не видно в принятых делениях понятий.

Таким образом, хотя система знания есть более глубокое определение понятия, чем дефиниция, но и она, не будучи структурой рубрикации мира понятий, отождествляется с системой категорий.

Во-вторых, при этом получилось бы, что определений или видов понятий столько же, сколько суждений. Иначе говоря, они были бы сведены к видам суждений.

В-третьих, хотя Гегель критиковал выделение видов понятий путем насильственного удерживания порознь их моментов, фактически в «Науке логики» он выделял именно эти виды — «всеобщее понятие», «особенное понятие», «единичное понятие» [См.: 1972, с. 35—59]. Возникает вопрос, каким образом понятие может быть единством трех указанных моментов, а последние могут в то же время образовывать его виды.

Таким образом, можно сделать вывод: категориальная классификация понятий является расчленением их в соответствии с определенными категориями, играющими роль рубрик. Такие понятия более конкретны, чем категории; их множество превосходит множество названных рубрик. Если же отвлечься от конкретных понятий и применить категории для расчленения понятий вообще, то получим тождество категорий и понятий. Тем самым проблема классификации понятий устраняется. Из этого следует, что категории для данной роли непригодны. Практическое применение их приводит (помимо уже отмеченных трудностей) к неразрешимым противоречиям.

В категориальной классификации понятий рубрики, на которые они расчленяются, носят в сравнении с понятиями более общий характер. Эта их черта бессознательно

переносятся на общее определение категорий, часто рассматриваемых как всеобщие и необходимые понятия. Таким образом, категории выступают здесь видом понятий. Конкретно указанный аспект проявляется в том, что многие исследователи к формам мысли, изучавшимся в рамках традиционной логики, присоединяли формы, являющиеся предметом диалектической логики. Получается сумма форм мысли: понятия, суждения умозаключения, категории. Важно отметить, что здесь категории и понятия различаются. Их различие выражено в приведенной дефиниции категорий.

Но при определении категории в качестве вида понятий (наиболее общих и необходимых) само понятие рассматривается по отношению к видам категорий как род. Получается, что категории — наиболее общие понятия; в то же время понятие является более общим, чем категории, ибо выступает для последних родом. Кроме того, если основные моменты понятия — всеобщность, особенность и единичность, то каким образом всеобщность категорий может быть видом по отношению к понятиям, смысл которых состоит в этой всеобщности? Можно было бы рассуждать так. Понятие есть единство трех указанных моментов, а категории — только всеобщи. Наряду с этим есть еще особенные и единичные понятия. Иначе говоря, моменты понятия, удержанные внешней рефлексией порознь, дают три вида понятий — единичные, особенные, всеобщие. Именно категории и являются всеобщими понятиями. Кроме того, есть также особенные (например, естественнонаучные или гуманитарные) и единичные понятия. Соотношение их будет отношением категорий к конкретным понятиям — их категориальной классификацией. Но такое отношение непригодно, когда нужно делить понятие как логическую форму мысли.

Из всех указанных трудностей и противоречий следует, что разбиение понятий на классы или рубрики соответственно множеству категорий и деление понятия как формы мысли — существенно различные познавательные операции. В традиционной логике, и в прошлом, и в настоящее время, они не различаются, что затрудняет выявление специфики этих операций, не позволяет в ясной форме решить вопросы о классификации и делении понятий.

Определенные подходы к решению указанных вопросов может дать изучение структуры «Капитала». Основные категории этого труда К. Маркса — товар, деньги и капитал. Единство их дает понятие капитала; последний немыслим без всеобщей формы стоимости — денег — и без такого товара, как рабочая сила; они образуют его моменты или стороны. В данном плане можно сказать, что *понятие капитала является синтезом категорий «товар», «деньги» и «капитал».* Но после того как понятие капитала получено, его развитие и членение на ряд особенных форм происходит уже не по тем категориям, из которых оно возникло; «капитал» как понятие делится не на товар, деньги и самого себя, а совершенно по другим рубрикам. Если в его воспроизводстве участвуют товарный и денежный капиталы, то они образуют не его виды (таковы они за пределами капиталистической экономической формации), а лишь формы или фазы, исчезающие моменты. Капитал как всеобщее понятие лежит в основании целого — понятия капиталистического способа производства. Как целое, единство производства и обращения, он (капитал) и соответствующие ему понятия членятся уже иным образом.

В третьем томе «Капитала» К. Маркс, указав, что капиталистический способ производства, рассматриваемый в целом, есть единство процесса производства и обращения, отмечал: «Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*» [25, ч. 1, с. 29]. К. Маркс исследовал здесь конкретные формы — прибыль, среднюю прибыль, процент и доход, ренту,— на которые членится капитал как целое, проанализировал те особенные понятия, на которые членится «капитал вообще». Можно было бы сказать, что прибыль и другие формы капитала являются категориями политической экономии. Однако категории, из которых возникает капитал, и те рубрики или категории, на которые он расчленяется, совершенно различны.

В логическом аспекте можно сказать так: если понятие возникает из синтезирования или слияния категорий, то оно членится не на эти категории или виды понятий,

в на другие. Уже в традиционной логике среди других делений понятия (на контрарные и контрадикторные, положительные и отрицательные и т. д.) резко выделяется классификация их на единичные, особенные и всеобщие. Лишь последнюю классификацию принял Гегель в свою логику, отбросив все остальные. Именно в них немецкий философ видел «определенности как таковые» и считал, что категории, используемые при делении понятий, не имеют к ним отношения.

Анализ, проделанный нами выше, показал, что вводить в содержание понятия как формы мысли качество, количество, сущность и т. д.— значит растворять его в данных категориях. Последние слишком особенны, чтобы выразить природу понятия, быть его моментами. Вместо сущности, часто фигурирующей в определении понятия, можно было бы ввести необходимость, случайность и многое другое. «Понятие,— писал Гегель,— есть конкретное и самое богатое по содержанию, так как оно есть основание и целокупность предыдущих определений, а с категорий бытия и рефлексивных определений; поэтому последние, правда, выступают и в нем. Но о природе его судит совершенно превратно, если их еще удерживают в нем в указанной абстрактности» [1972, с. 54]. Дело в том, что понятие, с материалистической точки зрения, выражает или отражает целостность предмета, например капитала, а категории — лишь его отдельные стороны. Целостность, осознанием которой является понятие, есть основание всех количественных, качественных и иных определенностей. «Но понятие есть нечто большее, чем все это, его определения — это определенные понятия и сами по существу своему суть целокупность всех определений» [Там же]. Если взять наш пример, то все особенные формы капитала и отражающие их понятия, на которые он членится, также являются синтезом категорий «товар», «деньги», «капитал» в особой их взаимосвязи. Иначе говоря, понятие капитала есть система понятий. Этими моментами понятия являются, как уже сказано, всеобщность, особенность, единичность.

Выше мы видели, что если даже принять распространенное определение понятия как отражение сущности, то это необходимо ведет к дефиниции, что оно (определение) есть единство всеобщего, особенного и единичного. Подобное движение мысли можно было бы обнаружить,

приняв за исходное любое иное категориальное содержание — качество, свойство и т. д. Все они ведут к этой дефиниции.

Таким образом, мы получаем двоякий результат. С одной стороны, обычные категории непригодны для деления понятия, не составляют его внутреннего содержания. С другой стороны (если ввести их в качество такого содержания), категории ведут дальше, к пониманию понятия как единства всеобщего, особенного и единичного. Следовательно, только это единство есть сущность понятия или его определение, и для полного решения вопроса о делении понятия нужно уяснить, во-первых, каким образом его моменты могут быть одновременно видами понятия, а во-вторых, в каких формах может существовать данное единство, иначе говоря, каковы формы существования понятия.

Всеобщность, особенность и единичность — моменты понятия и сами понятия

В традиционной формальной логике всеобщность и связанная с ней необходимость соотносились с категориями, рассматривались как их атрибуты. Поскольку при этом имелись в виду философские категории, тем самым был зафиксирован действительный факт познания, хотя объяснение его в рамках данной логики и не было дано. Правда, для характеристики категорий этого было недостаточно, поскольку, кроме философских категорий, есть и иные их типы, а также поскольку помимо всеобщности и необходимости нужны другие признаки, особенно установление их отношения с основным вопросом философии. Отправляясь от указанного факта, попытаемся подойти к поставленной проблеме и ее решению.

Итак, что означают всеобщность и необходимость категорий? Во-первых, то, что все вещи качественно, количественно и т. п. определены. Категориальные определенности присущи всему в мире. Общее здесь — сумма единичностей, иначе говоря, номиналистическое общее.

Во-вторых, если мы отвлечемся от представляемых таким образом единичностей (это особенно необходимо

в логике, являющейся учением о категориях, а не об отдельных вещах), то в чем тогда будет проявляться их всеобщность? Если всеобщность состоит в присутствии некоторой определенности во всем, то в чем она состоит здесь? В логике она должна быть не относительным (наличным в отношении к множеству вещей), а внутренним атрибутом категорий.

Прежде всего, поскольку мы абстрагировались от отношения к вещам, то осталась некоторая сумма категорий. Поэтому можно говорить об отношениях между категориями. Но если раньше почвой всеобщего было присутствие одного во многом, наличие одной (например, качественной) определенности во множестве вещей, то и теперь повторится нечто подобное: каждая категория определена качественно, имеет количественный аспект, меру — границу, за которой исчезает ее определенность, некоторую связность внутри себя (сюда входят все категориальные формы связи), содержание, определенным образом оформлена и т. д.

Что означает данный факт? Если мы берем категории в виде суммы самостоятельных форм мысли или объективных определенностей, то это не ошибка. Однако такая самостоятельность не должна быть абсолютизирована: каждая категория отражает в себе все остальные, содержит их в себе как стороны или моменты. Категории не обособлены друг от друга, а рефлексивны, образуют некое связное целое. Самостоятельность при этом не исчезает, а сохраняется в виде доминирующей определенности. Несмотря на названную рефлексию, взаимное отражение категорий, они отличны друг от друга (качество не есть количество, количество не есть мера и т. д.).

Рефлексия показывает, далее, что каждая категория внутри себя расчленена, сформирована или структурирована, так что структурность находится не только на границе категорий, но и внутри каждой из них. Кроме того, каждая категория представляет звено некоторой целостности — системы категорий. Таким образом, на более высокой ступени всеобщность как наличие одного во многом сохраняется, хотя распространяется на множество категорий, а не вещей.

Прежде чем идти дальше, остановимся в данном аспекте на понятии необходимости, поскольку качество и иные определенности не только всеобщи, но и необходимы.

Если речь идет о качестве вещей, то это означает, что нет вещей, не обладающих качественными определенностями. Данное положение доказывается эмпирически, исходя из фактических наблюдений, в соответствии с которыми люди никогда не видели бескачественных вещей. Необходимость, как и всеобщность, проявляется здесь во множестве вещей, отдельных явлений. «Не было такого и (как индуктивный вывод) не может быть такого» — вот смысл такой необходимости. Указанный смысл составляет содержание понятия «формы существования материи»: «формы существования» — такая определенность, без которой нет и не может быть материи или отдельных вещей.

Аналогичный характер и второй формы необходимости, являющейся определенностью категорий как суммы: нет категории без качества, содержания, формы, бытия и т. д. Но в системе категорий мы получаем третью форму необходимости, которая качественно отличается от первых двух: каждая категория необходимо, по законам диалектики вытекает из других, выводится из них. Необходимость здесь — форма связи, а не многократно повторенная определенность. Аналогичной формы всеобщего мы еще не видели. Перейдем к ее анализу.

В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркс писал: «Индивид, следовательно, подтверждает свой частный труд как всеобщий труд тем, что его труд представляет собой определенную особенность в общей совокупности общественного труда, некоторую особо ее восполняющую отрасль. Коль скоро труд обладает содержанием, определяемым общественной связью,— это и есть вещественная определенность и предпосылка,— он выступает как всеобщий труд. Форма всеобщности труда подтверждается реальностью его как члена совокупности всех видов труда, реальностью его как особенного способа существования общественного труда» [46, ч. 2, с. 448]. Эти и другие идеи К. Маркса полезно сравнить с нашей темой. Здесь есть аналогия, ибо в обоих случаях речь идет о системе потребностей и системе разделения труда, с одной стороны, и системе мышления с его категориями — с другой.

Из текста прежде всего видно, что частный труд носит всеобщий характер не потому, что он такой же, как и другой труд: здесь соотносятся, связываются в систему

именно разные виды и формы труда. Частный труд обретает всеобщность в силу того, что его содержание определяется общественной связью. Если данный труд не удовлетворяет никакой потребности, то он не нужен, не необходим, не вписывается в систему всего общественного труда и не является всеобщим. Его всеобщность выступает необходимостью как звена целого — общественного труда, т. е. труда всего общества в его системности, переплетении различных особенных форм. Особенное (отдельное) приобретает, таким образом, характер всеобщности, поскольку оно вплетено как звено в целое (систему общественного труда). Всеобщность здесь выступает как форма связи, а не как определенность многих отдельных вещей или процессов. К. Маркс указывает на форму всеобщности (или определенности всеобщности), поскольку особенное выступает как член совокупности всех видов (здесь труда, но это имеет более общий, категориальный смысл).

Итак, обнаруживаются следующие моменты: некоторая совокупность видов труда, видов категорий и т. п. — целостность, их система; особенное, отличное от других особенных, и не тождественное с ними (если «члены» одинаковы, то они безразличны друг к другу, нет необходимости их связи и всеобщности как связи): особенное включается в совокупность, образует его необходимый член, его «восполняющую» отрасль; совокупность всех видов, исчерпывающих данную сферу — труда, мышления и т. п., в связи с целым включенное в него в качестве необходимого члена особенное является всеобщим.

Таким образом, особенное необходимо; без него данная совокупность не может существовать, оно особенный способ (форма) существования общественного труда. В таком контексте подтверждается данное выше толкование рассматриваемого понятия. Особенное восполняет целокупность и в этой связи является общим. Последнее выступает совокупностью, охватывающей все виды. Поэтому здесь имеется общее как сумма. Но оно не сводится к последней. Совокупность есть целокупность, целостность, связность особенных видов или форм; общее является общением или связью. В указанном смысле К. Маркс отмечал, что общество (целое) есть «сумма связей и отношений» [46, ч. 1, с. 214]. Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений,

в которых эти индивиды находятся друг с другом. Наконец, особенное (частное) подтверждает свой всеобщий характер тем, что образует необходимое звено совокупности (точнее — целокупности). Хотя связь есть нечто отличное от того, что связывается (это значит, что всеобщее и особенное — не одно и то же), но она (связь) привходит в особенное, накладывается на него не внешним образом; связь является его раскрытием или развитием, полаганием того, что в нем есть в неразвитом виде. Связь — продолжение (развитие) особенного.

Аналогично обстоит дело с категориями. Во-первых, имеется совокупность всех категорий. Во-вторых, если ограничиться такой совокупностью как суммой, то в ней будет охвачено не все, ибо мышление — целокупность категорий. Такая существенная сторона его, как связность, выпадает. В-третьих, связи выступают раскрытием особенного. Так, закон перехода качества и количества не привнесен в данные категории, а выражает их.

Категории всеобщи и необходимы. Они необходимы, ибо без каждой из них нет мышления, и всеобщи, ибо каждая из них — член, звено совокупности всех форм мышления и мышления как целого. Без любой из них мышление не будет полным, всеохватывающим, всеобщим.

Чем же здесь будет единичное? Его смысл уясняется из следующих соображений. Можно представить или помыслить совокупность видов труда без каких-либо его видов, представить мышление без какой-либо всеобщей и необходимой, категориальной определенности. Полученный при этом объект выступает объектом мысли или представления, но не будет существовать реально; он будет существовать через нечто другое — мысль, воображение, но не сам по себе, не через себя. Иначе говоря, он будет объектом для другого, но не объектом для себя, не будет обладать самостоятельностью, для себя бытием.

Наоборот, если все особенные виды, формы труда, мышления взяты в их связи, а не в качестве суммы, то мы получим самостоятельно (через себя) существующие объекты или предметы. Следовательно, самостоятельными их делает единство особенного и всеобщего. Такое единство есть единичность. Последняя является категориальной определенностью. В то же время она выводит объект за пределы мышления или представления. В этом состоит рациональный смысл следующей мысли Гегеля: «Но еди-

ничность — это не только возвращение понятий в само себя, но непосредственно и его утрата. Будучи в единичности *внутри себя*, понятие становится через нее *вовне себя* и вступает в действительность... Следовательно, единичное как соотносящаяся с собой отрицательность есть непосредственное тождество отрицательного с собой; оно *для-себя-сущее*. Иначе говоря, оно абстракция, определяющая понятие в соответствии с его идеальным моментом *бытия* как нечто *непосредственное*.— Таким образом, единичное есть качественное «одно» или «это» [1972, с. 57—58]. Гегель указывал далее, что всеобщность, которая соотносится с единичными объектами как с безразличными «одними», есть лишь *то, что обще им*» [Там же, с. 58]. При таком подходе исходя из безразличного пребывания «одних» он заключал: «Низшее из всех возможных представлений о всеобщем в его соотношении с единичным — это [представление о] внешнем отношении всеобщего как чего-то только общего [многим]» [Там же]. Гегель стремился вскрыть качественное своеобразие всеобщего; идеи немецкого мыслителя имеют глубокий рациональный смысл.

Действительно, в диалектическом понимании всеобщее оно не просто является общим для многих единичных вещей или предметов, но одновременно и формой связи. Аналогичное имеет место по отношению к особенному и единичному. Связь особенных моментов, поскольку она не внешни им, является развитием самих особенных. Поскольку всеобщее — тоже связь, в последней особенное и всеобщее тождественны. Наконец, единичное тоже является единством, формой связи особенного и всеобщего. Причем такая связь как бы удвоена на связь моментов понятия и на связь понятия с реальностью. Последняя также дана в двоякой форме. Так, познание можно рассматривать как начинающееся с единичных вещей и поднимающееся ко всеобщему и, наоборот, как переход от всеобщего к единичному. Это движение от абстрактного в мышлении к конкретному в действительности.

Теперь мы можем ответить на поставленный выше вопрос. Поскольку всеобщее, особенное и единичное находятся в единстве, не изолированы, они — момент целого понятия. Поскольку же они качественно отличаются друг от друга, то они — сами понятия. Этот двойственный характер затрудняет их понимание, как и истолкование

понятия вообще. Оно представляется то как абстрактно общее (например, «капитал вообще» у К. Маркса), вне которого находятся особенные и единичные определенности предмета, то как связь данных моментов (например, в определении понятия через род — общее и вид — особенное).

Двойственность истолкования понятия исходит не из его неясности, а из его характера. Интересной в этой связи представляется структура «Капитала» К. Маркса, как она вырисовывается из «Экономических рукописей 1857—1859 годов». Расчленение исследования о капитале таково: Капитал. I. Всеобщность: 1. Становление капитала из денег; капитал и труд; элементы капитала, сгруппированные сообразно их отношению к труду (продукт, сырье, орудие труда). 2. Обособление капитала: оборотный капитал; основной капитал; оборот капитала. 3. Единичность капитала: капитал и прибыль. Капитал и процент. Капитал как стоимость, отличающаяся от самого себя как процента и прибыли. II. Особенность: 1. Накопление капиталов. 2. Конкуренция капиталов. 3. Концентрация капиталов. III. Единичность: 1. Капитал как кредит. 2. Капитал как акционерный капитал. 3. Капитал как денежный рынок.

К. Маркс разработал в основном отдел «Всеобщность». Впоследствии он называл его «Капитал вообще» в отличие от действия многих капиталов (конкуренции и т. д.). В письме Лассалю от 11 марта 1858 г. К. Маркс сообщил такой план первого выпуска своей работы: «1) стоимость, 2) деньги, 3) капитал вообще (процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого, или капитал и прибыль (процент))» [29, с. 451]. Понятия «о капитале вообще», «капитал вообще» фигурируют в письме Ф. Энгельсу от 2 апреля 1858 г.

Эти тексты показывают, что «Капитал» — изложение понятия с тремя моментами — всеобщностью, особенностью и единичностью. Марксов труд систематически раскрывает понятие капитала; по отношению к нему определения капитала, данные в предисловиях, начале исследования, выступают лишь понятием, абстрактным определением, а не реальностью капитала — его всесторонним диалектическим изложением, которое воспроизводит объективную реальность такой, какова она сама по себе.

Единичное, особенное и всеобщее в структуре «Капитала» имеют следующий вид: всеобщее является основной связью, определяющей границу данного предмета, отличающей его от других предметов. Всеобщее — граница данной сферы деятельности. В работе К. Маркса указанной связью, границей выступает «капитал вообще» — стоимость, которая производит стоимость. Все, что исследует К. Маркс, является исследованием капитала, подчинено ему. С другой стороны, все, что относится к капиталу в той мере, в какой оно относится к капиталу вообще, в сфере исследования К. Маркса. Если брать всеобщность в ее абстрактности, то она выступает внешней рамкой или кругом некоторой сферы, внешне охватывает все, что к ней относится. Обнаруживается это и процессе познания. Дальше мы остановимся в этом плане на исследованиях А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса и Ф. Энгельса, чтобы выявить основные исторические ступени изучения общего в его связи с особенным.

В развитии взглядов К. Маркса на отношение общего и особенного в наиболее существенных пунктах политико экономической теории, прежде всего в вопросе о природе стоимости, Д. И. Розенберг выделяет три этапа. Сначала К. Маркс и Ф. Энгельс отрицали закон стоимости, действительный обмен товаров по количеству опредмеченного в них труда. Это нашло отражение в работе «Наброски к критике политической экономии» Ф. Энгельса и Марксовых замечаниях к выпискам из работ Д. Рикардо. Ф. Энгельс отрицал существование стоимости потому, что это абстракция; в действительности, в силу конкуренции, нет места для реальной стоимости, а есть цена. Исходя из известного факта о том, что стоимость и цена не совпадают, он отверг первую. Аналогично поступил К. Маркс: в условиях конкуренции, считал он, реальны лишь рыночные цены; кроме того, частная собственность, а не труд, является фактором ценообразования. К. Маркс считал стоимость не соответствующей действительности абстракцией.

Второй этап связан с выписками из Дж. С. Милля: «В замечаниях к Миллю уже нет безоговорочного отрицания основ этой теории. Маркс продолжает считать ее абстракцией, но уже не отвергает ее полностью, а требует, чтобы она методологически правильно применялась и правильно трактовалась» [Розенберг, с. 70]. К. Маркс

пишет: «Милль — как и вообще школа Рикардо — совершает ту ошибку, что формулирует *абстрактный закон,* не учитывая изменения и постоянного упразднения этого закона, благодаря чему он только и осуществляется» [42, с. 17]. Описав в общих чертах диалектику стоимости и цены, он продолжает: «Это *действительное* движение, лишь абстрактным, случайным и односторонним моментом которого является указанный закон, превращается новейшими политэкономами в акциденцию, в нечто несущественное. Почему? Потому, что при тех строгих и точных формулах, к которым они сводят политическую экономию, основная формула, если бы они хотели дать абстрактное выражение указанному движению, должна была бы гласить: закон определяется в политической экономии через свою противоположность, через отсутствие закона; истинный закон политической экономии есть *случайность,* из движения которой мы, ученые, произвольно фиксируем в форме законов отдельные моменты» [Там же, с. 17—18]. Розенберг справедливо подчеркивает, что здесь стоимость отрицается в смысле ее противостояния, противоположности цене, но не отбрасывается вообще,— вместе с ценой она образует *действительное движение* [См.: 1954, с. 71].

Наконец, начало третьего этапа исследования данного вопроса связано с работой К. Маркса «Наемный труд и капитал». Если сначала он *отрицал* стоимость, а затем, признавая ее существование, подчеркивал ее *противоположность* цене, то здесь он указывал на их *единство:* «На самом же деле только в ходе этих колебаний... цены и определяются издержками производства. Совокупное движение этого беспорядка есть его порядок. В ходе этой промышленной анархии, в этом круговороте конкуренция, так сказать, компенсирует одну крайность другою» [6, с. 438].

Таким образом, общий, абстрактный закон стоимости, противостоящий вначале конкретной действительности, в ходе исследований К. Маркса «врастает» в нее, выступает как ее внутренняя, подвижная диалектическая связь. Необходимость закона пробивает себе дорогу сквозь массу случайностей. Более того, в них она и существует как общий закон. Это соединение общего с особенной формой движения, явления дает возможность понять и цену, и стоимость, свидетельствует о правильности понимания понятия как единства общего и особенного.

Выработав в основных чертах новую политическую экономию, К. Маркс сам проследил процесс «врастания» общего в особенное в истории политической экономии. Богатый материал по этому вопросу дают его «Теории прибавочной стоимости». Здесь ясно выделяются три этапа понимания проблемы, связанные с именами А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса.

Перед А. Смитом стояла двоякая задача: он, с одной стороны, стремился понять внутреннюю структуру буржуазного общества, а с другой — впервые описать внешние формы данного общества, найти для них названия и соответствующие рассудочные понятия — воспроизвести их в языке и мышлении. Поэтому он описывал, каталогизировал, подводил под схематизирующие определения понятий и т. д. [См.: 26, ч. 2, с. 177—178].

При таком подходе всеобщее существует в двух формах: как внутренние связи экономической системы; как рассудочные общие понятия, под которые подводится однородный материал, иначе говоря, общее как связь и общее как одинаковое во многих однородных явлениях. А. Смит не видел различия этих двух подходов в исследовании и двух форм общего. Полное их осознание связано с Д. Рикардо.

Особенность позиции Д. Рикардо состояла в том, что он брал в качестве общего понятия закон стоимости и сопоставлял с ним иные категории буржуазной политической экономии. Этих категорий или понятий много: товар, деньги, цена, прибыль, рента и т. д., целью сопоставления было выяснить количественное совпадение или несовпадение данных категорий с законом стоимости. Таким образом, на одной стороне у Д. Рикардо находилось общее понятие стоимости, на другой — множество понятий, отражающих разные стороны экономических отношений. Проблема, поставленная английским экономистом, имела глубокий логический смысл: как соотносятся одно общее понятие, в котором отражена сущность, основа исследуемого явления, и множество понятий — отражений такого явления. Д. Рикардо в целом не удалось решить проблему ни в политико-экономическом, ни в логическом аспекте из-за общих недостатков его метода исследования. Поэтому указанная проблема встала и перед К. Марксом.

Своеобразие марксовского подхода к решению вопроса подробно раскрыто Ф. Энгельсом в предисловии

ко второму тому «Капитала». Он указывал, что существование той части стоимости продукта, которая получила название прибавочной стоимости, было установлено задолго до К. Маркса. С большей или меньшей ясностью было высказано, что она состоит из продукта труда, за который не уплачен эквивалент. Однако буржуазные экономисты исследовали лишь количественное отношение, в котором продукт труда распределяется между рабочим и капиталистом, а социалисты находили это распределение несправедливым и выискивали утопические средства его устранения. Наоборот, К. Маркс видел проблему там, где они видели ее решение. Руководствуясь фактом существования прибавочной стоимости, он исследовал все установленные до него категории подобно тому, как Лавуазье, руководствуясь открытием кислорода, исследовал прежние категории флогистонной химии.

Ф. Энгельс перечисляет основные категории, исследованные К. Марксом, и указывает, какой характер носили его изыскания. Так, чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, он исследовал стоимость и впервые установил, какой труд и как ее образует. Аналогично он показал, как возникают деньги из товарных метаморфоз, как они превращаются в капитал и т. д. [См.: 24, с. 20—21]. Именно благодаря обнаружению механизмов возникновения, порождения, превращения экономических форм и соответствующих им категорий или понятий удалось провести закон стоимости через особенные экономические категории, представить его в систематической и всеобщей форме. Вследствие этого исчезло противопоставление общего и особенных понятий, имевшее место у Д. Рикардо.

В диалектическом методе К. Маркса существенным становится не подведение особенных категорий под общее понятие, а имманентное развертывание последнего и его дифференциация на особенные понятия. При этом дело состоит не просто в том, что с общего начинают и из него выводят особенное (как, например, прибыль и ренту — из прибавочной стоимости), само общее также выводится (например, деньги — абстрактное бытие стоимости), «дедуцируется» из обращения товаров. Проведение стоимости через всю буржуазную экономику является обнаружением, доказательством всеобщего характера стоимости и прибавочной стоимости. Оно реально и логически порождается развитием действительности, поскольку вне обмена

товаров вообще нет стоимости, нет денег и т. д. В плане отражения абстрактное понятие также выступает одновременно исходным пунктом и результатом логического процесса.

Реально общее (стоимость и прибавочная стоимость) порождается в самом движении действительности. Но последнее есть ее развитие, возникновение нового: из товара возникают деньги, из денег (при наличии рабочей силы) — капитал и т. д. В силу того, что одно исторически и логически возникает из другого, все указанные экономические формы (товар, деньги, капитал) являются формами одного и того же — стоимости. Поэтому дело обстоит не так, что сначала дано общее, а потом особенное и они сравниваются (метод Рикардо), и не так, что особенное выводится из наперед данного всеобщего экономического отношения (это имеет место при условии, что последнее уже возникло и достигло известной ступени развития). Наоборот, порождение или становление общего выступает одновременно его развитием и дифференциацией на особенные формы. Впоследствии, когда такие явления получают характер постоянства, мышление отвлекает общее от процесса и подгоняет под него указанные формы.

Возражая против абсолютизации данного момента, К. Маркс писал: «Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии, процесс, который, в свою очередь, заключает в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое. Те экономисты, которые рассматривают самостоятельное существование стоимости как просто абстракцию, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция in actu (в действии.— *Ред.*). Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается» [24, с. 121].

В логическом плане мы получим следующее. Общее понятие возникает в том же процессе, в котором происходит его членение на систему особенных понятий подобно тому, как живой организм возникает и функционирует только в ходе расчленения его на органы. В этом состоит глубокий смысл следующего положения Гегеля: «Всеобщее понятие не есть только общее, которому про-

тивостоит особенное, обладающее своим собственным существованием; оно есть, напротив, само себя обособляющее (специфицирующее) и с незамутненной ясностью остающееся у самого себя в своем другом» [1974, с. 346]. Данный процесс — это как увеличение количества, так и качественное изменение, выведение новых понятий, их преобразование и т. д. В таком движении мысли сравнение или сопоставление становится исчезающим моментом в целостной системе понятий.

Приведение общего закона капитализма и особенных форм его проявления в единство позволило уяснить эти формы, найти для них место в общей системе политико-экономических отношений, понять общее не как абстракцию, противостоящую действительности, а как подвижный закон последней, наконец, представить капитализм самостоятельным явлением, каким оно существует само по себе, а не в рефлексиях и классификациях рассудочных определений, т. е. понять единичность.

Понятие капиталистического способа производства с логической точки зрения оказалось тождественным уяснению диалектики единичного, особенного и всеобщего. Всеобщее выступало законом некоторой целостности, относительно завершенной совокупности явлений, особенное — ее внутренним членением на формы и виды, а единичность — действительным бытием такой целостности, единством всеобщего и особенного.

С другой стороны, поскольку всеобщее (у К. Маркса это прибавочная стоимость) качественно отличается от особенного (прибыли, ренты процента и т. д.), оно является всеобщим понятием (прибавочной стоимостью вообще), отличным от особенных понятий (прибыли, процента и т. д.).

Таким образом, всеобщность, особенность и единичность выступают то как моменты понятия, то как сами понятия. Эта двойственность объясняется их исследованием в системе знания, являющейся раскрытием некоторого общего понятия. В то же время система расчленена на множество понятий и образует связь последних. Поэтому именно те мыслители, которые систематически исследовали предмет (К. Маркс — политическую экономию, Гегель — логику), смогли выявить качественную специфику понятия, вскрыть двойственность в соотношении его конституирующих моментов.

Виды связей всеобщего, особенного и единичного

Конспектируя «Науку логики», В. И. Ленин приводит мысль Гегеля: «Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее, охватывающее собой также и богатство особенного» [20, с. 90]. По поводу данной мысли он пишет: «Превосходная формула: «Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» (все богатство особого и отдельного)!! Très bien! (Очень хорошо! — *Ред.*)» [Там же].

Эта «формула» неоднократно обсуждалась в философской и логической литературе, по ее поводу были высказаны различные точки зрения. Разнообразие мнений по этому вопросу превращается в совокупность альтернатив вследствие того, что совершенно не принимаются во внимание качественные различия видов связи всеобщего, особенного и единичного, более того, даже отсутствует постановка вопроса о них. Между тем если иметь их в виду, то различные представления или мнения будут находиться в отношении не противоречия, а дополнительности, окажется, что каждая из них в одном отношении истинна, а в другом — нет.

Внешним выражением игнорирования видов связи названных категорий является то, что не исследуется контекст, в котором высказал данную мысль Гегель и который имел в виду Ленин. «Формула» обычно анализируется как собственно логическое положение, но контекст убеждает в том, что дело обстоит иначе. Действительно, речь идет об образовании индивида и отношении его к логике. В связи с этим Гегель отмечал, что логика, как и грамматика, выступает в двух видах или имеет двоякого рода ценность: «Она нечто одно для тех, кто только приступает к ней и вообще к наукам, и нечто другое для тех, кто возвращается к ней от них» [1970, с. 111]. Дальше он отмечал, что начинающий изучать грамматику видит в ней только абстракции. «Точно так же тот, кто только приступает к науке, находит сначала в логике изолированную систему абстракций, ограничивающуюся самой собой, не захватывающую других знаний и наук» [Там же]. В сопоставлении с богатством представления о мире, содержанием других наук она кажется противо-

стоящей этому богатству и лишенной содержания: «При первом знакомстве с логикой ее значение ограничивают только ею самой; ее содержание признается только изолированным занятием определениями мысли, *наряду* с которым другие научные занятия имеют собственный самостоятельный материал и содержание, на которое логическое оказывает разве что формальное влияние, и притом такое влияние, которое скорее осуществляется само собой и в отношении которого можно, конечно, в крайнем случае, обойтись без научной формы и ее изучения» [Там же, с. 112].

Таким образом, первоначально логика не имеет для получающего образование индивида широты, глубины и более значительного смысла. Они приходят только в результате опыта познания: «Лишь на основе более глубокого знания других наук логическое возвышается для субъективного духа не только как абстрактно-всеобщее, но и как всеобщее, охватывающее собой также богатство особенного, подобно тому как одно и то же нравоучительное изречение в устах юноши, понимающего его совершенно правильно, не имеет (для него) той значимости и широты, которые оно имеет для духа умудренного житейским опытом зрелого мужа; для последнего этот опыт раскрывает всю силу заключенного в таком изречении содержания» [Там же, с. 112]. Гегель резюмирует: «Таким образом, логическое получает свою истинную оценку, когда оно становится результатом опыта наук. Этот опыт являет духу это логическое как всеобщую истину, являет его не как некоторое особое знание наряду с другими материями и реальностями, а как сущность всего этого прочего содержания» [Там же, с. 112—113]. В. И. Ленин по поводу второго вида существования логического для индивида замечает: «Тогда логика дает «сущность этого богатства» (des Reichtums der Weltvorstellung) (богатства представления о мире.— *Ред.)*, «внутреннюю природу духа и мира»...» [29, с. 90].

Таков контекст, в котором у Гегеля появляется «прекрасная формула». Из него видно, что в последней речь идет не о соотношении категорий единичного, особенного и общего внутри логики, а об отношении логики как науки к специальному содержанию конкретных наук, шире — ко всей материальной и духовной культуре своего времени. Для человека, начинающего изучать науки,

общее логическое содержание еще отделено от последних, стоит наряду с ними, а потому абстрактно. Для человека, изучившего их, оно как итог опыта наук соединено с ними, выступает сущностью или внутренней природой духовной и материальной культуры.

Возникает вопрос: почему происходит соединение общечеловеческого содержания с конкретным материалом науки, со всем опытом людей? Это можно уяснить из *различия образования и познания*. Первое исходит из готовых результатов опыта, практики и познания. То, что было добыто трудным и долгим исследованием людей и их практической и познавательной деятельностью, отдельный человек застает в готовом виде и просто усваивает. Если имеется в виду, скажем, логика, то она для него не возникает, а уже существует в виде учебника, компендиума и т. д. Лишь в ходе образования он обнаруживает, узнает путь ее становления на основе опыта, а вместе с тем — существенную ее связь с последним. Он идет, следовательно, от общего к частному и постигает их единство.

Познание, наоборот, начинает с конкретного содержания и, постепенно формируя его теоретически и практически, вырабатывает общие формы деятельности с ним, застывающие в виде «аксиом логики». Оно начинает с особенного и идет к общему.

Таким образом, образование и познание развиваются в противоположных направлениях. Относительно познания Ф. Энгельс писал: «Всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мысли поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем» [20, с. 548].

В противоположность этому в процессе образования общее погружается в особенное, воплощается, если употребить термин В. И. Ленина, в нем. Здесь надо иметь в виду, что такое погружение — не втискивание общего в конкретное (в котором общего не было бы), а в равной степени обнаружение, выведение наружу скрытого, неразвитого, общего, наличествующего в специальном материале. Таким образом, в образовании имеет место процесс, который характерен и для познания, но как подчиненный момент, ибо в общественном масштабе оно

(познание) уже совершилось, а теперь его повторяет отдельный человек. В собственно познавательной деятельности, которую изучает теория познания, исследуется первоначальное становление общего; на основе переформирования предметов, их анализа и синтеза, абстрагирования и т. д. возникают всеобщие логические формы, различные категории и их структуры. Учитывая деятельный характер познания, совершающегося на основе практики, можно понять, почему само «сущее постигается также не как сущее, а его постижение есть превращение его во всеобщее» [Ленин, 29, с. 246].

Принимая во внимание первоначальность этого становления всеобщих логических форм, можно, по-видимому, в качестве первой и самой фундаментальной формы связи считать *превращение особенного во всеобщее.*

Традиционная формальная логика исследовала данный процесс своими средствами; она исходила из многообразия вещей, обладающих различными свойствами. Среди последних мышление выделяет одинаковые или сходные (тождественные) и, абстрагируя их, получает общее понятие или представление. Конечно, при этом предполагается мышление как сфера некоторой общей деятельности. Еще Аристотель обнаружил круг в такого рода абстрагировании. Для того чтобы выделить сходные признаки, которые берутся в содержание понятия, нужно уже знать, *что* выделять, стало быть, иметь понятие об указанных признаках. Поэтому следует идти дальше, в глубь истории познания, проследить становление и первоначальное формирование человеческого мышления на основе совокупной предметно-практической деятельности и духовного освоения мира. Во всяком случае, поскольку мышление носит исторический характер (не только в том смысле, что оно меняется по форме и содержанию с течением времени, но и в том, что оно возникло когда-то), превращение особенного во всеобщее является некоторым общим фактом познания и деятельности. Такая форма связи требует выделения и специального исследования.

После того как становление логического совершилось и оно получило относительно самостоятельное существование, возникает ситуация, описанная Гегелем. В данной ситуации стоит задача соединить всеобщее с особенным и отдельным. Как это происходит, посредством какой познавательной способности? Прежде всего отметим,

что прямое включение отдельного в общее или, наоборот, выведение первого из второго неосуществимо. К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» писал: «Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон» [26, ч. 1, с. 64]. Отдельное явление не входит в общий закон, не включается в него, чтобы его можно было оттуда извлечь путем формальной абстракции. В общем понятии человека не заключается и из него не может быть выведен конкретный человек (Иван, Петр и т. д.). Иначе из такой абстракции можно было бы дедуцировать все богатство человеческой культуры, что противоречит фактам.

Аналогичную мысль развивает В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса». «И как характерна, — пишет он, — эта, столь модная в настоящее время, quasi (якобы. *Ред.*) -реалистическая, а на самом деле эклектическая погоня за полным перечнем всех отдельных признаков и отдельных «факторов». В результате, конечно, эта бессмысленная попытка внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, или, наоборот, «избегнуть столкновения с крайним разнообразием явлений»,— попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что́ такое наука,— приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса» [5, с. 142]. Общая схема мысли Ленина в данном тексте совпадает со схемой мысли Маркса. Основоположники марксизма-ленинизма на основе опыта своей исследовательской деятельности сделали вывод о логической невыводимости общего и отдельных эмпирических явлений.

Это не значит, что субъект как носитель познавательной деятельности не соединяет общие понятия и явления. Такое соединение происходит на каждом шагу. Но в силу того, что вывести отдельное из общего или включить первое во второе нельзя, оно совершается иным способом, а именно — посредством созерцания или воображения, установления аналогии между двумя рядами — общего и отдельного. Мышление и эмпирические явления качественно различны; только по аналогии можно приводить их в соответствие.

Как известно, этого рода проблема специально исследовалась Кантом, который установил, хотя и в абстрактном виде, что для соединения эмпирических явлений и общих рассудочных понятий необходимо опосредствующее звено (схема). Теория Канта по этому вопросу проанализирована в многочисленных работах по истории философии, и мы лишь отметим, что кантовская схема есть способ, метод, определенный вид деятельности по построению образов и соединению их с понятиями. Согласно Канту, «понятию о треугольнике вообще не соответствовал бы никакой образ треугольника» [1964, с. 223]. Ведь любой нарисованный или представленный треугольник будет прямоугольным или косоугольным, равносторонним или разносторонним и т. д. Между тем «прямоугольность» и т. д. не входит в общее понятие треугольника, как и, наоборот, из последнего невозможно вывести разнообразие видов этой геометрической фигуры. То, что является общим, позволяет соединять или подводить отдельное под общее — это правило синтеза таких фигур. Аналогично «понятие о собаке означает правило, согласно которому мое воображение может нарисовать четвероногое животное в общем виде, не будучи ограниченным каким-либо единичным частным обликом» [Там же]. Учитывая ту сферу деятельности, в которой была первоначально исследована данная форма связи общего и отдельного, она может быть названа *гносеологической*. Такая форма характеризует познавательный процесс, в котором на основе определенных общих понятий осваивается богатство особенного и отдельного. Ее эквивалент есть и в практической деятельности, поскольку для воплощения какого-либо общего понятия, например «дома», его необходимо сначала схематизировать (создать чертежи, схемы и т. д.).

Качественное своеобразие указанной формы связи требует четкого ее отграничения от других форм. Мы вначале уже сказали об их бессознательном смешении в работах по данному вопросу. Г. И. Садовский в работе «Ленинская концепция понятия и эволюция понятия «вид» справедливо критикует эмпирическую логику, сводящую общее к существенному признаку, одинаковому для множества сходных явлений. В результате этого «из такого абстрактно-общего полностью исключается все индивидуальное и особенное. Тем самым мысленно раз-

рывается объективная связь отдельного и общего как тождества противоположностей, а понятие низводится до уровня абстрактно-общего представления» [1970, с. 37]. Такого рода соединение, конечно, необходимо, но оно достигается не включением отдельного в общее, что невозможно, а аналогией и схемой. В подтверждение своей мысли названный автор приводит положение В. И. Ленина, имеющее, однако, иной смысл. Речь идет о критике рассудка, который, согласно Гегелю, «упускает из виду даже ***природу связки в суждении***, указывающей, что ***единичное***, субъект, ***есть столь же и не единичное, а всеобщее»*** [Цит. по: Ленин, 29, с. 181]. Во фрагменте «К вопросу о диалектике», обсуждая этот вопрос, В. И. Ленин показывает, что в любом предложении (Иван есть человек; Жучка есть собака; листья дерева зелены и т. д.), «(как гениально заметил Гегель) есть *диалектика:* **отдельное есть** *общее»* [29, с. 318].

Гегель, анализируя виды суждений, вскрыл под эмпирическим содержанием или в нем определенные категории [1]. Так, если рассмотреть, к примеру, предложение «Иван есть человек», то оно в категориальном плане представляет собой суждение «единичное есть общее», «отдельное = всеобщему» [См.: 29, с. 181, 318]. Это положение часто приводится для подтверждения мысли о диалектике рассматриваемых категорий.

Однако в двух указанных планах содержания имеется также качественное отличие. Действительно, предложение «Иван есть человек» не вызывает сомнения в своей истинности. Напротив, содержащееся в нем суждение «единичное есть общее» вовсе не очевидно. Ведь связка «есть» отождествляет их, между тем они не только не тождественны, но и прямо противоположны. Если тождество противоположностей, выражающее такое суждение, имеет место, то оно доказывается не простым утверждением, как в суждении, а иными средствами. Категории всеобщего и единичного должны быть помещены, погружены в некоторую систему мысли, диалектически развиты, соединены друг с другом через посред-

---

[1] Именно это имел в виду К. Маркс, когда писал, что «до Гегеля логики по профессии упускали из виду формальное содержание (den Forminhalt) различных типов суждений и умозаключений» [Цит. по: Гегель, 1939, с. 321, Примечания...].

ствующие звенья (прежде всего через категорию особенного).

Но это будет уже их логический анализ. Если в гносеологическом отношении под общее понятие подводятся отдельные вещи, явления, события и т. п., то в логике мы имеем дело не с отдельными или единичными вещами, а с категорией единичного; она столь же всеобща, как и противоположная ей категория всеобщего. Впервые логическая форма связи данных категорий была открыта на идеалистической основе Гегелем. Этого удалось достичь немецкому философу именно благодаря созданию системы логики, а не через соотношение общего понятия и единичной вещи.

Таким образом, здесь мы имеем иную форму связи всеобщего, особенного и единичного, нежели в предыдущем случае. Они являются теперь моментами единого конкретного понятия (в то время как раньше понятие представляло только момент всеобщности, а противоположная определенность находилась в мире эмпирических явлений). О *логической форме связи* В. И. Ленин в конспекте «Науки логики» писал иначе, чем о прежней, гносеологической. В связи с анализом понятия он отмечал: «Дальнейшее развитие *всеобщего, особого* (Besonderes) и *отдельного* (Einzelnes) в высшей степени абстрактно и *«abstrus» (темно.— Ред.)*» [29, с. 158]. Кстати, во введении к своей работе Гегель дал простое и ясное представление о гносеологической связи явлений и понятий. От этой «темноты» и абстрактности диалектика категорий у Гегеля много теряет, хотя Ленину удалось сквозь туман абстракций разглядеть, что и здесь главное для Гегеля — наметить переходы, показать, что «при известных условиях всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее» [Там же, с 159].

Отметим также, что когда Ленин по поводу «прекрасной формулы» Гегеля на полях предлагает сравнить «Капитал» [См.: 29, с. 90], то, конечно, имеется в виду логическая форма единичного, особенного и всеобщего, поскольку труд К. Маркса есть система знания об определенной предметной области и данные категории, естественно, являются моментами системы, понятиями, образующими в единстве ее целостность.

Итак, в системе «Капитала» всеобщее, особенное и

единичное образуют органическую целостность. Капитал, согласно К. Марксу, не вещь, его можно понять только как движение. Стоимость и прибавочная стоимость — не самостоятельные абстракции, а абстракции в действии: они существуют реально и в понятии только проходя ряд особенных форм, на которые дифференцируются, только через них получая существование. Они сами расщепляют себя на особенные формы и в то же время конституируются или рефлектируются из последних.

Но всей специфике логической связи рассматриваемых категорий она не порывает полностью с предшествующей формой, а содержит ее в себе в преобразованном виде. Это значит, что логическое выведение понятий и здесь имеет свои границы. Так, в третьем томе «Капитала» К. Маркс исследует превращение всеобщего принципа или закона буржуазного способа производства — прибавочной стоимости — в прибыль. Но такое превращение не является чистой дедукцией. Для того чтобы его осуществить, необходимо ввести в рассмотрение различие органического строения разных капиталов, а оно (строение) не заключено в прибавочной стоимости как таковой и не может быть получено из нее путем простой формальной абстракции. В данном и других аналогичных пунктах (переход от стоимости к прибавочной стоимости, выведение ренты и процента из прибавочной стоимости и т. д.) совершаются выходы из логики в историю, осуществляются, как отмечает И. С. Нарский, эмпирические прививки к диалектической дедукции. В необходимости таких выходов выражаются исконная зависимость мышления от бытия, его отражательная природа.

Характерную черту логической связи в системе составляет также то, что всеобщее в ней образует основу, на которой держатся особенные формы ее существования и которые она скрепляет в единое целое, переходя из одной из них в другую, третью и т. д., соответственно формируясь и преобразуясь.

Обладая как основание самостоятельностью и не теряясь в своих формообразованиях, всеобщее достигает в них и такого пункта изменений, в котором оно, не переставая быть основой всех иных форм существования, в то же время становится одной из особенных форм наряду с другими или в ряду других. Это происходит по законам развития всеобщего.

Будучи органическим продолжением логического описания явлений, диалектика предмета, или его развитие, полагает некоторую новую форму связи исследуемых категорий. Приведем несколько примеров из «Капитала» К. Маркса. Прежде всего укажем на «абстракцию труда вообще», проанализировав которую, К. Маркс писал: «Итак, простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества, выступает тем не менее в этой абстрактности практически истинной только как категория наиболее современного общества» [46, ч. 1, с. 41]. Это происходит вследствие того, что развивается безразличие к определенному виду труда: индивиды с легкостью переходят от данного вида труда к другому, исчезает сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда. «Таким образом, лишь здесь абстракция категории «труд», «труд вообще»... становится практически истинной» [Там же].

Здесь всеобщность и абстрактность труда выступают в двух формах. С одной стороны, труд — отношение, характерное для всех форм общества. Это, так сказать, номиналистическая общность. С другой стороны, всеобщность сама развивается и достигает при капитализме такого уровня развития, что приобретает самостоятельный характер как свойство труда и при данной общественно-экономической формации становится практически истинной, следовательно, отличает эту формацию от предшествующих. Таким образом, виды труда, свойственные им, представляют собой по сравнению с этой всеобщностью особенные виды.

Следующей важной категорией в работе Маркса, в которой всеобщее получает самостоятельное существование, являются деньги: «В деньгах овеществленный труд выражен как общественный (всеобщий) труд, который поэтому может быть непосредственно обменен на любые товары в таком количестве, в котором содержится столько же труда» [47, с. 31]. Деньги — это «бытие рабочего времени как всеобщего рабочего времени» [Там же]. Поскольку товары также суть воплощения рабочего времени, то деньги — только особая форма существования товаров; в них стоимость или овеществленный труд получает

самостоятельную форму существования. Как и в предыдущем случае, всеобщее является основой всех особенных товаров. В то же время в качестве самостоятельного оно становится особенной формой существования стоимости.

Столь же яркой выступает экономическая категория «капитал вообще». Образуя базис всей системы буржуазного способа производства, «капитал вообще,— пишет К. Маркс, сам обладает *реальным* существованием, *отличным* от особенных, реальных капиталов» [46, ч. 1, с. 437]. Таким он является в виде банковского капитала. «Поэтому общее, являясь, с одной стороны, всего лишь *мыслимой* differentia specifica, вместе с тем представляет собой некоторую *особенную* реальную форму наряду с формой особенного и единичного» [Там же].

Всеобщее капиталистическое отношение существует в то же время наряду с формой особенных и единичных капиталов, наряду с товаром, собственно деньгами и т. д.

Аналогичная форма связи может быть и в других науках, даже в таких, которые не строятся на идее развития, например, в математике. Классическим здесь является пример треугольника в его соотношении с другими геометрическими фигурами. Этот пример обсуждался Аристотелем и Гегелем, привлекается современными философами для пояснения диалектики всеобщего и особенного. Аристотель исследовал взаимоотношение растительной, ощущающей и разумной души. Он, по словам Гегеля, «делает касательно этого совершенно правильное замечание, что мы не должны искать души, которая была бы тем, что составило бы общее всем трем душам, и не соответствовало бы ни одной из этих душ в какой бы то ни было определенной и простой форме. Это — глубокое замечание, и этим отличается подлинное спекулятивное (т. е. диалектическое.— *Авт.*) мышление от чисто формально-логического мышления. Среди фигур точно так же треугольник и другие определенные фигуры, как, например, квадрат, параллелограмм и т. д., представляют собой нечто действительное, ибо общее в них, всеобщая фигура, есть пустое создание мысли, есть лишь абстракция. Напротив, треугольник есть первая фигура, истинно всеобщее, которое встречается также и в четырехугольнике и т. д., как сведенная к простейшей определенности фигура. Таким образом,— заключает Гегель,— с одной стороны,

треугольник стоит наряду с квадратом, пятиугольником и т. д., но, с другой стороны,— в этом сказывается великий ум Аристотеля,— он есть подлинно всеобщая фигура» [1932, с. 284].

На первый взгляд, связь всеобщего и особенного здесь резко отличается от предыдущих случаев. Ведь геометрические фигуры в отличие от труда, денег, капитала объективно не развиваются. Тем не менее данное отличие является видимым. Уже то, что для развития характерно появление нового, свидетельствует о родстве такого примера с ранее описанными: здесь из простой фигуры получаются новые, сложные фигуры квадрата, пятиугольника и т. д. Та же общая стихия, в которой происходит указанное преобразование, есть аналитико-синтетическая деятельность (разложение сложных фигур на простые и обратное конструирование первых из вторых). Поэтому здесь развиваются не сами по себе геометрические фигуры, а человеческая деятельность, носящая конструктивный или деструктивный характер. Фигуры же имеют значение лишь материала этой деятельности. От его специфики зависит и соответствующий результат. Тот факт, что одна простая фигура — треугольник — является особенной, стоящей наряду с другими и в то же время подлинно всеобщей фигурой, поскольку она образует основу остальных, вытекает из природы материала, а не из деятельности как таковой.

Иллюстрацией этого может быть другой пример из геометрии — образование конических сечений. Все конические сечения делятся на три типа: эллиптические кривые, параболы, гиперболы. Они образуются путем последовательного вращения некоторой плоскости, пересекающей прямой круговой конус, начиная от положения, при котором плоскость перпендикулярна к оси конуса, и кончая положением, когда она становится параллельной двум образующим [См.: Потоцкий, с. 35—37]. Если из треугольников можно составить иные прямолинейные фигуры, то здесь нет такой исходной формы: круг, эллипс, парабола, гипербола — сами по себе особенные фигуры, одна не есть основание другой. В целом объединяет их не то, что они относятся к некоторой рубрике «криволинейная фигура вообще», ибо это — формальная абстракция. Их единство образует деятельность — последовательное вращение плоскости, в которой закономерно появляются различные

виды конических сечений. Она (деятельность) охватывает их собой как целым или общим, в котором фигуры выступают особенными формами или видами.

Схема такой деятельности совпадает со схемой соотношения единичного, особенного и всеобщего в том случае, если последнее рассматривается как целое всех особенных форм и не выступает наряду с ними самостоятельно. Именно в данном плане рассматривают авторы Предисловия к «Экономической рукописи 1861—1863 годов» «капитал вообще». Они отмечают: «По характеристике Маркса, эта категория представляет собой абстракцию, выражающую специфическую особенность капитала в отличие от других форм производства. В то же время «капитал вообще» и сам обладает реальным существованием наряду с отдельными реальными капиталами — в качестве совокупного общественного капитала, в качестве всеобщего экономического базиса буржуазного общества» [47, с. V—VI].

Учитывая очевидное различие между «капиталом вообще» как базисом (основой) и его существованием в виде особого денежного капитала, а также различие между коническими сечениями и рассмотренными прямолинейными фигурами, первые члены этих сравнений по типу связей следует отнести к логической форме связи, вторые к диалектической. В последней всеобщее является не только основой, но и особенной ступенью развития (наряду с другими ступенями).

Исследуя вопрос о формах связи всеобщего, особенного и единичного, следует учитывать качественное различие этих и других философских категорий. Дело в том, что каждая из них носит всеобщий характер. В соответствии со спецификой каждая из рассмотренных форм, в свою очередь, содержит определенные подвиды. Так, можно на основе схем и аналогий соединять эмпирические явления с самыми различными рассудочными понятиями — причиной и следствием, количеством и качеством, частью и целым и т. д. Аналогично и разные системы знания строятся на базе тех или иных категорий или их структур, так что, скажем, классическая механика имеет одну категориальную структуру, теория относительности — другую и т. п. Наконец, в развитии предмета, в истории его познания или в обоих случаях одновременно общее будет иметь самый различный характер.

Поясним это обстоятельство. Согласно принципу соответствия, евклидова геометрия есть частный, предельный случай неевклидовой; теория относительности также при определенных условиях переходит в классическую механику. В первом случае это происходит тогда, когда гиперболическая константа принимается равной бесконечности, во втором — когда таковой становится скорость света. Количество, конечное, бесконечное — вот те категории, которые «работают» в этих переходах.

С другой стороны, сложная фигура как целое составляется из простых частей — треугольников, и наоборот, разлагается в них. Здесь аналогичными категориями являются часть и целое, а также оперативные категории анализа и синтеза. Очевидно, категориальный смысл двух указанных примеров различен. Однако форма связи участвующих элементов одинакова, а именно: в неевклидовой геометрии содержится евклидова как предел изменения наличного в ней параметра. Первый вид геометрии является более общим, чем второй, ибо помимо себя он в качестве момента или случая содержит и отличную от себя прежнюю систему знания. Так же обстоит дело и с механикой. Но этому аналогична также связь прямолинейных фигур: квадрат, например, не только отличен от треугольника, но и содержит его в себе, что можно обнаружить делением квадрата. Последний, таким образом, является более общим, чем треугольник.

Нетрудно видеть, что данные факты — только примеры общей закономерности, открытой Гегелем и названной им принципом снятия. Принцип соответствия является, с другой стороны, лишь модификацией его в плане истории естествознания [1]. Диалектическое развитие категорий совершается таким образом, что те из них, которые выступают ранее, снимаются с последующих — одновременно сохраняются и уничтожаются, становятся сторонами или моментами более развитого целого (качество и количество — в мере и т. п.). Новая категория богаче

---

[1] М. И. Баканидзе отмечает связь двух названных принципов: «Указанная идея Гегеля нашла свое продуктивное выражение в сформулированном Н. Бором принципе соответствия, который глубже и адекватнее отражает диалектический процесс развития понятий, совершавшихся путем обобщения и абстракции» [1968, с. 207]. Это верно, хотя термин «выражение» нам представляется недостаточно конкретным для описания данной связи.

предыдущих, ибо «помимо» своего особенного содержания, благодаря которому она стоит наряду с ними, она содержит их в себе и есть относительно них общее. Принцип снятия носит для категорий универсальный характер, развитие каждой из них подчиняется ему и им определяется.

Это следует иметь в виду, чтобы огромное разнообразие связей, основывающихся на тех или иных категориях, не смешивать с теми, которые принадлежат к определенному их виду. Существенное их различие состоит помимо сказанного в том, что типы связей, которые мы здесь исследуем, ассоциированы со специальными категориями всеобщего, особенного и единичного, являющимися конституирующими моментами понятия как такового, элементами или сторонами самого понятия понятия.

В каждом из рассмотренных видов связей все указанные категории качественно различны. В гносеологическом отношении к действительности особенное и единичное — эмпирические явления, а общее — некоторая категория или понятие, под которое они подводятся и в котором отражается их содержание. В логическом отношении всеобщее — основа или существенная связь, которая синтезирует в единое целое особенные понятия некоторой предметной области. Наконец, диалектика связи состоит преимущественно в том, что общее есть ступень развития в ряду некоторых особенных явлений.

Все эти виды связей находятся в органическом единстве. Так, известная самостоятельность явлений относительно категорий, характерная для гносеологического отношения, сохраняется и во втором виде связи, поскольку логическая дедукция имеет свои границы и в определенных пунктах должна дополняться индукцией В свою очередь, существование всеобщего в качестве ступени развития предполагает, что оно является также основой, образующей внутреннюю связь системы особенных понятий.

В научном исследовании и изложении предмета все формы связей функционируют в сложном переплетении, что не исключает, однако, их относительной самостоятельности. Осознание этого факта является непременным условием разрешения тех споров, которые существуют в философской и логической литературе по данному вопросу.

Формы существования понятия

В традиционной формальной логике были выделены такие элементарные формы мышления, как понятие, суждение, умозаключение. Их элементарность состоит в том, что никакой процесс познания не может осуществляться помимо этих форм, никакое мышление невозможно без них. Они являются *формами самого существования мышления.*

В свою очередь, относительно каждой из них также встает вопрос о том, в каких видах существует и функционирует суждение, умозаключение, понятие, на какие виды и по какому принципу их можно классифицировать, делить и т. д. Исследование данного вопроса постепенно обнаруживает, что в рассматриваемом плане понятие качественно отличается от других логических форм.

Относительно суждений и умозаключений, по крайней мере, интуитивно ясно, о чем идет речь, когда их определяют как формы мышления. Суждение есть связь субъекта и предиката, а формы существования суждения — различные сочетания всеобщего, особенного и единичного, определяемые той или иной категорией. При этом общее понятие суждения отличается, естественно, от его особенных форм. Аналогично обстоит дело с умозаключением. Оно также имеет некоторую общую природу и делится на виды, формы и т. д.

Совершенно иную картину являет понятие. По сравнению с двумя другими формами мысли оно — нечто расплывчатое, неопределенное. Правда, в формальной логике были разработаны различные классификации видов понятий. Однако мы видели, что они носили сугубо эмпирический характер, а сама категориальная классификация вовсе снимает проблему деления понятий, в связи с чем нами было проведено соответствующее различение.

Постановка вопроса о формах существования понятия предполагает, что это — разные формы некоторой общей сущности или основы, что оно некоторым образом отличается от своей реализации в той или иной из них. Предшествующий анализ необходимо привел к выводу, что сущность понятия является единством всеобщего, особенного и единичного. Но «единство» — весьма абстрактная категория. Чтобы решить поставленный вопрос, следует выяснить, в каких формах существует само един-

ство. На данный вопрос формальная логика не дает никакого ответа, что определяет проблематичность такого феномена, как формы существования понятия.

Быть формой существования — значит обладать определенностью, без которой понятия нет и не может быть. Какова же эта форма? П. В. Копнин четко сформулировал положение, которое может быть ответом на данный вопрос: *«Понятия не существуют вне определения»* [1961, с. 306]. Под последним он понимал так называемое краткое определение, или дефиницию. Тем самым было указано на простейшую, самую элементарную форму его бытия. Копнин правомерно отмечал, что «пока понятию не дано какое-либо хотя бы одно определение, трудно говорить о его существовании» [Там же].

Чтобы обнаружить другие формы существования понятия, следует исходить из понимания последнего как единства всеобщего, особенного и единичного и вскрыть формы, в которых существует такое единство. Единство может быть непосредственным и опосредованным. Опосредованное единство, в свою очередь, может быть двух видов, когда опосредование просто указывается или описывается как факт; когда вскрывается механизм его функционирования. На этом различии видов единства основываются три формы существования понятия — дефиниция, концепция, теория.

Поясним сказанное на примере «Капитала» К. Маркса. Во втором томе имеется такое определение: капитал есть «стоимость, которая производит прибавочную стоимость» [24, с. 35]. Это пример дефиниции капитала. В ней присутствуют три термина — «капитал», «стоимость» и «прибавочная стоимость» — и две связки — «есть» и «производит», объединяющие их в нечто целое, создающие их единство. Обе они постулируют единство и целое, утверждая, что капитал есть стоимость, притом производящая прибавочную стоимость. Производство последней также просто утверждается, без указания того, на какой основе делается данное утверждение.

В отличие от этого в рецензии Ф. Энгельса на «Капитал» прежде всего указывается основание, на котором зиждется капитал и которое является опосредствующим звеном; благодаря ему стоимость производит прибавочную стоимость, а именно — рабочая сила как источник прибавочной стоимости. В связи с ней вводится понятие

двойного — необходимого и прибавочного — труда, рабочего дня и его деление на две части. После описания последних Ф. Энгельс, оставив в стороне «целый ряд других превосходных исследований, имеющих преимущественно теоретический интерес» [16, с. 247], дает краткое описание накопления капитала и всеобщего закона капиталистического накопления [См.: Там же, с. 240—248]. В конце он пишет: «Таковы некоторые из основных законов современной капиталистической общественной системы, доказанные строго научно» [Там же, с. 248].

В рецензии Ф. Энгельс очерчивает основные контуры труда Маркса, основные законы общественного отношения капитала и труда. Это — схема или скелет, идейный каркас «Капитала», иначе говоря, его *концепция*. В отличие от дефиниции единство моментов понятия капитала представлено в ней в опосредованном виде, поскольку указываются рабочая сила как его базис и основные законы ее функционирования.

Однако в объеме рецензии указанные законы не могут быть доказаны строго научно. Они, во-первых, просто излагаются как квинтэссенция всего исследования К. Маркса; во-вторых, чтобы быть понятными, они опираются на общеизвестные факты (например, увеличение капиталистом стоимости своего капитала путем обмена, хотя обмениваются эквиваленты, и т. д.) с целью дать опору для интуиции и мобилизовать опыт читателя, который помогает получить понятие об излагаемом предмете. В изложении концепции отсутствует описание механизмов функционирования рабочей силы и вообще законов капиталистической экономики.

Теория — самая развитая форма существования понятия. В основном труде К. Маркса детальнейшим образом показано, как осуществляются процессы труда и увеличения стоимости, вскрыты противоречия всеобщей формулы капитала, для разрешения которых вводится понятие рабочей силы, описаны различные формы, в которых происходит образование прибавочной стоимости, и т. д. Теоретическая система дает самое полное и всестороннее понятие о капитале.

Таким образом, определение того, что такое капитал, его понятие, появляется впервые в дефиниции и становится полным, достигает завершения, проходя через более развитые формы своего существования — концепцию

и теорию. Перейдем к более детальному анализу данного факта. Когда мы, например, пишем или произносим слово «человек», то произносим (пишем) пустые имена, не имеющие никакой определенности. Если в старых учебниках логики предлагалось, скажем, «взять» понятие «человек» и убедиться, что это — положительное понятие, тогда как «нечеловек» отрицательное, то в действительности здесь бралось не понятие, а слово.

Понятие появляется для сознания тогда, когда его определяют. В «S есть P» указано определение, а именно S. Учитывая, что реальный субъект имеет множество сторон, можно определять его до тех пор, пока не исчерпаются все «признаки» или «предикаты» и не получится совокупность или сумма дефиниций. Как бы ни была велика эта сумма, мы все еще не выходим за пределы дефиниции как формы существования понятия. Выход совершается только тогда, когда переходим к концепции или теории — определенной системе знания.

Дефиниция указывает на какие-то определенности в предмете, но не дает опосредования указываемых признаков. Предмет мысли как целостность, вырастающая из системы опосредований, — дело системы, а не дефиниции. Диалектика предмета, полное его понятие даются именно системой опосредований. Это не исключает определенного родства дефиниции и системы знания. Если взять в качестве примера приведенное ранее определение капитала, то обнаруживается, что именно в соответствии с ним как общей схемой развертывается весь первый том «Капитала». Таким образом, дефиниция и система имеют дело с одной и той же существенной связью. Поэтому можно сказать, что в «Капитале» Маркса первая из них дана в развитом виде. Но в дефиниции связь указана в форме бытия или факта, тогда как в системе показан механизм исследуемых связей, дано всестороннее их обоснование. Когда оно завершено, можно дать дефиницию. В данном смысле В. И. Ленин писал, что короткие определения «подытоживают главное» [27, с. 386]. Без предварительного изучения мы имеем идею понятия, а не реализованное понятие, и в этом смысле можно было бы утверждать рациональный смысл последовательности: идея — концепция — теория — дефиниция.

Из этого можно сделать вывод, что попытки ввести различение формально-логических и диалектических

дефиниций лишены основания. Так, дефиниция, какой бы она ни была, не раскрывает связи сторон предмета, механизмов их отношений. Диалектика может быть дана только в системе знания. Например, если мы говорим, что «все течет, все изменяется», то «диалектика» здесь только называется, постулируется, но не раскрывается. Между тем еще Гегель сформулировал важное положение, согласно которому диалектическое содержание предложения не должно оставаться предметом только внутреннего созерцания или представления, а само «должно быть выражено, должно быть изложено» [1959, с. 35]. Поскольку в дефиниции такое изложение невозможно, различение формально-логических и диалектических определений есть иллюзия. Возникает она, по-видимому, вследствие того, что некоторые положения, например «все течет», «противоречие есть движущая сила развития» и т. п., в воображении автора, их высказывающего или обсуждающего, соотносятся интуитивно с теми или иными диалектическими системами в истории философской мысли, которые отбрасывают на такие положения «тень диалектичности».

Вообще определение есть всеобщая логическая операция, не характеризующая исключительно ни диалектики, ни метафизики, ни формальной логики. Определение указывает предел, границу рассматриваемого материала, а как понимается предмет, каково его понятие — совсем другой вопрос. Например, физиократы и Смит понимали под прибавочной стоимостью некий избыток. Но их понимание этого избытка существенно отличается от марксовского.

Кроме того, определение может быть понято либо диалектически, если дан понятийный анализ предмета, если определение не только отграничивает предмет от других, но и связывает их, либо метафизически, в духе старых классификаций. Но определение само по себе не имеет к этому отношения. Так, определение человека («животное, делающее орудия труда») у Франклина и Маркса одинаково именно как определение, различие лишь в том, в какой контекст, в какую систему мысли оно вводится у обоих мыслителей. Данное различие не касается логической формы определения.

Таким образом, с этой стороны нет различия в формальной логике и диалектике; диалектика не имеет особых средств, чтобы в одном предложении дать механизм

связи, закономерности ее функционирования, например, «определить» противоречивое единство сущности и явления, движения и покоя и т. д. В данном смысле все дефиниции оказываются нейтральными по отношению к диалектической или формальной логике. С другой стороны, поскольку диалектика может быть выражена в теоретической системе знания, а последняя является формой существования понятия, различие диалектических и недиалектических определений, не имеющее места по отношению к дефиниции, появляется в системе. Этому соответствует тот исторический факт, что существовали как диалектические, так и противоположные им метафизические системы знания, в которых находили воплощение соответствующие им концепции понятия. Однако и в таком случае противоположность касается диалектики и метафизики, а не диалектики и формальной логики. Различие последних лежит в иной плоскости и может быть обнаружено при анализе соотношения категорий с различными видами логик. Своеобразие же дефинитивной формы существования понятия уясняется при ее сравнении с системой, если последняя (это существенное условие) строится на основе идеи развития. Чтобы это стало очевидным, обратимся к истории политической экономии.

Подробно исследовав «Начала» Рикардо, К. Маркс пришел к выводу, что его (Рикардо) теория полностью изложена в первых шести главах и что теоретическая часть его труда имеет неправильную архитектонику. Согласно Марксу, подлинно новое у Рикардо содержится в первых двух главах, которые в силу оригинальности, концентрированности изложения и т. д. дают высокое теоретическое наслаждение. Но это удовлетворение исчезает при дальнейшем чтении работы [См.: 26, ч. 2, с. 180—182]. «Местами и здесь,— отмечает К. Маркс,— нас пленяет оригинальность отдельных рассуждений. Но в целом изложение вызывает утомление и скуку» [Там же, с. 182]. Почему это происходит? Дело в том, что «дальнейший ход изложения уже не является дальнейшим развитием мысли. Там, где изложение не заключается в монотонном формальном применении одних и тех же принципов к разнородному, по внешним признакам притянутому материалу или в полемическом отстаивании этих принципов, оно только содержит либо повторения, либо дополнения» [Там же]. Из этой характеристики

видно, что, хотя Рикардо и дает в начале работы систематическое изложение политической экономии, очень скоро развитие мысли прекращается: одни и те же принципы, которые при этом не развиваются, он снова и снова прилагает к разному материалу. В таких главах Рикардо везде использовал один и тот же прием: общее понятие стоимости он применял к экономическим явлениям на предмет выяснения того, не противоречат ли они данному понятию.

Иначе говоря, Рикардо выработал дефиницию — определение стоимости трудом — и все особенные категории сводил к общему закону, подгонял под него, вместо того чтобы развивать его дальше. К. Маркс, наоборот, различал развитие мысли и формальное применение одних и тех же принципов, чтобы подчеркнуть своеобразие своего метода исследования. В этом смысле он в другом месте писал: «Так, например, определение «средства труда суть основной капитал» есть схоластическое определение, ведущее к противоречиям и путанице. При исследовании процесса труда... было показано, что от той роли, которую играют вещественные элементы в определенном процессе труда в каждом данном случае от их функции целиком зависит, выступают ли они в качестве средств труда, материала труда или продукта» [24, с. 254]. Дефиниция выражает свойства предметов без учета условий и всех опосредований, в которых реально находится предмет. Это ведет к противоречиям или путанице, как имело место у Рикардо.

Мы хотим подчеркнуть, что, несмотря на видимую незначительность, дефинитивная форма существования понятия может быть доминирующей во всей системе мысли, какой была политическая экономия Рикардо, да и многих других ученых. Аналогичный характер носили многие философские системы прошлого, например системы Локка, Юма, Беркли и т. д. Метод развития появляется и в философии весьма поздно — в конце XVIII — начале XIX века, в работах представителей немецкой классической философии, да и то сначала в идеалистической оболочке.

Следует отметить, что такая форма существования понятий характерна для эмпирической стадии познавательного процесса. Поскольку эта стадия в силу прогрессирующего развития знания, его незаконченности не мо-

жет исчезнуть, а может быть только ограничена более высокой, теоретической, ступенью познания, дефиниция не является формой бытия понятия, канувшей в вечность. В том или ином виде она есть и сейчас, а нередко даже становится преобладающей: когда понятие только формируется, ищут его первые определения, или же когда им завершают исследование какого-либо предмета. Особый случай составляют исследования философских категорий типа сборников «Категории материалистической диалектики». Каждая из категорий вводится здесь посредством дефиниции, под которую затем подводятся разнообразные факты практической и познавательной деятельности. Безуспешные пока попытки построить систему категорий отражают характерное для мышления стремление найти для себя более адекватную, более развитую форму существования. В подобном переходе к системе понятий и состояло, с логической точки зрения, великое достижение К. Маркса.

Учитывая это, можно понять, почему основоположники марксизма-ленинизма критически относились к дефинитивной форме существования понятия: не потому, что ее у них нет или они ею не пользовались, а в силу ее ограниченности и элементарности. О замечаниях П. Фромана к изложению системы у К. Маркса Ф. Энгельс писал: «Они основываются на недоразумении, будто Маркс дает определения там, где он в действительности развивает, и на непонимании того, что у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений. Ведь само собой разумеется, что, когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются... в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования» [25, ч. 1, с. 16].

В процессе мыслительного развития предмета каждая возникающая дефиниция относительна. Так, капитал — это товар (товарный капитал), деньги (денежный капитал) — стоимость, порождающая стоимость (производительный капитал) и т. д. Каждая такая дефиниция ограничивается другими, а все вместе они выражают лишь отдельные стороны, моменты, стадии или фазы движения прибавочной стоимости. Ее смысл и значение могут быть

понятны только в совокупном движении. Поэтому если мы поставили дефиницию перед концепцией, то только с точки зрения полноты отражения предмета. Поскольку же она сама может быть понята лишь в системе, в качестве указанной формы существования понятия предмета дефиниция должна стоять после концепции и системы как их резюме.

Показательно, что В. И. Ленин, составляя план брошюры «О диктатуре пролетариата», формулирует такой пункт: «Империализм как высшая стадия капитализма. Резюме моей книги. Дефиниция» [39, с. 266]. Не связанная с резюме работы дефиниция будет не понятной и потребует разъяснений, воспроизводящих хотя бы основные контуры ленинской работы. В этой связи можно говорить о важной *закономерности*, которая состоит в *обращении различных форм существования понятия.*

Если принять во внимание ход познания от эмпирической его ступени к теоретической, на которой понятие существует в форме системы, то следует признать, что на первой из ступеней основной формой его существования будет дефиниция. Однако это предполагает, что последняя должна быть понятной (должно быть ясно, о каком предмете идет в ней речь и что о нем говорится). Но что будет сообщать дефиниции такую понятность? Очевидно, не совокупность или система других понятий, ибо их еще нет, а факты, данные в опыте познания и так или иначе освоенные человеком. Посредством воображения он соотносит их с абстрактными терминами, имеющимися в дефиниции, сообщая им тем самым содержательность и определенность.

Опора понятий на опыт в известной мере сохраняется и в концепции, поскольку механизмы опосредования в ней раскрываются в самом абстрактном виде и для своего понимания требуют дополнения конкретным материалом. В то же время, поскольку концепция есть система, одна часть понятий, входящих в ее состав, получает осмысленность через другую часть. Концепция занимает, таким образом, промежуточный характер. Различие двух указанных видов определенности состоит в том, что содержание, сообщающее здесь понятность дефиниции, носит частный, случайный характер, тогда как содержание, которое в силу связности системы переходит от одного понятия к

другому или отражается в нем и делает его понятным, представлено в обобщенном виде.

Наибольшей степени обобщенности достигают понятия в теории, в которой они находят самую адекватную форму существования. Благодаря тому, что в ней отражена целая предметная область, различные понятия рефлектируются друг в друге. В то же время они непосредственно соотносятся в некоторых решающих пунктах с объективной действительностью, через которую в конечном счете находят свое «внешнее оправдание». Когда теория создана, из нее может быть извлечена концепция, а в качестве подытоживания главного, резюме — дефиниция.

Таким образом, развитие определенности понятий осуществляется в последовательности: дефиниция — концепция — теория — концепция — дефиниция. В ней заключены две обратные (одна по отношению к другой) последовательности: дефиниция — концепция — теория; теория — концепция — дефиниция. Их обращение происходит в теоретической форме знания и основывается на том, что если в первой из них теория — результат развития определенности понятия, то во второй — она исходный пункт. Концепция и дефиниция как формы существования понятия становятся здесь осмысленными уже не прямо из опыта и объективной действительности, а на основании системы, в которой они получили обобщенное выражение. В такой последовательности в сжатом виде заключена закономерная связь основных форм существования понятия.

Учитывая данную закономерность, можно уточнить постановку проблемы о том, в какой последовательности следует рассматривать элементарные логические формы. Проблема сводится к тому, где нужно ставить понятие: перед суждением и умозаключением или после них. Опуская изложение различных взглядов по этому поводу, отметим лишь, что, поскольку были высказаны противоположные точки зрения, некоторые авторы пришли вообще к выводу, что саму проблему надо отбросить. Так, Л. Н. Гокиели, обсуждая вопрос о начале логики, считает, что постановка данного вопроса несостоятельна, ибо описание понятий требует суждений, а суждения слагаются из понятий; поэтому «нет фиксированного момента, с которого бы начинались понятия» [См.: 1965, с. 40—47].

Л. П. Гокиели имеет в виду суждение типа «*S* есть *P*» (или конкретно, например: «Земля есть планета» и т. п.). Однако *S* до его определения — не понятие, а слово, вернее, знак для него. Как мы видели, фиксированный момент, с которого начинает существовать понятие, есть определение в его простейшей форме — дефиниция. Последняя не может быть высказана без того или иного рода суждения. В таком смысле понятие впервые возникает и существует в форме суждения, а не предшествует ему. Что касается умозаключений, то, поскольку последние состоят из связей, суждений, они дальше раскрывают понятие. Понятие поэтому существует для сознания *не перед названными логическими формами и не после них, а в них.* С другой стороны, оно не совпадает с ними, поскольку есть такие формы его существования, как концепция и теория, для которых суждение и умозаключение — не исчерпывающий их своеобразия строительный материал. Если понятие анализировать после суждения и умозаключения, то значит рассматривать его только как элементарную форму мысли, каковой оно не является. Нельзя также исследовать понятие после концепции и теории, ибо они — формы его существования.

Поэтому *понятие — не одна из логических форм наряду с другими;* это основная форма, которая раскрывается, проходя через различные формы существования. Вся логика в таком случае является учением о понятии. Оно — основа, принцип данной науки, который последовательно и систематически ею раскрывается. Если же о нем следует говорить специально, то или во введении, объясняя понятие логического, или в конце, подытоживая в сжатом очерке различные формы существования понятия и его развития в логическом процессе.

Проведенный анализ позволяет сделать тот общий вывод, что формами существования понятия являются не только дефиниция, как считается в традиционной формальной логике, но также концепция и теория. Взятые в данной последовательности, они выражают процесс все более всесторонней и глубокой определяемости понятия. Причем дело обстоит не так, что понятие — нечто существующее самостоятельно и лишь получающее определение в концепции либо теории. Термин «формы существования понятия» означает, что вне данных форм, без них понятие не существует, не обладает бытием, может быть

только пустым именем или названием какого-либо предмета или события.

Несмотря на почти очевидный характер такого вывода, он тем не менее не был сделан в формально-логическом учении о понятии. Причиной этого является, на наш взгляд, то обстоятельство, что формальная логика изучала и до сих пор изучает преимущественно элементарные формы мышления. К ним, несомненно, относятся суждения и умозаключения. Поскольку они выражаются с внешней грамматической стороны в виде предложений и их сочетаний, по аналогии к данным формам было причислено также понятие.

В том, что здесь действовала именно аналогия, можно убедиться текстуально. Например, в работе С. Н. Виноградова «Логика» отмечается: «Если всякое понятие находит себе выражение в слове, то всякое суждение может найти себе этимологическое выражение в предложении» [1914, с. 34]. Это положение, очевидно, неверно. Так, понятие капитала никак не выражено в слове «капитал». Даже если человек, произносящий это слово, понимает, *что* он говорит, так как у него уже выработано понятие о том, *что* такое капитал, последнее все же не имеет здесь выражения. Как мы видели, не только слово, но даже предложение, в виде которого формулируется краткое определение (дефиниция) предмета, не является адекватной формой выражения понятия. С указанной точки зрения более соответствует действительности положение, высказанное Владиславлевым: «Учение об именах никак не может заменить учения о понятиях» [1872, с. 83]. Правда, такого рода положения, если они и встречаются в логических работах, носят случайный характер, не ведут к концептуальной перестройке учения о понятии.

Мы не отбрасываем полностью тезис старой логики, согласно которому формой существования понятия является дефиниция. С нашей точки зрения, именно в ней понятие впервые перестает быть просто словом или именем и начинает существовать как понятие. Поэтому можно сказать, что понятие как дефиниция или понятие в дефинитивной форме относится к элементарным формам логической мысли наряду с суждениями и умозаключениями. Но этим его существование не исчерпывается; в концепции и теории понятие оказывается несоизмеримым с данной его формой, далеко выходит за его пределы. По-

нятие здесь оказывается формой мышления, которая не только входит в арсенал его элементарных средств, но и выводит познание за его пределы, обретая формы, качественно отличающиеся от дефиниции.

Вот почему мыслители, считавшие истинной формой знания систему и стремившиеся проанализировать ее закономерности, отмечали ограниченность дефиниций в познании, хотя и не отбрасывали их целиком. Уже Гегель рассматривал ее как еще неразвитое понятие, как первую его форму, в которой схватывание действительности происходит *непосредственным* образом. Он наметил переход от такого понятия к системе и систематическому познанию, к единству исчерпывающих определенностей содержания, в котором существует развернутое в свои определенные, реальные различия, полностью осуществленное понятие. Этим понятием Гегель считал идею, которая синтезирует все имеющиеся в теоретической системе знания положения в целое. Такого рода полное определение он называл второй или реальной дефиницией понятия в отличие от первой, или неразвитой, его формы. Непосредственное единство определенности понятия (всеобщего, особенного и единичного) сменяется его опосредованием, единством, которое не просто принимается или постулируется, но доказывается (См.: Гегель, 1972, с. 255—274].

Мы уже приводили высказывания основоположников марксизма-ленинизма, в которых критикуются дефиниции как формы познания действительности. К. Маркс называл их схоластическими определениями, ведущими к противоречиям и путанице, требовал исследовать условия и функции познаваемых предметов. Ф. Энгельс окостенелым определениям противополагал понятийное развитие предмета. В. И. Ленин считал, что всякие определения носят относительный характер; даже их совокупностью нельзя охватить все связи и опосредования предмета, поэтому К. Маркс «вообще дефинициями не занимался» [1, с. 459], указывая в то же время на них, как на резюме, подытоживание главного в исследовании и т. д. Такая критика связана именно с тем, что К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин при постижении исторической реальности применяли систематическое познание, развивали понятия капитализма, империализма и т. д. в виде целых систем определений, в которых дефиниция теряет самостоятельное зна-

чение и выступает моментом более развитой формы существования понятия.

Чтобы осознание данного факта стало продуктивным и формальной логике, она должна выйти за пределы элементарных логических форм и начать исследовать такие целостные образования или фрагменты познавательного процесса, закономерности которых несводимы к дефинициям, суждениям и умозаключениям. В известной мере такой выход совершила символическая логика, поскольку она изучает структуру теорий, методов их построения и т. д. Однако на концепцию понятия это почти не влияет, так как данная логика им мало занимается. Что касается традиционной логики, то даже там, где она вынуждена обращаться к крупным фрагментам логического процесса типа рассуждения, например, при формулировке основных логических законов, она не делает последние предметом исследования. Вообще соотношения «понятие и система знания», «понятие и теория» всегда выпадали и выпадают из поля ее зрения.

В современной философской литературе им уделяется значительное внимание. Так, в работе А. С. Арсеньева, В. С. Библера, Б. М. Кедрова «Анализ развивающегося понятия» отмечается: «Работающее понятие всегда выступает в форме теории. Только внимательно рассмотрев теорию, мы обнаруживаем понятие, дающее подлинное единство этой теории» [1967, с. 183—184]. Аналогичную идею подробно развивает Г. И. Садовский в монографии «Ленинская концепция понятия и эволюция понятия «вид». Автор выдвигает положение о понятии как системе понятий, как теории, определяет конкретное понятие как научную теорию или систему понятий и т. д. [См.: 1970, с. 13, 48, 56, 114, 120]. Укажем в данной связи также на исследование В. В. Давыдова «Виды обобщения в обучении. (Логико-психологические проблемы построения учебных предметов)», в котором убедительно раскрыта мысль, что понятие «в своем относительно законченном виде является теорией данной системы» [1972, с. 320], что «именно в переходах к частным проявлениям, в установлении связей исходного общего и его проявлений оформляется и раскрывается соответствующее понятие (теория)» [Там же, с. 330].

Хотя в этих и других работах речь идет не о формах существования понятия, а о полноте раскрытия его в

системе, проводимые в них идеи созвучны с нашей проблемой, поскольку в них системы знания рассматриваются как наиболее конкретные формы понятий тех или иных предметов. Изучение их как форм существования, обнаружение полноты последних предполагают сравнительный анализ теоретических систем, концепций и дефиниций. Наметившийся в указанном направлении исследования понятий крен в сторону «только систем» является, по-видимому, закономерной реакцией на односторонность традиционной формальной логики в данном вопросе. Во всяком случае, изучение форм существования понятия средствами как диалектической, так и формальной логики, очевидно, необходимо.

Здесь, можно сказать, складывается такое же положение, как и в вопросе о значимости исследования текстов. Ю. Кристева считает, что к вычленению специфической реальности текста подошли многие науки. Так, в лингвистике было обнаружено, что ее методы действенны лишь на уровне слова и предложения, но бессильны при исследовании более крупных языковых массивов-текстов, хотя именно на сверхфразовом уровне яснее выявляются закономерности фраз как элементов текста. К этому же подошли, с точки зрения Кристевой, логика и методология науки, поскольку атомарное высказывание соответствует лишь «микрологике» языковой структуры знания; изучение текстовых массивов, текстов как знаковых систем — более адекватная форма языкового отображения знания. [Подробнее об этом см.: Автономова, с. 180—181]. Хотя учение о текстах не может заменить учения о понятиях, именно тексты, а не предложения или фразы, являются адекватным языковым выражением таких логических процессов и образований, как рассуждение, концепция или теория. Их исследование может обогатить наши представления о формах существования понятия.

2

Понятия и категории

Практика использования терминов «категория» и «понятие» показывает, что в одних случаях они понимаются как синонимы, в других — как находящиеся в отношении полного взаимоисключения. Так, когда К. Маркс по поводу различных групп производителей писал, что «категория *D* продает свой продукт категориям *A* и *B*» [26, ч. 3, с. 39—40], он имел в виду действительных производителей, а не понятие о них, здесь подстановка на место категории термина «понятие» лишает текст смысла, ведь они не только не тождественны, но противоположны. Напротив, там, где речь идет об авторе памфлета, который «находится в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников» [Там же, с. 262], замена категории понятием не лишает текст осмысленности, оба термина выступают как синонимы. Противоположность, или антиномичность, употребления одних и тех же терминов ведет к постановке проблемы соотношения категорий и понятий или, скорее, является выражением такой проблемы.

Интерес к данному соотношению определяется рядом обстоятельств, главные из которых — вопросы происхождения категорий и их методологического функционирования. Философия рассматривается как высший уровень обобщения, связанный с реальной жизнедеятельностью людей цепью промежуточных звеньев, к которым относятся практическая и познавательная деятельность, различные формы духовно-практического освоения мира в массовом сознании, конкретных науках и т. д. Именно «житейские понятия», по терминологии Выготского, понятия специальных наук различной степени общности отражаются или обобщаются в философских категориях.

С другой стороны, последние выполняют в материальной и духовной культуре, в том числе в собственно познании, мировоззренческие, методологические и другие функции. В данной связи важно также выяснить их отношения к различным понятиям, представлениям и т. д.

Эти два противоположно направленных отношения являются преимущественным предметом анализа в существующей специальной литературе. Их общая характерная черта состоит в том, что категории и понятия образуют некоторую иерархию, структуру, в которой на самом высшем уровне находятся философские категории, рассматриваемые как наиболее общие понятия. Другие уровни — это понятия меньшей степени общности.

Такой подход, несомненно, намечает некоторые действительные проблемы, прежде всего проблемы генезиса и методологических функций категорий. Однако он не позволяет всесторонне осветить их отношение к понятиям. Во-первых, вне поля зрения остается соотношение категорий и понятий на каком-либо одном уровне познания или реальной деятельности. Поскольку таких уровней много, невыясненным остается вопрос об их связи в общем виде независимо от степени их общности. Во-вторых, не различаются связи категорий и понятий на эмпирической и теоретической ступенях познания, между тем как их соотношение в системе знания специфично. Кроме того, общепризнанным является понимание философских категорий как форм мышления. Но формами мышления являются также понятия, суждения и умозаключения. Поэтому закономерен в этом плане вопрос о характере соотношения категорий и понятий. С данной стороны их изучение пока не пошло дальше признания, что они — не одно и то же, что они — различные формы, т. е. дальше их разграничения; их более тесная связь и взаимопроникновение остаются нераскрытыми. Наконец, малоисследованными остаются вопросы о самих категориях как формах мысли, об отношении категорий к различным видам логик и т. д. Большинство соотношений будет предметом нашего исследования в этом разделе.

Понятие категорий

Термин «категория» давно приобрел в науке почти всеобщее распространение. Возникнув сначала в сфере философского знания, он затем проник и в другие

области как теоретического, так и практического освоения мира. Им часто пользуются, а нередко и специально исследуют в социально-исторической и генетической (детской) психологии, этнографии и этнологии, исторических исследованиях техники, истории и теории языка, культуры и т. п. Поэтому уже само практическое использование, а тем более теоретическое осмысление термина «категория», во-первых, показывают, что существует более общая, чем философская, теория категорий, а во-вторых, раскрывают правомерность существования данного термина.

В этом плане следует рассматривать как недоразумение попытки выбросить из наук термин, плодотворность которого несомненна. Например, Б. Рассел в «Истории западной философии» высказывается против введения в философию самого термина «категория». Он пишет: «Что именно подразумевается под словом «категория» у Аристотеля, Канта и у Гегеля, я, признаться, никогда не был в состоянии понять. Я лично не верю, что термин «категория» может в какой-либо мере быть полезен в философии как представляющий ясную идею» [1950, с. 223]. О категории «сущность» Рассел пишет как о безнадежно сбивающем с толку понятии, поскольку, по его мнению, слово может иметь сущность, а вещь — не может. Поэтому, считает он, данная категория, как и другие, имеет чисто лингвистический интерес [См.: Там же, с. 221—222]. Подобная точка зрения характерна для позитивиста, однако совершенно неприемлема в марксистско-ленинской философии. Да и аргументы Рассела имеют чисто субъективное значение. Если отбрасывать то, что «я не могу понять», то к чему сведется наука? Один выбросит теорию прибавочной стоимости, другой — теорию относительности и т. п. В марксистском понимании категории являются неотъемлемыми элементами всякого познания и реального действия. Вопрос состоит в том, чтобы проанализировать проблемы, связанные с теорией категорий, прежде всего с их понятием.

С какой стороны можно подойти к определению понятия категорий? Наиболее распространен подход к категориям, учитывающий их свойство общности, всеобщности. Анализ конкретных материалов в философии, психологии, политической экономии практически показывает

правомерность такого подхода, и мы используем его, чтобы получить все те определенности, стороны или моменты, совокупность или синтез которых составляет понятие категории.

С самого начала следует отметить, что общее (всеобщее) имеет два смысла — выступает в двух видах: в качестве количественной общности и в качестве целостности. Первая означает такую определенность, которая получена путем абстрагирования от многих изолированных вещей одного сходного признака. Таким образом, отделенный признак является общим, потому что относится ко многим вещам.

Второй смысл — общее как целое — был выделен еще Аристотелем в «Физике». В ней он писал, что «общее есть нечто целое, так как оно охватывает многое наподобие частей» [1936, с. 5]. Если в первом (номиналистическом) виде общего вещи, от которых абстрагируется признак, самостоятельны и изолированы, то во втором они находятся в связи, образуют части некоторого целостного образования. Само же общее — не то, что находится в каждой из «частей», а их связь (общение), в которую они включены, хотя и могут существенно отличаться друг от друга. Можно вслед за Гегелем называть такое общее основой, поскольку только через него существуют части целого.

На различие этих двух видов общего многократно указывалось в истории философии и других науках. Принципиально различал их Гегель в своем анализе мышления и его категорий. К. Маркс в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» отличал «сравнивание» от «действительной общности и всеобщности» [46, ч. 1, с. 105]. Ведь в номиналистически понимаемом общем последнее носит субъективный характер, поскольку оно путем сравнения связывает в уме или представлении вещи, в действительности не связанные друг с другом. Напротив, во втором случае общее имеется не только в сознании, но и в предмете как общение или целое его элементов.

Специфика разных видов общего подробно исследована в некоторых работах современных советских философов и психологов. Можно назвать работы Э. В. Ильенкова, С. Л. Рубинштейна, В. В. Давыдова и других. Последний из названных авторов не только дал глубокий логико-философский анализ видов обобщения, но и убедитель-

но продемонстрировал его значение для педагогической науки.

Какое значение имеет различие смыслов или видов обобщения для понимания категорий? Прежде всего оно показывает, что понятие общего имеет не абсолютный, а относительный характер, и предполагает выяснение того, по отношению к чему оно является общим. Это *«отношение к»* (к множеству определенных предметов или некоторому целостному образованию) есть второй необходимый момент в понятии категорий; соединяя его с первым, можно было бы сказать так: категория — это общее, которое находится в отношении к отдельным вещам или к целому. Остановимся на выяснении характера данного отношения, рассмотрев сначала отношение категории к изолированным вещам.

Поскольку отношение двустороннее, его анализ должен быть аналогичным. Итак, в чем состоит отношение категории к вещам? Во-первых, она обобщает их, соединяет в совокупности, классы либо группы в соответствии с тем признаком или определенностью, которая выделяется во всех них. Здесь категория действует синтетическим или объединяющим образом. Во-вторых, она анализирует или расчленяет действительность вследствие того, что разным категориям будут соответствовать различные группы или совокупности вещей. Если у нас есть, например, полный набор необходимых «цветовых категорий» [См.: Лурия, с. 37—38; Брунер, 1977, с. 213], то с их помощью мы можем расчленить все подлежащие категоризации предметы на группы или совокупности («красных», «зеленых» и иных) предметов. Действие категории здесь может быть выражено такими терминами, как «группировка» (разбиение на группы) или «классификация» (разбиение на классы). Из этого видно, что классификация — вид категоризации.

Специфический характер имеет обратное отношение — объектов к категориям. Характерный оборот, который употребляется при этом, таков: предмет «относится к ... (или принадлежит к...)». Он часто используется К. Марксом, если речь идет о категоризации товаров или производителей [См., напр.: 26, ч. 2, с. 31, 72, 347, 398], и очень употребителен в психологической литературе. Так, Дж. Брунер в «Психологии познания» пишет о попытках «отнести данное лицо к какой-либо категории»,

о «сведении к минимуму числа ошибочных отнесений к той или иной категории», исследует «ожидаемые последствия отнесения предмета к определенной категории» и проч. [1977, с. 134, 137, 139, 159].

Но если спросить, что представляют собой категории, к которым относится или принадлежит предмет, то мы заметим, что это — группа или класс определенных предметов. Так, Брунер в той же работе в качестве синонимичных употребляет выражения «отнесение воспринимаемого объекта к определенной категории» и «принадлежность его к определенному классу», понимает категоризацию предмета или события как «отнесение его к какому-то классу или идентификацию его» [Там же, с. 13, 15]. У К. Маркса термин «категория» постоянно употребляется как синоним термина «группа». Например, он пишет, что «мир товаров распадается на две большие категории (группы.— *Авт.*): на одной стороне — рабочие силы. На другой стороне — самые товары» [26, ч. 1, с. 153—154], что «категория *D* продает свой продукт категориям *A* и *B*» [26, ч. 3, с. 39—40]. Под категориями *A, B, Д* здесь понимаются группы капиталистов, производящих предметы потребления, роскоши и средства производства. Таких текстов в работе К. Маркса множество [См.: 26, ч. 3, с. 35—37, 41—43].

Данное обстоятельство важно потому, что мы начали с отношения, на одной стороне которого — множество вещей, а на другой — их единство, объединение в виде категории некоторого общего признака, отвлеченного от них. Они (стороны) — не просто различные, а противоположные. Тем не менее они оказываются взаимозаменимыми, синонимичными. Это проистекает из природы самого отношения: поскольку стороны находятся в отношении, они соотносительны или рефлексивны. Иначе говоря, каждая сторона отражается в другой, единство категорий отражается во множестве предметов, и наоборот. Поэтому множество здесь не абстрактное, а конкретное, выступает не в чистом виде, а соединено с единством, поскольку во всей группе предметов есть определенность, которая фиксируется и в категории. Напротив, единство категории не бесформенно, а расчленено внутри себя как единство многого. Обе стороны отношения являются синтезом одних и тех же моментов — единства и множества; вследствие этого возникает их взаимоза-

меньшемость - отнесение к категории оказывается одновременно принадлежностью к группе или множеству предметов или событий.

Перейдем к рассмотрению другого вида — отношения категорий к целостному образованию. Прежде всего он противоположен первому. В самом деле, там было множество вещей и одна категория, под которую подводилось или которой принадлежало множество (это не исключает того, что основание категоризации может меняться в зависимости от выбранной категории). Здесь, наоборот, в качестве предмета берется нечто целое, имеющее множество «частей», если употребить выражение Аристотеля, и необходимо множество им соответствующих категорий. Например, по словам К. Маркса, «процент есть та часть прибыли — прибавочной стоимости (она является целым. *Авт.*),— которая фиксируется как некая особая категория, отделяется от совокупной прибыли под особым названием» [26, ч. 3, с. 493]. Здесь «часть» имеет буквальный смысл, поскольку стоимость характеризуется преимущественно как количество труда, опредмеченного в продукте. Суть дела не меняется от того, что мы возьмем любую вещь, явление или событие и подвергнем их категоризации. Любой предмет имеет множество свойств, например цвет, форму, величину, запах и т. п., и для каждого из этих свойств есть своя категория.

Функция категорий в данном отношении также противоположна по сравнению с предшествующим отношением. Поскольку там мы начинаем с изолированных вещей, на первый план выдвигается их объединяющая роль. Но, как мы видели, категория — не только единство, она включает в себя также множество, может быть синонимом группы или совокупности. Здесь исходным материалом является единое или целостное образование, например вещь, вследствие чего преимущественное значение получает аналитическая или расчленяющая функция категорий. Эта целостность сначала должна быть выделена из окружения и квалифицирована, скажем, как «предмет», «звук» или «движение» (Брунер называет это «первичной категоризацией» [См.: 1977, с. 26]), затем подвергнута детальному расчленению и распределению по категориям. К. Маркс, анализируя в этом плане политико-экономические явления, постоянно писал о распределении, разложении прибавочной стоимости и т. п. на

«особые рубрики» или «категории». Он отмечал, что процент непосредственно предполагает не прибавочную стоимость, а прибыль, «частью которой, отнесенной в особую категорию, особую рубрику, он всего лишь и является» [26, ч. 3, с. 480]. Категория здесь есть рубрика, подразделение или часть, имеющая особое название [См.: Там же, с. 493] [1].

Таким образом, если в первом отношении категории выполняли объединяющую роль, то здесь они скорее членят действительность, точнее, отдельные ее фрагменты. Членение, разграничение, анализ всегда рассматривались как неотъемлемая черта категорий. Они лежат в основании аристотелевского их определения. Он писал: «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество, или остальные категории» [1936, с. 6]. Отсутствие связи и разделяющее *или* выражают категории как рубрики. Кант также представил категории в виде *таблицы — перечня* всех первоначальных понятий синтеза. Он считал, что полный словарь таких понятий легко осуществим в системе чистого разума. «Рубрики его (такого словаря) уже имеются, остается только заполнить их» [1964, с. 177]. Этими рубриками Кант называл категории, представленные в таблице. Шеллинг, критикуя формально-логическое истолкование понятия как всеобщего, доказывал, что оно скорее «правило, момент ограничения и определения наглядности» [1936, с. 235].

Гегель указанную черту положил в основание категорий и этим отличал их от других «родов мысли» — определений рефлексии и понятий. Категории в его понимании просты, несоотносительны (нерефлексивны), полагают бытие «в некоторой определенности как в границе» [1971, с. 117]. Это — «первые элементы», в которых осмысливается действительность [См.: Там же, с. 108]. Гегель, однако, не абсолютизировал аналитический момент категорий; в своей системе логики он стремился вскрыть внутренние связи первых элементов и тем самым обнаруживал более глубокие, соотносительные определения действительности.

---

[1] Категории как рубрики или способ членения предметного содержания рассматриваются С. Б. Крымским [См.: 1977, с. 199, 221, 222].

Рубрицирующий характер категорий вообще, конечно, не означает, что здесь отсутствует их синтетическая или классифицирующая функция. Несмотря на всю противоположность рассмотренных отношений категорий к вещам, они переходят друг в друга и оказываются только сторонами некоего целостного отношения. В самом деле, предположим, что некоторое целое, например вещь, мы всесторонне расчленили и подвели под совокупность категорий, таких, скажем, как «цвет», «форма» и другие. Возьмем одну из них. Если данная вещь обладает, например, круглой формой, то ведь много иных вещей имеют такую же форму, относятся к круглым предметам. Следовательно, от второго отношения мы перешли к первому. Наоборот, если определенная группа предметов относится к одной категории, в которой зафиксировано некоторое свойство, скажем, зеленый цвет, то данные предметы имеют также множество других свойств, категоризуя которые мы переходим от первого отношения ко второму.

Поэтому можно говорить лишь о преобладании синтетической (объединяющей) или аналитической (рубрикационной) функции категорий, но в последних обе функции присутствуют одновременно. Их единство можно рассматривать как *специфическую особенность категоризации вещей и событий*, вообще отдельных фрагментов реального мира и знания о нем. Но такая особенность принципиально изменяется, если ее предметом становятся не те или иные вещи, а действительность в целом. Последнюю нельзя группировать или классифицировать, поскольку вне ее ничего нет; она рассматривается не как вещь среди вещей, сравнивая которые можно было бы образовать категорию, а как единая и единственная реальность, которую можно расчленять в соответствии с атрибутивными свойствами, пронизывающими ее всю,— качеством, количеством, отношением и т. п.

Если множество вещей можно подвести под одну категорию, то этого нельзя сделать с одной вещью, поскольку исчез бы такой необходимый признак категории, как ее общность. Значит, если действительность в целом одна, то должно произойти *обращение отношения*; категоризация будет возможна как подведение или отнесение действительности ко многим категориям, что предполагает ее способность к членению в соответствии с ее

атрибутами, сторонами или аспектами. Между ними и категориями будет взаимооднозначное отношение или соответствие.

Указанное расчленение и здесь не исчерпывает сути дела. Не менее важна другая его сторона — сведение категорий в систему, которое только и может соответствовать не тому или иному аспекту, а действительности как целому. При этом синтезы или структуры категорий имеют разные уровни. Крайние из них — отдельная категория и полная их система. Остальные — промежуточны по характеру; так, мера есть единство качества и количества и сама выступает категорией, только более общей. Еще более общими являются бытие и сущность. Их единство — действительность — лишь постольку категория, поскольку отличается от других категорий, в том числе от уже названных, а также от мышления, сознания. Так, В. И. Ленин считал, что бытие и мышление — «предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела ... не пошла до сих пор гносеология» [18, с. 149]. Иначе говоря, множество категорий, соответствующих действительности, в пределе сводится, стягивается к двум — мышлению и бытию, единство которых образует принцип логики — всей системы категорий.

При переходе от членения действительности и его отражения в отдельных категориях к их системе качественно меняется отношение категориального строя к объективному миру. Дело в том, что в системе изучается отношение категорий к миру не прямо, через подведение, соответствие и т. п., а через их отношение друг к другу. Это возможно, поскольку действительность в ее разных аспектах уже отражена в категориях, а как целое она может быть воспроизведена посредством целостной системы категорий, через выявление их внутренних связей и закономерных зависимостей. Благодаря такому кажущемуся отходу от действительности, углублению во внутреннее содержание категорий и их имманентные соотношения «восстанавливается» также отношение к действительности, соответствие ее полноте. Следует отметить, что изучение и построение системы категорий необходимо включают в себя внешнее отношение к миру — в отраженной форме. Оно выражается в том, что принцип самой системы есть именно единство мышления

и бытия или мышления и действительности — двух фундаментальных категорий, образующих предел обобщения в процессе категоризации действительности.

Значение факта биполярности предельных категорий для их понятия состоит в том, что он открывает новый момент или сторону понятия, которая может быть сформулирована так: категория является некоторой определенностью. Если бы пределом оказалась единственная категория, то ее не от чего было бы отличать, отграничивать или определять, ибо для нее как раз не было бы предела. Она была бы совершенно бессодержательной, пустым словом. Поэтому можно сказать, что минимальным количеством категорий, при котором они не перестают быть категориями, выступают две категории.

Но во всех теориях категорий, созданных в истории мысли, уделялось должное внимание моменту их определенности. Если Аристотель или Гегель стремились определить каждую из категорий, выявить заключенное в ней содержание, то Кант понимал категории как формы и обходил вопрос об их содержательной стороне. В его «Критике чистого разума» дан перечень или таблица многих категорий, но мы напрасно стали бы искать пояснений того, что такое качество, количество и т. д. Да и сам философ, представив свою таблицу, писал: «В настоящем сочинении я намеренно не даю дефиниций перечисленных категорий, хотя и мог бы сделать это. В дальнейшем я расчленю эти понятия до той степени, которая необходима для разрабатываемого мной учения о методе» [1964, с. 177]. Кант связывал выявление определенности категорий с созданием «системы чистого разума», которая им не была написана, но идея которой была реализована в сочинениях Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Данное обстоятельство породило в истории немецкой классической философии борьбу двух линий в понимании категорий — линии формализма и содержательного их анализа. Ее можно проследить по работам названных мыслителей. Это, однако, выходит за рамки нашего исследования, и в связи с критикой формализма обратим внимание лишь на вопрос о способах выявления содержания категорий.

В процитированном тексте Канта в качестве такого способа указывается дефиниция. Несомненно, она дает возможность в известной мере вскрыть содержание, так

как она (или определение) является, конечно, «экспликацией» определенности. Но существуют и другие, более мощные способы «экспликации». К ним принадлежат концепция, в которой дается сжатое изложение теории, и система целой науки, например политической экономии, философии и т. д. Так, в «Капитале» К. Маркса дано подробное исследование содержания понятия капитала, «Наука логики» Гегеля — это скрупулезное выявление определенностей категорий качества, количества и многих других. Если Кант указывал лишь на дефиницию, то это объясняется табличным перечнем категорий в его учении: они стоят обособленно, изолированно друг от друга, а в таком случае определить какую-либо категорию можно только через дефиницию. Напротив, систематический анализ позволил Гегелю обнаружить роль системы как способа определения категорий. Критикуя кантовскую и другие разновидности формального понимания категорий, Гегель писал: «Причина бессодержательности логических форм скорее только в способе их рассмотрения и трактовки. Так как они в качестве застывших определений лишены связи друг с другом и не удерживаются в органическом единстве, то они мертвые формы и в них не обитает дух, составляющий их живое конкретное единство» [1970, с. 101]. Несомненно, содержание категорий может быть выявлено и другими способами (так, в распространенных изложениях категорий типа сборников оно вводится посредством дефиниции), но наиболее полное их определение дает система.

Понимание содержания категорий определяется как уровнем развития категориального мышления, так и уровнем его исследованности. Оно весьма различно в философии и других науках. Например, в генетической психологии содержание рассматривается в духе учения традиционной логики о понятии, абстрактных и конкретных понятиях и т. д. Наиболее распространена мысль о том, что таким содержанием является признак или их совокупность. Л. С. Выготский говорил об *элементах*, когда характеризовал синкретические образования (неоформленные и неупорядоченные множества), *о признаках*, когда описывал комплексы. Понятие, которое в его системе форм категоризации действительности занимает третье место, образуется, согласно Выготскому, через выделение, изоляцию, анализ и абстрагирование отдельных элемен-

тов. «Понятие,— писал он,— возникает тогда, когда ряд абстрагированных признаков вновь синтезируется и когда полученный таким образом абстрактный синтез становится основной формой мышления, с помощью которой ребенок постигает и осмысливает окружающую его действительность» [1956, с. 202]. При этом решающая роль в образовании «истинного понятия» принадлежит слову, направляющему внимание на отдельные признаки, выделяющему их и т. д.

А. Р. Лурия в исследовании «Об историческом развитии познавательных процессов», описывая одну из стадий развития категориального мышления, характеризует ее так: «Осуществляемые с помощью абстрагирующей и обобщающей речи приемы выделения признаков и подведения предметов под общую категорию приобретают ведущее значение» [1974, с. 62]. Здесь дано типичное описание образования категорий в психологических исследованиях. Приведем еще определение Брунера, данное в «Психологии познания»: «Категорию можно рассматривать как совокупность признаков, в зависимости от которых объекты группируются как эквивалентные» [1977, с. 30]. В данном случае признак прямо вводится в дефиницию категорий. Это правильно в том смысле, что любая категория имеет содержание. В качестве последнего во всех трех приведенных текстах (их можно было бы умножить) принимается признак вещи, события и т. д. Все указанные авторы исследуют, как осуществляется, согласно Брунеру, выход за пределы непосредственной информации. Естественно, они находят, что достигается это через образование простейших категорий.

Однако для категорий более высокого порядка, особенно для философских, содержание признака является недостаточным. Ведь он носит случайный характер, присущ не всем объектам, а только определенным их множествам. В то же время философские категории соответствуют таким аспектам или отражают такие стороны действительности, которые всеобщи и необходимы. Поэтому уже в традиционной логике в определение понятий входили не просто признаки, а существенные признаки. Если использовать историко-философскую традицию, то для обозначения содержания философских категорий более подходящим был бы термин «атрибут», отличаемый Спинозой от модуса как случайного признака. Но наиболее

подходящим для этого, учитывая терминологию основоположников марксизма-ленинизма, является термин *«формы бытия материи»*. В специальной литературе к ним относят обычно пространство и время и понимают под формой бытия определенность, без которой материя не может существовать. Действительно, она не существует вне или без пространства и времени. Но она не существует также без качественных, количественных, временных, причинных, вообще всех тех определенностей, которые отражаются в философских категориях. Все они — атрибуты, формы бытия материи. Именно они отвлекаются (абстрагируются) в процессе социально-исторической практики и познания и отлагаются в качестве содержания всеобщих категорий.

Вопрос о механизме такого абстрагирования как способе образования понятий стал предметом исследования еще в древности. При его критическом анализе обнаружился круг в такой трактовке генезиса понятий или категорий. Дело в том, что согласно широко распространившейся идее возникновения понятий это происходит таким образом, что субъект сравнивает отдельные объекты и образы, которыми первые представлены в воображении. При этом стирается или опускается определенность, специфика отдельных образов, а в качестве результата сохраняется, удерживается только общее их содержание.

Шеллинг, подчеркивая поверхностность такого объяснения возникновения понятий, писал: «Ведь для проведения такого рода операции, вне всякого сомнения, я должен *сопоставить* между собой эти наглядные представления, но как это возможно, если я уже не руковожусь известным понятием? Ибо откуда мне известно, что вышеуказанные предметы, данные мне поодиночке, составляют вещи одного и того же порядка, как это возможно, если сначала у нас не образуется понятия о такого рода вещах?» [1936, с. 235—236]. Если, например, мы группируем предметы, выделяя в них какие-либо свойства (цвет, форму, размер и т. п.), то о последних уже надо «иметь понятие», знать их и руководствоваться ими в процессе группировки. Поэтому Шеллинг делал справедливый вывод: «Следовательно, это эмпирический способ усмотрения общего во многом частном, и он сам предполагает уже правило, согласно которому это усмо-

трение производится, т. е. понятие, и, значит, ведет нас дальше вышеупомянутой эмпирической способности к абстрагированию» [Там же, с. 236]. Впервые такого рода круг в образовании понятий был указан, вероятно, Аристотелем.

Наличие указанного круга свидетельствует не о том, что такого рода абстрагирования нет (оно — факт познания), а о том, что понятия, с помощью которых осуществляется абстрагирование, уже есть в контексте познания. При этом речь идет не о возникновении понятий, а о приложении их к вновь открываемым объектам (которые группируются в соответствии с имеющимися понятиями, выполняющими роль категорий).

Но понятия не являются вечными, всегда данными до опыта. Категории и понятия носят исторический характер. Это значит, что было время, когда они отсутствовали. Неизбежно возникает вопрос о первоначальном происхождении категорий в историческом развитии человечества. Описанный круг свидетельствует, что данное возникновение совершалось иным способом, нежели эмпирическое абстрагирование признаков вещей, событий и т. п. Этот круг, как справедливо отмечал Шеллинг, ведет дальше эмпирического абстрагирования. Для понимания генезиса категорий необходимы анализ предметно-практической деятельности и соответствующей ей формы абстрагирования, а также исследование общения людей, требующее обобщения представлений, понятий и т. п. Однако как бы ни происходило абстрагирование, оно должно иметь место, иначе не произойдет отделения определенностей от вещей и явлений и действительности в целом, а значит, не возникнут и категории. Необходимость абстрагирования видна из того, что на ней основываются все до сих пор рассмотренные моменты понятия категорий.

В самом деле, без абстрагирования нет обобщения. Даже если общее есть в самой действительности, то в ней оно переплетено, сплавлено с единичным, тогда как в категории оно представлено в очищенном виде, для чего его сначала нужно было отделить. Существенным в категории является ее отношение к вещам или действительности. Между тем отношение предполагает, что его стороны имеют определенную самостоятельность. Но действительность самостоятельна абсолютно, поскольку ее

существование не зависит от категорий, а последние самостоятельны лишь в силу того, что образованы деятельностью субъекта, выделившегося из действительности, выделяющего из нее ее свойства и отношения всей совокупной деятельностью преобразования и познания и соотносящего имеющийся в его духовном мире категориальный строй и внешний мир. В данном случае необходимы отвлечение определенностей и перемещение их в пространстве субъективности.

Это относится и к такому моменту категории, как определенность. Хотя содержание категорий объективно (это определенные стороны внешнего мира), для сознания и духовной жизни оно дается только через абстрагирование. Наконец, функция категорий, которая делает их категориями (расчленение предметной действительности и объединение ее в группы, классы, систему форм бытия), — также его результат и называется абстракцией. Согласно Гегелю, «абстракция есть *разделение* конкретного и *разрознивание* (Vereinzelung) его определений» [1972, с. 56]. Она возводит его к всеобщностям, в каждой из которых отражаются отдельные свойства и моменты: «Ведь ее продукт должен содержать то, что́ она есть сама» [Там же].

Таким образом, абстрагирование не только органически связано с другими сторонами категории, но и в качестве деятельности определенного рода является их основанием, тогда как они представляют собой следствие, результат деятельности. Из этого можно сделать вывод, что оно также необходимый момент категории как в процессе ее возникновения, так и в результативном ее состоянии. Своим производящим характером абстрагирование объединяет остальные моменты в некоторую целостность и полагает отношение последней к действительности как относительно самостоятельному образованию.

Возникает вопрос: *как возможно* его самостоятельное существование? Дело в том, что в объективном мире его основой является та или иная вещь или действительность в целом, ибо они и их определенности не зависят от воли и сознания субъекта. Здесь же определенности отделены от их материальной основы, переведены в идеальный план, что и порождает сформулированный вопрос. Идеализированные свойства должны найти новую основу, закрепиться и укорениться в ней. Такой основой слу-

жит слово или их сочетание. Без них категория — нечто мимолетное и преходящее; в них она обретает устойчивость и способность к функционированию. В данном смысле можно было бы сказать, что категория есть слово. Это положение содержится уже в первом ее определении, данном в европейской философии Аристотелем. Оно не означает сведения категории к пустому звуку, ибо само слово берется с его значением, заключенным в нем содержанием, носящим объективный характер. Такой аспект более ясно выражен в определении категории вайшешиками: категория есть объект, обозначенный словом [См.: Джохадзе, 1971, с. 111]. Л. С. Выготский пишет: «Слово служит средством взаимного понимания людей. При образовании понятий именно это обстоятельство играет решающую роль; при необходимости установить взаимопонимание определенный звуковой комплекс приобретает определенное значение: он становится, таким образом, словом или понятием» [1956, с. 153—154]. А. Р. Лурия, характеризуя стадию развития, на которой доминируют предметно-практические категории, отмечает, что здесь для испытуемых слово не являлось «носителем отвлеченной категории» [1974, с. 68].

В обобщенной форме указанная черта категорий была высказана Брунером в его статьях, помещенных в работе «Исследования развития познавательной деятельности», и в «Психологии познания». В качестве фундаментального свойства языка он выделяет категориальность наряду с таким его свойством, как символическое обозначение. О первом он пишет: «Общеизвестно, что дети *применяют* язык категориально... Слово обозначает целые классы вещей, эти классы построены согласно таким правилам, что могут постоянно принимать в себя новых членов» [См.: 1971, с. 59—60]. Брунер отмечает также, что свойствами языка являются «категория и иерархия» [См.: Там же, с. 70]. Имеется в виду, что каждое слово языка — это категория (оно имеет обобщенное содержание, под которое подводится определенное множество вещей), что степени общности построены иерархически и поэтому имеет место «иерархия категорий» или иерархизированная их система [См.: Там же, с. 74, 83]. Сотрудницы Брунера Р. Олвер и Д. Хорнсби называют это «классической или суперординатной категорией» [См.: Там же, с. 106—107].

Столь тесная связь категорий и слов не означает их полного тождества. Если, например, в «Науке логики» Гегеля исследуется качество, то его всесторонняя определенность достигается не в отдельном слове, а в обширном тексте, который, в свою очередь, делится на более элементарные единицы — суждения или предложения. Структура последних в принципе отлична от структуры мысли. Отметим также, что Брунер указывает три способа отнесения объекта к группе, иначе говоря, три способа категоризации: простое указание на объект отнесения; наименование (навешивание словесного ярлыка, когда произносится только одно слово); словесное определение [См.: 1977, с. 348—349]. Любое предложение (суждение) есть известного рода отнесение: например, «эта вещь красная». Некоторая отдельная вещь («эта») относится здесь к категории красных вещей. Наиболее отчетлива и необходима для общения именно такая форма категоризации. Указание жестом может оставлять неопределенным то, о чем идет речь. Произнесение слова, например «красный», также не выражает, какое отношение мы имеем в виду. В предложении, наоборот, выражена сама отнесенность объекта к категории. Оно является адекватной словесной оболочкой для группировки изолированных вещей, тогда как для системы категорий, для ее развернутого изложения подходящей является форма текста.

Единство слова и категории достигается в развитии не вдруг. Так, ребенок может знать какое-либо слово, не зная его значения, содержания. В таком случае слово вообще не может выполнять категориальной функции. Но постепенно слово и категория настолько срастаются, что становятся буквально неразличимыми, о чем свидетельствуют так называемые лингвистические анекдоты о воде и названии звезд, приводимые Есперсеном и Гумбольдтом. Последний рассказывает, что простолюдин, слушая разговор студентов-астрономов о звездах, спросил: «Я понимаю, что с помощью всяких приборов людям удалось измерить расстояние от земли до самых отдаленных звезд и узнать их расположение и движение. Но мне хотелось бы знать, как узнали названия звезд?» [Цит. по: Выготский, 1956, с. 335—336]. Слово здесь воспринимается как свойство самой вещи (звезды).

Генетическая психология также свидетельствует, что

для ребенка слово долгое время является скорее свойством вещи, чем ее символом. Об этом писали Выготский и другие психологи. Учитывая то, что любое свойство может быть категорией, следует выделить три стадии в ее развитии. Сначала категория (и как определенное содержание, и как слово) слита с вещью, затем отделяется от нее, становится внешней относительно вещи, которая теперь под нее подводится, и, наконец, вообще отделяется от вещи в логическом мышлении, когда возникает способность воспринимать отношение не только категории к вещам, но и отношение одной категории к другим.

Фиксация определенности в слове, соединенная с другими (уже рассмотренными) сторонами, завершает *построение понятия категорий*. Обобщая, можно дать следующее их определение: категории — это отвлеченные от действительности и зафиксированные в словах определенности, к которым относятся группы объектов или аспекты всей действительности и которые служат средствами их расчленения и синтезирования.

Данное определение является простейшей формой — дефиницией, выступающей также элементом более сложных форм, например, системы категорий как развернутого изложения их содержания. Дефиниция носит общий характер; она выражает категории, как относящиеся к изолированным объектам (вещам, событиям и т. д.), так и соответствующие аспектам или формам бытия всей действительности (что характерно для философских категорий).

Термин «отвлеченные», который входит в определение, употреблен в двояком смысле: в смысле отделения, абстрагирования и в смысле обобщения. Этот термин удобен тем, что обозначает как процесс отделения определенности, так и специфическую черту его результата — отвлеченную (абстрактную или общую) определенность.

Развитая дефиниция категорий позволяет отграничить последние от понятий. В философской литературе термин «понятие» употребляется в широком и узком смысле. В первом его не отличают от представления. В таком случае «иметь понятие» и «иметь представление» о чем-либо — синонимы.

Но в истории философской мысли и работах современных авторов проводилась и другая точка зрения,

согласно которой понятие качественно отличается от представления, форм рассудочного мышления, оперирующих одними абстракциями (опуская особенное и конкретное, полнота которого считалась объектом понятийного постижения действительности). Такая точка зрения была развита в работах Гегеля. Это позволило ему отличать понятие как форму мысли от категорий и определений рефлексии именно в том плане, что категории воспроизводят определенности объекта в непосредственном, изолирующем виде, тогда как понятие дает объект в его целостности и самодвижении. Здесь было осознано и последовательно проведено то понимание категорий, которое предложил Кант. Он рассматривал их как рассудочные понятия. Для Гегеля рассудок в отличие от разума есть абстрагирующая, изолирующая и разделяющая способность, которая находит наиболее концентрированное выражение в осмыслении действительности в форме категорий.

Положение о специфике понятия в отличие от представления и других форм мысли проводится некоторыми советскими философами, например Э. В. Ильенковым, В. В. Давыдовым и другими.

Подобный подход к понятию представляется нам вполне правильным; он следует из уже изложенного понимания категорий. Но поскольку категорией может быть любая определенность и какие-либо ограничения на этот счет не входят в ее определение, ее отличие от понятия можно провести более общим образом, по отношению к которому первое отличие будет касаться только специально философских понятий и категорий.

Для этого следует взять понятие в форме, не исключающей представление и имеющей широкое распространение — в форме понимания. Можно понимать, что такое «красный цвет», и в том случае, когда нужно просто отличить его от другого цвета, и знать, какого цвета какой-то объект, и в том случае, когда известны физическая структура, частота волновых колебаний, порождающих цвет, т. е. когда речь идет о научном понятии цвета. В том и другом случае человек «имеет понятие» (или «имеет представление» — здесь это одно и то же), различие же обусловлено той познавательной целью, которой служит понимание. Понимать вообще значит знать, что такое объект или его свойства, о которых идет речь. Иначе говоря, в процессе понимания важно осознание

определенности — знание, что такое рассматриваемый объект. Причем ответ на этот вопрос может принять и форму дефиниции, и форму представления, которое «имеется в виду». Так, нельзя словами выразить свойства красного, зеленого и т. п., их можно только представлять.

Если указанная определенность и составляет содержание процесса понимания, то само понятие является его данностью сознанию, знанием о нем. Отсюда видны как связь категорий и понятий, так и их различие. Понятие есть момент категории, поскольку последняя — определенность, которую нужно знать, понимать, чтобы осуществлять категоризацию. Так, надо иметь понятие о цветовом спектре, чтобы определенным образом группировать или классифицировать объекты. Такое знание носит, как и в категории, обобщенный, абстрагированный характер. Но можно иметь понятие о какой-либо определенности и совсем не знать, какую роль она выполняет в качестве средства расчленения вещей или всей действительности. Для понятия как такового функция определенности быть средством группировки — безразлична, не входит в его дефиницию.

Поэтому любая категория становится понятием, если от нее отделить функцию членения и синтезирования действительности и мыслить только ее внутреннее содержание. И наоборот, любое понятие становится категорией, если к нему присоединить данную функцию. Это имеет значение общего правила, или закона, а поэтому относится также к философским категориям. Так, объективная действительность, будучи единой реальностью и одновременно обладая множеством атрибутов или форм бытия, расчленяется посредством категорий «качество», «количество» и т. д. С другой стороны, необозримое многообразие реальных качеств обобщается и синтезируется в одну категорию качества аналогично с другими определенностями бытия. Если принимается во внимание аналитико-синтетическая функция (расчленение единой действительности посредством множества категорий и сведение в одну категорию ее атрибутивных многообразий), то мы имеем дело с категориями, если же нас интересует только качество (а не его функция), содержание количества и т. п., то мы имеем дело с понятиями качества, количества и т. д.

Определенность, составляющая содержание понятия, может быть многосторонней. Ее следует предварительно расчленить на категории, прежде чем эксплицировать, изложить содержание. Это имеет место даже в простейшей форме такого изложения — в определении. Так, если мы даем определение материи как объективной реальности, существующей независимо от нас, отражаемой в сознании и т. д., то мы выделяем целый ряд категорий, чтобы вычленить разные стороны этого понятия — объективность, реальность, отражение и т. д. Понятие материи, ее определение есть в таком случае синтез этих категорий.

Внутреннее родство понятий и категорий объясняет нам, почему в философских, психологических и иных исследованиях они часто употребляются как синонимы, особенно если не ставится вопрос о специальном изучении своеобразия каждой из этих форм. Их родство не должно, однако, заслонять от нас качественное различие, особые функции, которые они выполняют в познавательном процессе и благодаря которым стоят не просто рядом, а каждая занимает свое место в целостной структуре познания.

Фазы обращения категорий в понятия

Развитое представление о различии категорий и понятий и их единстве позволяет проследить процесс постепенного обращения первых во вторые и обратно, выделить определенные стадии или фазы такого обращения.

С этой целью обратимся к «Капиталу» К. Маркса и сгруппируем соответствующие тексты таким образом, что сначала термин «категория», поскольку он употребляется, совершенно исключал бы термин «понятие», а сама категория выступала бы относительно понятия в чистом виде. Последующие же группы текстов будут упорядочены так, что понятийная определенность обсуждаемых проблем будет все больше выступать на первый план, пока не дойдем до понятия в чистом виде. Что касается значений исследуемых терминов, то для категории наиболее характерно ее функциональное отношение к действительности — членение вещей или событий и их объ-

одинение, синтезирование в классы, группы, совокупности. «Понятие» же означает, что такое данный предмет или то или иное его свойство, отношение и т. д. Иначе говоря, для него важно выяснить его содержание, а не членящее отношение к миру. В качестве способа обнаружения искомых фаз мы используем сопоставление текстов, главным образом подстановку одного термина на место другого, поскольку речь идет об анализе Марксовых текстов с использованием этих терминов. Выделив соответствующие фазы в указанном направлении, мы затем дадим их обобщенный анализ.

1. Установление категорий. Это — исходный пункт, с которого начинается процесс познания — выделение предметов из их окружения, расчленение предметов на определенности, которые в ней даны в слитном единстве. Дж. Брунер называет такое выделение «первичной категоризацией» [1977, с. 26]; хотя он относит ее к восприятию, но данная категоризация может иметь место на любом уровне исследования, зависит от характера предмета и способа его постижения. Суть дела только в том, что для сознания и мышления должны появиться некоторые новые определенности предмета.

Разграничивая ход исследования процесса обращения капитала, К. Маркс, применяя восхождение от абстрактного к конкретному, которое должно появиться в дальнейших главах его работы, подчеркивает: «Напротив, в этой первой главе должны быть развиты только *новые определенности формы* (категории), образование новых определенностей формы капитала при последовательном его прохождении через весь процесс обращения» [49, с. 235]. Дело идет о самих реальных определенностях капитала, которые К. Маркс называет категориями. Хотя они, разумеется, отражаются в соответствующих понятиях, здесь исследуются реальные формы или категории. Об этом свидетельствуют и другие тексты. Так, обсуждая последовательность рассмотрения предмета, он выделяет некоторые «определения, на которых следовало бы остановить выбор (речь идет здесь, как и везде, об установлении категорий)» [Там же, с. 315]. По поводу фетишистского представления К. Маркс пишет: «*Экономические* определенности формы — *товар, производительный* труд и т. д.,— рассматриваются как свойство, присущее

вещественным носителям этих определенностей формы или категорий самим по себе» [Там же, с. 101].

Объективный характер форм или категорий здесь совершенно очевиден. О первоначальном же установлении категорий Маркс говорит и в других текстах, например в «Теориях прибавочной стоимости», в связи с деятельностью А. Смита. Одна из задач, стоявших перед ним, состояла в том, чтобы (наряду с проникновением во внутреннюю структуру буржуазной экономики) отчасти впервые описать проявляющиеся внешним образом жизненные формы данного общества, найти для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т. е. воспроизвести их впервые в языке и мышлении [См.: 26, ч. 2, с. 177]. Следует отметить, что каждый мыслитель, если он делает некоторый новый шаг вперед, должен хотя бы в какой-то мере производить по-новому категоризацию той предметной области, с которой имеет дело его наука. Первичная категоризация, будучи разграничением реальных вещей и их форм, имеет в качестве результата и соответствующие категории.

2. Нерасчлененное единство вещей и категорий. Это единство особенно ясно просматривается в тех текстах, в которых «категория» является синонимом «класса», «группы» или совокупности. Так, К. Маркс пишет о категории (группе) рабочих, непосредственно производящих предметы потребления, о распределении цены товара между тремя категориями лиц (рабочие, земледельцы, фермеры), о товарах определенной категории (группы), о лицах различных категорий или различных категориях заемщиков, о новой категории рабочих (женщинах и детях) или о доле различных категорий работников в общем количестве занятых. К. Маркс пишет также о капиталисте как представителе всех тех категорий, с которыми он должен делить прибавочную стоимость, о различных особых категориях, на которые эта стоимость делится, характеризует доход категории потребителей определенной сферы, а также использует рассматриваемый термин как синоним термина «класс», когда пишет, что продукты всегда должны относиться к категории A или категории B, выясняет причины того, что разделяет их на такие два класса. Там, где К. Маркс критикует способ категоризации, он употребляет термин «куча»: товарный и денежный капитал политическая экономия

со времен А. Смита сваливает в одну кучу, соединяет в одну категорию [См.: 24, с. 411, 420, 188; 25, ч. 1, с. 196, 234, 401; 47, с. 366, 455; 49, с. 411, 413, 422, 456]. Это понимание категорий у К. Маркса, пожалуй, наиболее представительно, в нем категория как группа или класс лиц, вещей и т. д. совершенно исключает возможность ее замены «понятием», ибо при этом надо было бы говорить о доходе понятия потребителей, о распределении цены или стоимости между понятиями, о доле различных понятий работников, о капиталисте как представителе всех тех понятий, с которыми он должен делить прибавочную стоимость, и т. п. Во всех таких текстах категория есть определенность лиц или вещей, синоним их «класса» или «группы»; как «форма мысли» или «рубрика» она не отчленена от них. Названные группы и означающие их термины для сознания слиты, ибо оно обращает внимание на сами вещи и формы, а не на их словесное или мыслительное воспроизведение.

3. Расчленение категорий (рубрик) и вещей. Там, где это происходит, категория становится рубрикой, под которую подводятся вещи, лица и т. д. Это важнейший шаг в развитии категорий, ибо только после данного расчленения они начинают выполнять функцию рубрикации вещей, а последние теперь могут не просто расчленяться на классы, но и подводиться под рубрики. Само расчленение, предшествующее установлению отношений, также представлено в текстах «Капитала». Так, «издержки производства» — рубрика или категория, которая существует не только в капиталистическом счетоводстве, но и реально [См.: 25, ч. 1, с. 33]. Здесь категория и рубрика — синонимы; они положены в отличие от предыдущей фазы дважды: как реальное разграничение вещей и как обозначающие его термин, слово или название.

4. Спектр отношений между категориями-рубриками и вещами. Прежде всего отметим, что в тех случаях, когда внимание обращено на сами отношения, преобладающим является и используется термин «рубрика» (подразделение с названием), а там, где появляется категория, она легко заменяется первым термином [См.: 25, ч. 1, с. 440]. Вообще рубрика — это категория, отделившаяся от предметов и под которую они подводятся. Само отношение обозначается довольно разнообразно. Так, рассматривается *подведение* рабочей силы под рубрику

оборотного капитала, а жизненных средств — под одну рубрику с сырьем [См.: 24, с. 232, 253]. Отмечается также, что материал один раз *помещается под рубрикой* основного, другой раз — под рубрикой оборотного капитала [См.: Там же, с. 248]; часть производительного капитала, авансированная на рабочую силу, *попадает в категорию* оборотного капитала, а материалы труда попадают в одну категорию со средствами труда, в общую категорию дохода попадают вместе две части продукта и т. д. [См.: Там же, с. 239, 244; 49, с. 414]. Здесь категория имеет смысл только рубрики, ибо нельзя «попасть в понятие». Далее, нечто *объединяется под рубрикой, соединяется в одну категорию* (не в одно понятие, а в рубрику) [См.: Там же, 24, с. 188, 244, 245].

Особое значение имеет также «распределение ... по различным рубрикам» [25, ч. 1, с. 266], поскольку рубрикация является расчленением, распределением. Важнейшая форма связи — *отношение к категории*. Например, Рамсей отнес светильный газ, уголь и т. д. к категории основного капитала, или вообще часть средств производства относится к категории основного капитала [См.: 24, с. 178, 239]. В таких текстах категория имеет преимущественный смысл рубрики, но можно было бы употребить и термин «понятие», поскольку между понятиями и вещами тоже имеется отношение, хотя и своеобразное.

Среди множества рассматриваемых отношений отметим еще одну форму. У Рикардо часть стоимости, затраченной на материалы, исчезает: она *не подходит к категории* основного капитала [См.: 24, с. 244]. Это отношение очень близко к понятийному — «не соответствует категории или понятию». Хотя и здесь категория является главным образом рубрикой, ее уже можно заменить понятием (причем положение К. Маркса сохранит почти тот же смысл). Иначе говоря, категория здесь стоит на грани ее перехода в понятие, вернее, на грани их синонимичности.

Все выделенные отношения категорий к вещам и процессам можно определенным образом упорядочить, перемещая внимание (в познании так и происходит) с групп — категорий вещей — на отношение вещей и категорий, а с них — на сами категории и зафиксированные в них определенности. Если речь идет о чистом отношении, о его преобладании (если оно есть объект рассмотрения),

то говорится о рубрике, а не о категории; если последняя и употребляется, то в смысле рубрики. Вместо рубрики можно говорить и о названии, ибо они у К. Маркса бывают синонимичными. Так, например, он пишет о проценте как особом названии, особой рубрике части капитала [См.: 25, ч. 1, с. 372]. Их родство обнаруживается также в том месте «Капитала», где рядом ставятся «категории, рубрики и названия» [Там же, с. 416], под которыми фиксируются определенные части прибавочной стоимости. В известном смысле они синонимичны, обозначают рубрику. Но между ними есть и различие, поскольку название может быть понято как словесная оболочка определенности (именно это значение имеет номенклатура, которую подбирал Смит для экономических явлений), а категория родственна понятию и в разобранных текстах может иногда заменяться при небольшом изменении смысла предложений. Но рубрика в текстах К. Маркса не бывает тождественна понятию, она стоит дальше от него, чем категория. Последняя же в зависимости от контекста бывает и понятием.

Таким образом, рассматриваемые отношения можно распределить так, что обнаружится *тенденция в направлении понятия*, а именно: название, номенклатура; рубрика (и категория как рубрика); категория (как рубрика и понятие).

Важно отметить, что рубрика и категория, очень близкие по функциям и смыслу, не тождественны друг другу, притом в двух, так сказать, аспектах. С одной стороны, рубрика стоит дальше от вещей, чем категория, ибо последняя может быть синонимом объективных определенностей, форм вещей или их групп и классов, а первая — это метка, знак, термин, слово, отделенные в сознании от обозначаемого. С другой стороны, рубрика отличается от категории, поскольку последняя становится понятием. Их отличие, таким образом, двустороннее — и в отношении вещей и в отношении понятий.

5. Нерасчлененное единство категорий и понятий. Оно имеет место в текстах, в которых одновременно понимаются отношение категорий к вещам, расчленяемым на рубрики, и их собственное, внутреннее содержание. При анализе оборота капитала К. Маркс отмечает основную ошибку экономистов — смешение категорий основного и оборотного капитала с категориями постоянного и пере-

менного капитала — и сразу же говорит о существующей путанице в определении понятий. Рамсей, в частности, смешивал категории основного и постоянного капитала, Смит смешивал оборотный капитал с товарным, и тут же К. Маркс пишет о рубрике оборотного капитала [См.: 24, с. 178, 180, 232, 247]. В этих текстах термин «категория» используется также в значении понятия, имеет двойственное значение: предметом исследования становится отношение рубрикации к действительности и содержание категорий, их внутренний смысл. Аналогична мысль К. Маркса о том, что Смит придавал категориям основного и оборотного капитала общий характер, хотя этим «обобщением категорий и исчерпывается сделанный им шаг вперед» [24, с. 213]. Поскольку важно различение основного и оборотного капитала и тех элементов, которые к ним относятся, они — рубрики; поскольку же имеется в виду их развитие от физиократов до Смита, они — понятия. Подстановка этих двух терминов на место категории не лишает смысла положение К. Маркса, а лишь выявляет скрытые и не положенные явно значения.

Нерасчлененное единство рубрик и понятий появляется при рассмотрении истории политической экономии и ее категорий. Дело в том, что Смит, как и прежние экономисты, стремился четко разграничить реальные определенности капитала (они были предметом его сознательного исследования). Но предметом такого исследования становятся также сами категории, выработанные предшествующими мыслителями. Смит должен установить, что понимали под той или иной категорией, какое понятие о той или иной определенности имели физиократы. К. Маркс в другом месте прямо вводит для этого соответствующее словесное оформление. Он, например, указывает, что, не сумев овладеть диалектикой категорий (определений) товарного капитала, дохода, «экономист счел разумным — не думать больше об этом различии и не путаться в софистике исключающих друг друга категорий, т. е. вообще не вдаваться в область мышления и понимания» [49, с. 381]. Но понимание категорий, знание о том, что такое та или иная из них, есть понятие. Особенно показательно, что К. Маркс сам использует термины «категория» и «понятие» как синонимы. «Характерно,— пишет он,— что свою неспособность от категории (понятия) стоимости перейти к категории ка-

питала Прудон маскирует высокопарной фразой» [47, с. 170].

Данная стадия в развитии категорий (их нерасчлененное единство с понятиями) объясняет распространенное явление, тот факт, что в философской литературе они употребляются как синонимы понятий. Таким образом, поворот от категорий как рубрик к понятиям намечается там, где во внимание принимаются обе указанные стороны категорий. На данной стадии развития последних эти стороны имеются в виду, на следующей стадии осознается их связь.

6. Отношение вещей и процессов к понятиям. Это отношение имеет две основные формы: противоречие и соответствие. К. Маркс указывает, например, на массу фактов, которые противоречат понятию и природе земельной ренты [См.: 25, ч. 2, с. 174]. Особенно много текстов, в которых говорится об их соответствии. Так, труд превращает предметные условия в понятийно определенные моменты процесса труда (его средства и материалы), говорится об объеме, в котором деньги соответствуют своему понятию, о разделении между объективными и субъективными условиями труда, соответствующем понятию труда, о том, что в общем исследовании предполагается соответствие действительных отношений их понятию, о рассмотрении явлений в их закономерном, соответствующем понятию виде, и т. д. [См.: 25, ч. 1, с. 155, 208; 47, с. 82, 106; 49, с. 37, 38]. Здесь везде речь идет о соответствии понятию и понятийным определениям каких либо вещей, явлений.

Вторая сторона состоит в соответствии понятий и категорий предметам. Так, критикуя подведение вещей под схоластические определения, т. е. дефиниции, не выведенные надлежащим образом из объективной действительности, К. Маркс подчеркивает, что определенные реальные функции получают *выражение* в определенных категориях [См.: 24, с. 254]. Выражение имеет здесь тот же смысл, что и отражение, а категории — суть отражения вещей. Кроме того, они синонимичны с понятиями, поскольку с последними традиционно связываются операции определения и ее результат — дефиниция.

Отражательное отношение понятий к предметам ведет к тому, что объективные их определенности в идеальном виде избираются мышлением, формируются в понятия,

будучи их содержанием. В этом плане характерен текст К. Маркса, в котором говорится, что понятие капитала включает в себя не только сохранение, но и умножение стоимости [См.: 47, с. 171]. Понятие имеет содержание, содержит в себе в отраженной форме свойства и законы действительности. В силу того, что отражение совершилось и содержание предметного мира вобрано в понятие, стало внутренним содержанием мышления, появляется возможность изучать или понимать его, иначе, иметь понятие о нем, не обращаясь уже (в известных границах) к внешнему миру, т. е. мыслить в понятиях, абстрагируясь от того их отношения к вещам, о котором шла речь.

7. Понятия в их имманентном содержании. Эта фаза развития знания также представлена многочисленными текстами в «Капитале» К. Маркса. Она появляется там, где говорится о развитии содержания каких-либо категорий, об их обобщении и т. д. Так, Смит обобщил «первоначальные авансы» и «ежегодные авансы» Кенэ в понятиях основного и оборотного капитала [См.: 24, с. 405]. В другом месте К. Маркс пишет, что, переходя от соответствующих понятий французского экономиста к понятиям основного и оборотного капитала, «Смит делает шаг вперед в употреблении слова «капитал»; понятие это обобщается, становится независимым от того особого внимания к «земледельческой» сфере применения, которое характерно для физиократов» [24, с. 407]. Категория здесь полностью заменяется понятием, ибо важно то, *что* понимается под «авансами» Кенэ и в каком направлении развивается их содержание Смитом.

Термин «понятие» фигурирует у К. Маркса и там, где выясняется не развитие, а готовое, установившееся содержание мысли. В данном случае он пишет об определении понятия, об общем понятии оборота, о рассмотрении общего понятия капитала, о выражении (формулировке) понятия мануфактуры и т. д. [См.: 25, ч. 1, с. 294; 47, с. 156, 307; 49, с. 381] или дает дефиницию понятия: «Цена по своему понятию равна выраженной в деньгах стоимости» [25, ч. 1, с. 389].

Следует отметить, что абсолютно элиминировать отношение понятия к реальности невозможно в силу его отражательной природы. Это выражается даже формально. Так, есть «понятие о капитале» и других предметах; интенция, представленная союзом «о», указывает на пред-

мет, который находится вне понятия. Если используются высказывания типа «общее понятие капитала», то указанная интенция выражена родительным падежом, связующим два термина. Даже в логике, имеющей дело с понятием вообще, оно определяется как отражение существенного или единства всеобщего, особенного и единичного и т. п. Однако на той фазе развития категорий и понятий, на которой мы находимся, важна не интенциональность понятия; хотя она здесь и налична, специальным предметом становится не она, а содержание понятия.

Если на одной из предыдущих стадий понятие не было отчленено от категории, находилось с ней в слитном состоянии, то в данном пункте их качественное различие вполне положено, выявлено. Вещи подводятся под категорию, понятию они соответствуют или противоречат; понятие есть знание, понимание той определенности, которая заключена в категории. В последней определенность предполагается как уже данная, ею оперируют при распределении вещей по рубрикам и подведении под них. Иначе говоря, в них решаются различные задачи: что *подводить под категорию* (или относить к ней) и что *понимать под категорией* (под ее содержанием).

Однако это различие относительно. До сих пор прослеженный процесс показывает, что категория постепенно, проходя ряд фаз, обращается в понятие, которое рассматривается безотносительно к действительности. Но развитие не может здесь остановиться. Фактически наличная в понятии интенциональность, его направленность на внешний мир должны снова проявиться и приобрести первостепенное значение. Это действительно происходит, так как понятие в конечном счете существует не для самого себя, а для познания и изменения мира, является орудием познания и миропреобразования. В познании с его помощью анализируют, расчленяют еще непознанные вещи и процессы, синтезируют их, в общем, осуществляют категоризацию. Понятие, достигнув известной разработки и полноты развития своего внутреннего содержания, снова используется как категория.

8. Обращение понятия в категорию. Такой процесс имеет место там, где понятие становится средством членения новых вещей, явлений и т. д. Так, согласно К. Марксу, различные способы применения средств производства

для образования продукта А. Смит представлял в ложном свете, поскольку он привносил совершенно не относящуюся сюда категорию прибыли [См.: 24, с. 227]. Здесь категория имеет преимущественно смысл понятия; привнесение его представляет в ложном свете образование продукта и роль различных частей капитала в данном образовании. Иначе говоря, некстати введенное понятие отрицательно влияет на категоризацию частей капитала. Понятие становится категорией, превращается в нее. В другом месте К. Маркс объясняет, что причиной всех бед, постигающих Смита в вопросе об образовании прибавочной стоимости, является категория дохода, поскольку Смит выводил стоимость из сложения различных видов дохода [См.: Там же, с. 430]. Здесь также повинны в ошибке не сама реальность и ее свойства или формы, а неверное понятие о них; последнее, как и в предыдущем случае, ведет к неправильному членению и изображению действительности (прибавочной стоимости).

Таким образом, понятие обращается в категорию, завязывает отношение с внешним миром и в своем движении к нему проходит в обратной последовательности все прослеженные нами раньше фазы. Поэтому познавательное движение, взятое с точки зрения функционирования в нем понятий и категорий, образует круговорот, в котором познание проходит через ряд фаз обращения категорий в понятия и наоборот. Категории, как и понятия, равным образом являются здесь исходным пунктом и результатом познания (исходным пунктом для одного цикла, результатом — для другого). Начало цикла — обнаружение новых явлений, его завершение — определенное понятие, которое в силу относительности познания обращается к вновь находимым вещам и таким образом начинает новый цикл. В указанном смысле всякое познание носит циклический характер. В такой науке, как политическая экономия, об истории и теории которой у нас преимущественно идет речь, каждый выдающийся мыслитель или школа — физиократы, Смит, Рикардо, Маркс — начинают новую стадию категоризации действительности, получают новые понятия о ней и т. д.

Итак, выделенные нами фазы развития таковы: установление категорий; нерасчлененное единство вещей и категорий; расчленение категорий — рубрик и вещей; установление отношений между ними (здесь, в свою очередь,

выделяются: номинация или разработка номенклатуры; категория как рубрика; категория как рубрика и понятие); нерасчлененное единство категорий и понятий; отношение вещей и процессов к понятиям; понятия в их имманентном содержании; обращение понятий в категории. Если до последнего пункта категории, проходя ряд фаз, постепенно становятся понятиями, то отсюда движение обращается. В дальнейшем описанные фазы познание проходит в обратной последовательности, развивая те возможности категоризации действительности, которые заложены в содержании понятий. Все движение совершается в циклической форме, направлено сначала от категорий как объективных определенностей к категориям как рубрикам, через переплетенность рубрик и понятий — к собственно понятиям, в которые вобрана действительность, содержится в них. Это затем дает основание для более углубленного расчленения и синтезирования предметов познания.

Все движение совершается между двумя противостоящими точками или фазами — категорией, которая не является понятием, и понятием, не носящим категориального характера. Это как бы *два полюса*, между которыми происходит их развитие. *Средину* всего процесса образует нерасчлененное единство понятий и категорий, когда они используются как синонимы в силу невыделенности рубрицирующих и понятийных моментов знания.

Основанием, на котором происходит процесс обращения, является процесс познания. Он завершается понятием постигаемого предмета, но для его получения необходимо предварительно проделать расчленение, анализ, выделить составляющие стороны, части, формы предмета, проследить их внутренние связи, целостное изображение которых и даст понятие предмета. Можно было бы выразить это также таким образом, что в начале познания преобладает анализ вещей и процессов, затем — синтез, хотя в целом на протяжении всего процесса имеется единство того и другого. Преобладание же объясняется тем, что предмет в целом нельзя познать сразу, не выделив абстрактных определений, чтобы затем от них восходить к конкретному.

Само обращение основывается на общем различии категорий и понятий, в соответствии с которым для категорий характерна их функциональная обращенность к

внешнему, предметному миру. Но она не характерна для понятий, так как в них уже отражено содержание внешнего мира.

Иначе говоря, данное различие проводится в сфере гносеологического или субъект-объектного отношения мышления к действительности. Оно имеет место и в истории познания, поскольку последняя берется не только с ее результативной стороны, выражающейся в понятиях, но и со стороны процессуальной, в которой происходят становление, формирование понятий, а также складывание категориального строя духовной жизни людей. В общем виде такое развитие осуществляется в ходе исследования объективного мира и независимо от того, будет ли оно взято в индивидуальной или исторической форме. К. Маркс отличает его от изложения добытого знания, в котором воспроизводится логика предмета — самодвижение его как целого с его существенными связями и опосредованиями. В логике (то ли конкретного предмета, например капитала, то ли в логике как философской науке) соотношения категорий и понятий вследствие особенностей этого вида знания должны быть иными по своему харантеру, что, разумеется, не исключает возможности совпадения разных указанных соотношений в определенных пунктах.

Таким образом, проанализированное нами соотношение категорий и понятий является только одной из его возможных форм — гносеологической. От нее отличается логическое их соотношение, к рассмотрению которого на материале «Капитала» и в свете некоторых фактов истории философии мы переходим.

Категории и понятия в системе знания

Как и познание иных явлений объективной действительности, познание экономических отношений состоит прежде всего в их анализе, расчленении, категоризации. Различные отношения, свойства, составные части капитала подводятся под разные категории, относятся к ним или распределяются между ними.

Такое подведение, отношение характерны для того этапа познания экономических явлений, который К. Маркс называл исследованием: предмет еще полностью не по-

знаний, противостоит в силу этого мышлению и другим познавательным способностям; требуется прежде всего выявить его определенности, разнести их по рубрикам и т. д. На первом плане здесь — адекватное разграничение, деление предмета. К. Маркс, исследуя историю экономической науки, указывал, что буржуазная политическая экономия инстинктивно сохраняла смитовское смешение категорий «постоянный капитал» и «переменный капитал» с категориями «основной капитал» и «оборотный капитал» [См.: 24, с. 247, 178, 188]. Это касается и других категорий, отражающих иные стороны капиталистического способа производства.

Следует отметить, что существует не только смитовское (политико-экономическое) смешение категорий, но и смешение категорий философских. Так, нередко качество определяется как существенное свойство, бытие — как существование, бытие для другого — как «бытие для людей», действительность — как то, что есть, и т. д. Разграничение категорий имеет важное значение для понимания развития.

Так, по мысли В. И. Шинкарука, «каждая общественно-экономическая формация проходит ряд качественных стадий (фаз) развития. Она постольку *развивается*, поскольку претерпевает *количественно-качественные* изменения, но она вместе с тем может развиваться как данная общественно-экономическая формация, лишь оставаясь по своей *сущности* одной и той же (если бы она стала другой, то ее развитие было бы развитием другой формации)» [1964, с. 237]. Вследствие этого познание общественно-экономических формаций или других явлений объективной действительности предполагает осознание строгой определенности данных категорий.

Гегель в свое время провел четкое различие между категориями бытия, существования и действительности, их ролью в ходе познавательного процесса [См.: 1974, с. 287, 313], и это был несомненный прогресс. Вообще следует отметить, что категории вследствие своей соотносительности, функционирования в едином массовом (обыденном) сознании легко смешиваются и задача специального их исследования состоит прежде всего в том, чтобы добиться ясности и определенности в понимании содержания каждой из них, а затем уже раскрыть их переходы и функционирование в более широком целом. На

данную сторону обращал большое внимание К. Маркс, о чем свидетельствуют все его исследования категориального строя капиталистической общественно-экономической формации. По сути ни одна категория не осталась в том виде, в каком застал их К. Маркс: одни были полностью преобразованы, другие уточнены.

Пределом такого рода исследовательской работы является составление полного *каталога категорий*, своеобразной классификационной системы, в которой данный предмет подвергнут скрупулезному анализу, а все его различные определенности распределены по разным рубрикам или категориям. Это еще не теоретическая система, ибо для последней характерно выяснение существенных, закономерных связей, тогда как в классификации преобладает аналитическое расчленение предмета. Ему соответствует скорее таблица категорий или их словарь. Разграничительная функция категорий сохраняется и в теоретической системе, представляющей собой изложение добытого знания, логическое воспроизведение предмета.

Но это один аспект вопроса. Другой, не менее важный, состоит в выяснении связей и соотношений категорий. В буржуазной политической экономии содержание многих категорий было выяснено довольно поверхностно вследствие того, что не были открыты их подлинные связи. Отчасти социально-исторические, отчасти теоретико-познавательные установки вели к тому, что недостаточно глубоко вскрывалась соотносительная рефлексивная природа экономических категорий. Так, деньги до Маркса рассматривались вне товара, и только он объяснил их происхождение; капитал отождествлялся с вещами, в то время как он выступает существенным общественным отношением.

Недостаток рефлексии характерен для аналитической стадии познания, когда выделяются отдельные абстракции из целого. Мышление исходит из таких определенностей (категорий) и затем находит их переходы и отражения друг в друге. Через данные переходы и отражения оно постигает объект в его единстве или целостности. Однако последняя отлична от категориальных определенностей. К. Маркс исследует товар, деньги, капитал, их различные формы и движения. Это — категории капиталистического способа производства, но не сам капитал. В капитале все определенности взаимопроникают, продолжаются друг в

друго. «Капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии, процесс, который, в свою очередь, заключает в себе три различные формы процесса кругооборота» [24, с. 121].

Товарная, денежная, производительная стадии — это формы, стадии его движения. Сам же он есть движение, в котором определенная сумма стоимости не только сохраняется, но и увеличивается. Подчинив себе товарное и денежное обращение, он находится уже не вне их (таков он был в начале своей истории), а в них и через них. Товар стал всеобщей формой, поскольку рабочая сила стала товаром. Он подымает до всеобщности товарное производство, поскольку товаром стала рабочая сила. Деньги теперь могут все купить, даже саму способность создавать стоимость, воплощением которой являются деньги. Они, таким образом, в акте купли-продажи относятся не к иному, а к себе.

Если раньше деньги и товар были особенными формами стоимости, а стоимость — чем-то общим в них, то теперь стоимость покупает стоимость, возрастающую по величине, сам источник стоимости, источник данной общности стал их достоянием. Они тоже всеобщи. Капитал же всеобщ как сила, подчиняющая себе товарно-денежное производство. Но он не может существовать, если денежный, товарный, производительный капиталы стоят рядом. Только движение, метаморфозы делают его капиталом. Иначе говоря, он всеобщ и существует постольку, поскольку принимает и сбрасывает особенные формы в процессе своего функционирования. Во всех таких формах он является тем же — капиталом, единым, сплавляющим эти формы в целостность, единичностью капитала.

Таким образом, капитал как всеобщее отличен от особенных форм, ибо он протекает в них, принимает их и сбрасывает. Но он не существует вне и без них. Их движение есть его бытие как общего, то, что К. Маркс называет абстракцией in actu. Понять капитал можно только как движение, составляющее его понятие.

Итак, можно сделать вывод, что *понятие есть синтез категорий.* Это соотношение характерно для теоретической системы знания, которая строится способом восхождения от абстрактного к конкретному. Абстракциями, от которых здесь постоянно совершается движение, выступают отдельные категории. Целью же восхождения явля-

ется стремление понять тот или иной предмет (особый на определенном этапе изложения), составить о нем понятие. Чтобы получить отчетливое представление о специфике рассматриваемого соотношения категорий и понятий, сравним его с соотношением, доминирующим в процессе исследования. Если в гносеологическом отношении к многообразию внешних вещей, объектов, деятельностей категории выполняют роль средства их разграничения и синтезирования, то в теоретическом исследовании они становятся самостоятельным предметом изучения, «критикой экономических категорий», а указанная их функция выступает в новой форме — как строгое отличение и соотношение категорий друг с другом. Они членят не многие вещи, рассматриваемые со стороны объективности, а некоторое целое, единую предметную область — капиталистический способ производства.

В предыдущем отношении некоторое множество вещей подводилось под определенную категорию. Однако подведение или членение, рубрикация действительности не были самоцелью, как вообще не является таковой исследовательская деятельность. Она — лишь средство для целостного постижения предмета. Поэтому место категорий в познавательном процессе качественно изменяется при переходе к данному постижению. Если в гносеологическом, исследовательском отношении множество вещей подводится под одну категорию, то теперь определенное множество категорий синтезируется в одном понятии. Отношение единства и множества, вообще характерное, как мы видели, для категориального познания мира, оборачивается; оно является следствием обращения целей и средств познания. Анализ вещей, выделение в них тех или иных признаков и фиксация их в категориях являются только промежуточной целью; она определяет протекание эмпирического познания и затем, в свою очередь, снимается, оказывается средством для конечной цели, постижения действительности в форме понятия.

Проведенное различие функций категорий на разных этапах познавательного процесса не означает, что между ними существует абсолютная грань. Поскольку теоретическая система знания такого рода, как «Капитал» К. Маркса, строится не чисто дедуктивным образом, а основывается, по характеристике В. И. Ленина, на единстве дедукции и индукции. [См.: 29, с. 302], обращенность ка-

тегориального строя знания во внешний мир, к вещам и деятельностям сохраняется и присутствует во многих пунктах изложения предмета, например при обсуждении категорий постоянного и переменного, основного и оборотного капитала, при анализе ренты и ее видов и т. д. Кроме того, К. Маркс почти по всем обсуждаемым категориям совершает исторические экскурсы то ли в развернутом виде, то ли в виде примечаний или кратких упоминаний в тексте. Например, выше мы приводили положение о смитовском смешении категорий основного и других видов капитала. Поэтому индуктивные выходы категорий сохраняются и здесь, хотя ограничиваются дедуктивной связью и в целом подчиняются ей.

Различие категорий и понятий в плане дедуктивного движения знания выражается в особой роли времени в каждой из данных форм познания. Дело в том, что сначала товар отделен от капитала (товарное производство существует до капиталистического) и деньги исторически, во времени, также предшествуют ему как особые по сравнению с ним категории — определенности общественного производства и обращения. Но в понятии капитала их отделенность от него снята. То, что было определенной категорией вещей и отношений наряду и до капитала, стало в его понятии особенной формой единой субстанции.

Здесь очевидно отличие категорий «товар», «деньги», «капитал» от понятия капитала. Видна также важность исторического момента для понимания этих категорий, а именно их временное предшествование друг другу. Оно свидетельствует о том, что последовательность категорий определяется предметом научного познания.

Но существенное значение имеет и сам познавательный процесс. Хотя в понятийном постижении временное предшествование категорий снимается, осмысление предмета дается не мгновенно действующей интуицией, а последовательным изложением знания о нем, в котором с чего-то следует начать, проанализировать различные его стороны или моменты, чтобы получить целостную картину предмета. Таким образом, следование одного за другим сохраняется. В то же время все моменты в понятии капитала (как и других понятий) должны быть схвачены одновременно. Этому противоречивому, а потому проблематичному требованию удовлетворяет форма

кругового движения знания, отражающая аналогичную форму предмета. Дело в том, что в круге предшествующее и последующее меняются местами. В понятийном воспроизведении кругооборота капитала, как оно описывается К. Марксом, также есть «три фигуры процесса кругооборота»: I) *Д — Т... П ... Т′ — Д;* II) *П ... обращение... П*; III) *Обращение ... П (Т′)* [См.: 24, с. 115]. «Для всех трех кругооборотов,— пишет К. Маркс,— общим является следующее: увеличение стоимости как определяющая цель, как движущий мотив. В I это выражено в самой форме. Форма II начинается с *П*, с самого процесса увеличения стоимости. В форме III кругооборот начинается с возросшей стоимости и заканчивается вновь возросшей стоимостью, даже если движение повторяется в прежнем масштабе» [Там же].

О том, что здесь историческое предшествование категорий снимается, видно уже из того, что К. Маркс начинает исследование с формы I, с денежного капитала, а не товарного или производительного. Капиталист покупает средства производства и рабочую силу, потребляет их, продает товар — таково циклическое, все время повторяющееся, опосредуемое деньгами движение.

Далее К. Маркс показывает, что действительный капитал в своей непрерывности, капитал как целое находится одновременно во всех трех формах кругооборота. Это возможно благодаря делению капитала, так что одна его часть находится в одной фазе, другая — в другой и т. д. «Следовательно,— заключает он свой анализ,— капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом одна с другой. Но каждая часть постоянно переходит по очереди из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и таким путем поочередно функционирует во всех формах. Таким образом эти формы суть текучие формы, одновременность которых опосредствуется их последовательностью. Каждая форма следует за другой и предшествует другой, так что возвращение одной части капитала к одной форме обусловлено возвращением другой части к другой форме» [24, с. 120].

Сказанное позволяет сделать общий вывод о том, что историческое, временное предшествование категорий в соответствии с функционированием капитала становится относительным и сворачивается в круг. Поэтому можно

начинать с любой фазы или формы кругооборота, поскольку капитал как целое одновременно протекает во всех своих кругооборотах и все их фазы даны сразу, одновременно, пространственно. *Историческое время сменяется круговым движением, а последнее опосредствует пространственную рядоположность.*

С данным обстоятельством связано наличие в «Капитале» нескольких различных систем категорий. Прежде всего это линейная их последовательность, связанная с такими фундаментальными категориями буржуазной политической экономии, как товар, деньги, капитал, и именно с тем фактом, что отражаемые в них отношения исторически появляются не одновременно. Кроме того, это круговая система тех же категорий; поскольку капитал постоянно циркулирует, совершает кругообороты, последовательно принимая функциональные или текучие формы, то же кругообороты совершают в отраженной, идеальной сфере соответствующие данным моментам категории. Наконец, существует пространственная рядоположность категорий, поскольку капитал как целое находится одновременно в своих различных фазах или функциональных формах, пространственно расположенных одна рядом с другой. Хотя части капитала, находящиеся в той или иной фазе, постоянно меняются, но вместо одной части притекают другие и капитал застывает структурно, что отражается в структуре категорий, соответствующих этим фазам и их связям.

В эволюции исследовательской деятельности К. Маркса сначала на первый план выдвинулась именно линейная последовательность категорий (если иметь в виду весь план его работы). В первом, черновом, варианте «Капитала» (экономической рукописи 1857—1858 годов, носившей название «Критика политической экономии») было две главы, причем он сразу открывался главой о деньгах, перед которой стояла римская цифра II. Глава первая должна была быть еще написана, и К. Маркс тогда намеревался дать ей название «Стоимость». В работе «К критике политической экономии» (1859) она уже называется «Товар». Третья глава носила заглавие «Глава о капитале»; в ней были исследованы основные вопросы, связанные с производством и обращением капитала. В этом первоначальном плане основные категории политической экономии капитализма стоят рядом как

равноправные и разрабатываются каждая в особой главе. В заглавии всей рукописи не выделяется никакая из указанных категорий. Но уже в оглавлении работы «К критике политической экономии» дело обстоит несколько иначе. Вся работа делится на несколько книг. Книга первая называется «О капитале». Она, в свою очередь, членится на отделы, первый из которых носит название «Капитал вообще»; предметом исследования первой и второй глав этого отдела выступают соответственно товар и деньги, или простое обращение. Последние уже и формально, согласно структуре плана, подчинены капиталу, начинающему выступать как целое, по отношению к которому они становятся моментами. Обрисовывается их четкая субординация в отношении к капиталу. В данном аспекте интересно отметить, что первоначально третья глава рукописи 1857—1858 годов называлась «Глава о деньгах как капитале» [См.: 46, ч. 1, с. 524]. Капитал здесь выступает как бы атрибутом денежной субстанции, тогда как дальнейший ход исследования обернул отношение, капитал относительно товара и денег выдвинулся на первый план.

Но линейный характер категорий в плане 1859 г., фрагмент которого представлен в работе «К критике политической экономии», еще сохраняется. По-прежнему вся работа называется «Критика политической экономии», и только первая книга ее получила заголовок «О капитале». За нею должны были последовать книги «О земельной собственности», «О труде» и т. д. В таком аспекте категория капитала стояла рядом с категориями земельной собственности и труда, на одной линии с ними.

Однако при исследовании обнаруживалось, что обе формы в условиях капитализма подчинены капиталу как господствующему производственному отношению. Поэтому в окончательном виде все произведение К. Маркса получило название «Капитал», внутри которого деление на книги относилось уже к отдельным сторонам капитала; земельная собственность исследовалась в разделах о ренте, а труд предстал как противоположность капитала, которая проходит через весь Марксов труд. Аналогично главы о товаре и деньгах также включаются в него в виде первых глав, необходимых постольку, поскольку капитализм невозможен без товарного производства и денежного обращения. Первые две из основных категорий

перестают быть рядоположными с капиталом и выступают как подчиненные его моменты. Происходит смена акцента исследования: ярко выраженная историческая, временная или линейная последовательность категорий, сохраняя свое определенное значение, подчиняется или снимается в логическом исследовании категориальной структуры «капитала вообще», куда входит почти весь материал, изложенный в трех томах труда К. Маркса.

В процессе разработки К. Марксом теории капитала можно также обнаружить следы различия круговой и структурной систем категорий. Так, черновой вариант первого тома «Капитала», написанный в 1863—1864 гг., завершался главой под названием «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства», в первом разделе которой — «Товар как продукт капитала» — товар рассматривается Марксом в качестве результата исследуемого способа производства. Таким образом, исследование в первом томе начиналось с товара как исходного пункта и завершалось им. Оно совершало круг, как бы возвращалось к исходному пункту, хотя и на качественно иной основе, поскольку вначале товар рассматривался просто носителем стоимости, а в конце — воплощением прибавочной стоимости.

Однако круговое движение капитала и выражающих его категорий подчиняется сохраняющимся отношениям, которые образуют остов исследуемого предмета. В третьем разделе шестой главы К. Маркс исследует «производство и воспроизводство специфически капиталистического производственного отношения» [49, с. 114 и далее]. Это отношение в целом и все его существенные элементы воспроизводятся вновь и вновь, так что капитал выступает *сохраняющейся во времени структурой*, которая отражается в соответствующей структуре категорий.

С другой стороны, такая структура (как реальная, так и отраженная) не распадается, ибо капитал постоянно переходит из одной текучей формы в другую, третью и т. д., а также потому, что постоянно совершается процесс его производства и обращения. Этот же процесс совершается в форме кругооборотов, которым соответствуют круговые системы категорий. Если взять какой-либо из указанных кругооборотов изолированно, то мы получим круговые системы категорий капитала в чистом виде. Но в сложном переплетении различных его форм

они теряют самостоятельность, становятся аспектом или стороной капитала как целого, другой стороной или аспектом которого являются структурная фиксированность и устойчивость. Последняя нарушается в условиях кризисов и разрушается в революциях, когда невозможны процессы производства и обращения.

Таким образом, круговые и структурные связи категорий выражают не два самостоятельных явления, а две стороны одного и того же капитала, который постоянно совершает процесс обращения и в силу этого постоянства предстает как сохраняющееся общественное отношение.

Для понимания рассматриваемого нами вопроса о соотношении категорий и понятий особенно важным является факт, что капитал как целое делится не на те категории, из синтеза которых возникает его понятие. Здесь нужно, учитывая специфику предмета исследования, различать политико-экономический и логический аспекты. Относительно первого в начале третьего тома «Капитала» К. Маркс пишет: «Что касается того, о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*. В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид [Gestalt] капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступает лишь в качестве особых моментов» [25, ч. 1, с. 29].

Действительно, если основные категории Марксова труда — товар, деньги и собственно капитал,— то последний в его единстве рассматривается в третьем томе; деление этого понятия есть не возврат к указанным категориям, а некие новые видообразования — прибыль, земельная рента, процент и т. д.

Не менее важна логическая сторона расчленения. Как мы уже отмечали, К. Маркс делил исследование о «капитале вообще» на всеобщность, особенность и единичность [См.: 46, ч. 1, с. 226], используя при этом конституирующие моменты понятия. Это значит, что «капитал вообще» у него — не одна из категорий, а весь предмет в целом; более того, он вовсе не категория, а понятие определенного предмета, которое излагается в наиболее адекватной

форме его существования — теоретической системе. Это не значит, что в понятие не входят категории. Но они носят двоякий характер. Во-первых, чтобы получить понятие капитала, необходимо осмыслить, как видно из работы К. Маркса, категории товара, денег и собственно капитала — стоимости, производящей прибавочную стоимость. Данное понятие содержит названные категории в качестве моментов; если разложить его на эти моменты, то мы вернемся к началу, разрушим уже полученное понятие. Его деление означает выделение в нем таких видов (видоизменений), в которых понятие сохранилось бы. Такими видами являются прибыль, рента и т. д. В логическом плане деление дает виды понятий — всеобщее, особенное и единичное. Последние являются, очевидно, особого рода категориями, как особый характер носит прибыль или рента по сравнению с товаром или деньгами. Этот важный факт зафиксирован в структурных особенностях Марксова труда, который в рассматриваемом плане уместно сравнить с «Наукой логики» Гегеля.

В первой книге — «Учении о бытии» — Гегель исследует категории, во второй — «Учении о сущности» — рефлексивные определения, в третьей — понятие в системе его моментов и их соотношений. По мнению Гегеля, понятие возникает как третье по отношению к бытию и сущности. Хотя оно содержит их в себе в снятом виде, моментами понятия являются не категории качества и т. д. и не определения рефлексии (например, тождество, различие и т. п.), а специфические определенности — всеобщность, особенность и единичность. Понятие всегда выступает единством указанных моментов, но доминирование одного из них дает соответствующие его (понятия) виды. Поэтому всеобщность как категория вообще не тождественна с всеобщим понятием, ибо первая берется изолированно от особенного и единичного, а понятие содержит их в себе нераздельно.

Сходство «Капитала» К. Маркса с «Наукой логики» Гегеля, по-видимому, не сводится только к аналогии. Оно имеет более глубокое основание, а именно то, что Гегель строил свою логику, пользуясь принципами диалектики, хотя и трактуемой идеалистически. Применяя метод восхождения от абстрактного к конкретному, он неизбежно должен был начинать с разрозненных, абстрактных категорий и лишь постепенно воссоздавать в мышлении

целостную действительность, вырабатывать конкретное понятие о ней. При этом в качестве промежуточных логических форм неизбежно выступили так называемые рефлексивные определения, в которых не только скрыто, в себе содержится, но и положена, выявлена соотносительность определений мысли.

К. Маркс в материалистически переработанном виде применил метод восхождения в «Капитале». Обычно при анализе любого экономического отношения он начинает с выделения в нем основных категорий, а затем исследует их связи. Так обнаруживается двойственный характер труда, производящего товар; анализ товара начинается с выделения в нем потребительной и меновой стоимости; прибавочная стоимость выступает в двух формах — абсолютной и относительной. Исследуя отношение выделенных сторон товара, К. Маркс вскрывает два полюса выражения стоимости: относительную и эквивалентную формы стоимости; анализ форм стоимости состоит в изучении их различных соотношений (от простой формы стоимости до денежной), причем при данном анализе вскрывается важная закономерность — *развитие полярности* между относительным и эквивалентным выражением стоимости [См.: 49, с. 139—155]. Аналогично после теоретического воспроизведения абсолютной и относительной форм прибавочной стоимости К. Маркс описывает их связи, поскольку они в процессе производства выступают одновременно [См.: 47, с. 584 и далее]. Восхождение от абстрактных категорий к их синтетическому пониманию является общим методом всего «Капитала» в силу того, что К. Маркс сначала исследует отдельно две основные стороны — процессы производства и обращения капитала,— а затем описывает процесс капиталистического производства в целом.

Важно при этом отметить, что при всем многообразии описанных К. Марксом связей экономических категорий с логической точки зрения они сводятся к нескольким типам.

Во-первых, это *переходы*, связи, соединяющие на первый взгляд генетически не связанные между собой явления. Такова система переходов между различными формами стоимости (простой, полной, или развернутой, всеобщей и денежной), позволившая К. Марксу впервые

в истории политической экономии доказать, что деньги происходят из обмена товаров.

Во-вторых, это всевозможные *превращения,* в которых также возникает нечто новое, но при определенных условиях, не заключенных в превращающихся экономических явлениях. Так, превращение всеобщей относительной формы стоимости в цену уже предполагает функционирование некоторого товара в качестве денег; превращение денег в капитал предполагает существование рабочей силы и т. п.

В-третьих, существенной формой связи категорий у К. Маркса является *развитие.* Так, он подробно критикует рикардовский метод непосредственного сопоставления более развитых категорий с законом стоимости как основой политической экономии и требует вместо этого развивать одни категории из других. В чем особенность развития? С одной стороны, оно родственно с переходом, поскольку здесь также необходимо находить посредствующие звенья между различными категориями. С другой стороны, развитие предполагает внешние факторы; например, чтобы развить среднюю прибыль и ренту из прибавочной стоимости, необходимы соответствующие условия: конкуренция капиталов и существование частной собственности на землю и т. д. Но развитие имеет помимо этого и специфический оттенок. К. Маркс пользуется им преимущественно по отношению к тем категориям, которые в истории политической экономии казались очень близкими друг к другу и нередко отождествлялись. Так, физиократы отождествляли прибавочную стоимость с рентой, а Рикардо и Смит — с прибылью. Если товар и деньги полностью отделялись друг от друга и задача К. Маркса состояла в том, чтобы показать их генетическое родство, то здесь, наоборот, необходимо было расторгнуть кажущиеся тождественными категории, вставить между ними средние звенья и таким образом показать, как из прибавочной стоимости развивается прибыль, рента в ее различных формах.

Родство указанных форм связей обнаруживается в том, что К. Маркс употребляет в одних текстах один термин, в других — другой. В «Теориях прибавочной стоимости» (в связи с критикой Рикардо) преобладает термин «развитие», в третьем томе «Капитала» в положительном изложении тех же категорий — термин «пре-

вращение». Но, с другой стороны, во французском издании «Капитала» термину «развитие» придано общее значение тем, что первый том имеет название «Развитие капиталистического производства» [См.: 49, с. 167]. Это естественно вытекает из природы диалектико-материалистического метода К. Маркса.

Переход, превращение, развитие сходны в том, что каждая из данных форм связей соединяет две какие-либо категории введением посредствующих звеньев между ними. В отличие от них рефлексивная форма связи таких звеньев не предполагает, в ней категории прямо соотносятся друг с другом. Таковы относительная и эквивалентная формы стоимости, абсолютная и относительная прибавочная стоимость, абсолютная и относительная (дифференциальная) ренты, постоянный и переменный капитал и т. д. Для нахождения их соотношений не требуется вставлять между ними новые категории. Вместо них здесь налицо само соотношение, опосредование.

Все описанные формы связи, синтезируя определенные категории, дают соответствующие понятия. Так, чтобы получить понятие денег, необходимо исследовать, как и в каких формах происходит переход от простой формы стоимости к денежной; чтобы получить понятие капитала, следует показать, как деньги превращаются при наличии рабочей силы в стоимость, создающую прибавочную стоимость; проследив же, каким образом из прибавочной стоимости развивается прибыль или рента, мы получим понятие этих категорий.

Учитывая, что все четыре выделенные нами формы связи имеют одну цель — обнаружение связей между категориями, установление их соотносительности, можно в расширительном смысле слова все указанные формы рассматривать как формы рефлексивности или соотносительности категорий. Тогда общая последовательность хода мысли будет трехступенчатой: от категорий через формы рефлексии к понятиям. Она дает общую логику предмета. Но применительно к конкретному предмету, каким является капитал, она не означает, что сначала выделяются и излагаются все категории, затем — все средства рефлексии и, наконец,— понятия. Выше мы видели, что общее понятие — «капитал вообще» — дифференцируется на совокупность, систему особенных понятий. Достижению каждого из них, его логической вы-

работке предшествуют свои категории и рефлексии. Поэтому данная последовательность (категории — рефлексии — понятия) повторяется столько раз, сколько есть понятий в системе «Капитала». К. Маркс систематически использует термин «категория» там, где надо расчленить запутанный экономистами (да и сам по себе сложный и трудный для понимания) предмет. «Виды», «рубрики», «категории» — рабочие термины для такого отчленения определенностей капитала друг от друга. Но затем, вычленив и отчленив их, К. Маркс переходит к выявлению их соотносительности и, наконец, к постижению их как особых моментов целого — к понятию.

Таким образом, вследствие того что общее понятие раскрывается через систему особенных понятий, последовательность категорий, рефлексивных определенностей и самих понятий становится относительной: каждый особенный предмет расчленяется на категории, исследуются их переходы, превращения, вообще связи и, наконец, получается особенное понятие.

Здесь очевидна *закономерность*, вытекающая из различия логики как философской науки и логики конкретного предмета, в данном случае капитала. В «Науке логики» Гегеля указанные формы мысли исследуются раздельно, соответственно в учении о бытии, о сущности, о понятии. В «Капитале» же эта последовательность повторяется многократно, столько раз, сколько сторон и отношений у данного конкретного предмета. Чтобы получить понятие товара, К. Маркс вычленяет в нем противоположность потребительной и меновой стоимости, фиксирует их в виде особых категорий, а затем изучает их соотношение и связи. Но это понятие, в свою очередь, является категорией «товар» наряду и в отличие от категории «деньги». Понятие последних получается посредством уяснения их происхождения из товара и их функций. Однако данное понятие также есть категория в отличие от категорий «товар» и «капитал» и т. д.

Это отношение распространяется, по-видимому, на «Капитал» в целом: учитывая функциональное различие указанных форм мысли, можно сказать, что весь труд представляет систему экономических категорий, дающих в их связях, реализуемых совокупностью всех форм рефлексии, развернутое понятие капитала. Поскольку последнее представляет собой конечную цель всех иссле-

дований К. Маркса, на этом высшем уровне — уровне целого — относительность рассматриваемых форм мысли снимается и выступает в обобщенном виде их *субординация*. В ней совокупность всех категорий является средством познания, понятие капитала — его целью, синтезом категорий.

Таким образом, рассмотренные нами формы соотношения понятий и категорий позволяют выявить некоторые новые аспекты в самих категориях как формах познавательной деятельности.

Категории как формы мышления

Положение о том, что категории являются формами мышления, имеет давнюю историко-философскую традицию. В явном виде оно сформулировано уже Кантом. В «Критике чистого разума», исследуя применение категорий к предметам чувств, он называет рассудочные понятия «формами мысли»; их функция состоит в синтезировании чувственных данных, через которые они приобретают объективность [См.: 1964, с. 203, 204]. Термин «форма мышления» по отношению к категориям применял также Гегель [См.: 1970, с. 84, 415]; первые две книги его «Науки логики» являются учением о категориях разных типов, тогда как третья книга — «Учение о понятии» — посвящена диалектическому анализу тех форм мышления (понятий, суждений и умозаключений), которые изучала формальная логика.

Это представление о категориях в материалистически преобразованном виде было развито основоположниками марксизма-ленинизма. Так, Ф. Энгельс считал изучение «*форм* мышления, логических категорий» очень благодарной и необходимой задачей и указывал, что «за систематическое разрешение этой задачи взялся после Аристотеля только Гегель» [20, с. 555].

Определенную работу в данном направлении проделали философы-марксисты; в их работах сам термин встречается довольно часто. Можно указать в этой связи на работу В. И. Шинкарука «Категории как формы мышления и их методологическая функция» [1978], на «Очерки по диалектическому материализму» [1977], в которых данный предмет обсуждается рядом авторов, например о нем специально пишут А. П. Шептулин в разделе

«Объективная и субъективная диалектика» [См.: Там же, с. 120—121], И. Д. Андреев [См.: Там же, с. 228], освещая проблему и в параграфе «Категории диалектики как формы мышления» [См.: Там же, с. 238—242].

Таким образом, философские исследования свидетельствуют о том, что изучение категорий в качестве форм мышления является одной из устойчивых тенденций или проблем.

С другой стороны, при освещении различия формальной и диалектической логик неоднократно указывалось на то, что первая изучает пустые формы мысли, вторая же содержательна; ее содержанием выступают категории. В этом плане последние являются скорее содержательной, чем формальной, стороной.

Двойственность в осмыслении категорий ставит проблему о том, что представляют собой категории как формы мышления. Обзор литературы по данному вопросу показывает, что термин «форма мышления» употребляется весьма условно и в основном на уровне интуиции, без четкого расчленения его смысла. «Категории» в качестве таких форм остаются весьма неопределенными образованиями, напоминающими «понятия». Мы уже указывали на кажущуюся очевидность какого-либо суждения или умозаключения как форм мысли. Тем более расплывчато «понятие»; требуются специальные усилия, чтобы обнажить его формальную сторону. Это не только аналогия. Если учесть, что категории часто определяются как понятия (правда, всеобщие и необходимые), то можно обнаружить более тесное родство между разработкой теории категорий и теории понятий в рассматриваемом отношении. Поэтому мы прежде всего обратим внимание на смысл термина «форма мышления» применительно к категориям.

Если обобщить возможное понимание указанного смысла, то следует выделить, на наш взгляд, пять аспектов в понимании категорий как форм мышления. С данной целью надо рассмотреть несколько различных отношений.

Во первых, это — отношение категорий к понятиям, суждениям и умозаключениям. Мы уже отмечали, что в теоретической системе знания понятие в целом есть синтез категорий, а если иметь в виду чисто логический аспект,— то синтез всеобщего, особенного и единич-

ного. Здесь категории являются содержанием, элементы которого связываются в целое, сам же синтез выступает формой. Аналогичен процесс и в суждении. Если взять в категориальном аспекте какое-либо суждение, скажем, «единичное есть общее», то оно также будет связью двух категорий. Это распространяется и на умозаключение, состоящее из связи суждений.

Таким образом, по отношению ко всем формам мышления, которые изучались традиционной логикой, мы видим одно и то же: понятие, суждение, умозаключение, каждое особенным образом есть связь категорий. Все они — формы (определенные виды синтеза), а категории — то содержание, которое синтезируется.

Во-вторых, в отношении категорий к эмпирическому содержанию, в познании тех или иных вещей, явлений, событий они предстают как *формы* их *синтеза* (в таком аспекте изучал их Кант) или как средства определения и нахождения *предметных отношений* (о такой их функции писал Гегель) [См.: 1970, с. 85]. Здесь категории выступают не содержанием, а формой познавательного процесса. В этом пункте их можно определить как формы познания, а не только мышления, ибо для познания помимо мышления необходима и такая познавательная способность, как созерцание посредством неё для сознания человека дается объект. Более того, если учесть, что человек познает не только единичные, но и атрибутивные свойства и отношения, всегда и везде присущие материи, то категории выступают как формы созерцания, ибо кроме них у человека нет духовных средств, при помощи которых он мог бы воспринять эти атрибуты.

В-третьих, изучение категорий есть «задача диалектической логики» [Шинкарук, 1978, с. 252]. Они составляют предмет или содержание этой науки. Формой их связей являются законы или принципы диалектики, вследствие чего она и называется диалектической логикой. В таком плане наиболее рельефно виден смысл выражения *«диалектика как логика»*. Именно она дает форму для исследования и изложения категориального содержания, его движения и развития.

Таким образом, категории в одних отношениях выступают содержанием, в других — формой. На эту их *относительность* указал Гегель. В суждении «единичное есть всеобщее» категории образуют *чисто логическое*

содержание, но его можно называть и формой, «а под содержанием понимать только прочее эмпирическое наполнение [суждения]» [Гегель, 1972, с. 74—75]. Так, в суждении «роза красна» субъект есть единичное, а предикат — общее, ибо красный цвет присущ не только розе.

Однако, в-четвертых, являются ли категории вне этих отношений формами, а не только содержанием? Ответ на данный вопрос зависит от того, что понимать под формой. Согласно Гегелю, «к форме принадлежит вообще все *определенное;* оно определение формы, поскольку оно нечто положенное и тем самым отличное от *того,* форму *чего* оно составляет» [1971, с. 75]. Положенное означает, что форма существует не самостоятельно, а как производимая или определяемая чем-то иным — основанием, сущностью, содержанием и т. д. С формой мы имеем дело там, где нечто качественно определено, отличается от другого нечто (вещи, события и т. д.) [См.: Там же, с. 76].

С этой точки зрения можно сказать, что категорий множество, они качественно отличаются друг от друга и в данном смысле — суть формы, отличные от того, что они оформляют, а именно от мышления. Оно — единое основание, которое существует во множестве таких форм. Говоря о категориях как формах мышления, мы интуитивно имеем в виду последнее как единое основание, содержащее в себе множество определенностей. Оно содержит их в себе, или, как отмечал Гегель, эта простая основа есть «удерживание формы» [Там же].

Наконец, в-пятых, возникает вопрос: является ли та или иная категория внутри себя самой формой? Положительный ответ на этот вопрос зависит от двух обстоятельств: от того, насколько, в какой мере категориальное мышление есть относительно самостоятельное явление; от того, до какой степени взятые в своей самостоятельности категории способны к внутреннему расчленению.

Что касается первого обстоятельства, то самостоятельность категорий предполагает их отвлечение или отчленение от целого ряда зависимостей. Так, историко-философский опыт показывает, что категории можно изучать независимо от эмпирических объектов, для познания которых они являются средствами. На данной возможности основываются попытки строить системы категорий. В наибольшей мере это нашло выражение в системах немецкой классической философии, особенно в логике Ге-

геля. Да и сейчас построение диалектической логики предполагает специальный анализ категорий в связях и переходах их собственного внутреннего содержания, а не нанизывание эмпирических фактов на абстрактные дефиниции тех или иных категорий. Здесь в общем никакой проблемы нет.

Значительно сложнее обстоит дело с отношением категорий к тем логическим формам, которые изучались традиционной логикой, а также с отношением их к языку. Именно такие отношения наиболее сложны для анализа. В то же время их уяснение необходимо для осмысления рассматриваемой проблемы. Поэтому на них мы остановимся подробней. При этом будем исходить из того, что самой элементарной логической формой является суждение (поскольку умозаключение составляется из суждений, а простейшая форма существования понятия — дефиниция — также выражается суждением).

Прежде всего отметим, что если Аристотель, описывая категории, называл их «словами, высказываемыми без всякой связи» (качество, отношение и т. д.), рассматривал их как термины, имеющие объективное содержание (сказывания о бытии, роды бытия и т. п.), то Кант исходил из суждения, ибо он обнаружил синтетическую функцию категорий. В каждом суждении заключена определенная категория, которая осуществляет синтез. Так, в суждении «S есть P» его осуществляет категория бытия («есть»), в суждении «S не есть P» — отрицание, в суждении «если S, то P» — категория условия и т. п.

Это был, несомненно, плодотворный подход: он одновременно открывал важнейшую функцию категорий в логическом рассуждении и давал определенный способ получения или открытия категорий. Недостатки его широко освещены в специальной литературе. Укажем один из них: Кант не заметил всех категорий, присутствующих и функционирующих в суждении. Например, если в суждении «S есть P» связка проста, неделима, то иначе обстоит дело в суждении «все S есть P». Поскольку «все» есть сумма единичных или особенных предметов, связка в этом суждении многократно повторена, носит характер общности. Таким образом, здесь не только категория бытия, но и категория общего выполняет синтетическую роль. Аналогично в суждении «некоторые S суть P» та-

кую роль играет «особенное» вместе с «бытием». Если субъектом является единичный предмет, например «Жучка есть собака», то в синтезе участвует и категория единичного и т. д.

Для того чтобы это выявить, надо было вскрыть категориальный слой субъекта и предиката. Иными словами, дальнейший шаг вперед от Канта состоял в том, чтобы обнажить категориальный смысл всех элементов суждения, открыть его не только как синтез субъекта и предиката, но и как определенный характер самих субъекта и предиката. Так, обнажив данный слой в суждении «Жучка есть собака», получим: «Единичное есть общее». Кроме того, Кант, ограничившись традиционной, весьма неполной классификацией суждений, многие из них оставил в стороне. Таковы, например, «суждения отношения». В суждении «Москва находится севернее Киева» синтез субъекта и предиката дает категория пространства, в суждении «античность предшествует феодализму» — категория времени, в суждении «Токио больше Нью-Йорка» — категория количества и т. д. Между тем пространство, время, количество и многие другие понятия у Канта не числятся среди категорий.

Диалектический анализ и субординация форм суждения и умозаключения у Гегеля исходит из этой предпосылки. Его учение о понятии является той же диалектикой категорий, что и в «объективной логике», однако в форме, характерной именно для суждений и умозаключений. Следует отметить, что и Гегель, давший категориальный анализ суждений, имел неполную их таблицу. Это одна из причин замечания В. И. Ленина по поводу гегелевского учения о понятии: «Или это *все же* дань старой, формальной логике? Да! И еще дань — дань мистицизму = идеализму» [29, с. 159].

Таким образом, под поверхностью языковой ткани скрывается ее категориальное содержание. Чтобы обнажить его, необходимо, во-первых, свести многообразие высказываний реального языка к типам суждений, дать их классификацию. Для этого следует конкретные имена (Иван, Жучка и т. д.) заменить знаками (S, P, и т. д.). Во-вторых, надо убрать пустые символы — знаки субъектов, предикатов, отношений, которые, хотя и обладают общностью по сравнению с конкретными именами, бессодержательны и скрывают категории, лежащие в их

основании. В общем, надо перейти от суждений типа «Жучка есть собака» к типу «*S* есть *P*», а от него — к «*E* есть *O*», в котором остались *одни категории.* Тогда язык предстанет в качестве *сети категорий или в качестве категориальных структур,* более или менее связанных друг с другом.

Поскольку традиционная логика рассматривала отношения между субъектами и предикатами как отношения между знаками (*S, P* и т. д.), то лежащие глубже категории оставались вне поля зрения. С другой стороны, хотя категории и проявлялись как формы связи терминов, пустота последних опустошала и эти формы, их категориальное содержание тоже не было предметом анализа формальной логики. В целом, хотя «различные виды суждения определяются именно всеобщими формами логической идеи» [Гегель, 1974, с. 355], категории выходят за рамки ее рассмотрения. Хотя никакое суждение не может быть высказано без категорий, лежащих в основании, они не входят в самую сущность тех форм мышления, которые изучала традиционная логика; несмотря на категориальный подтекст всех видов суждения, несмотря на то, что категории тут «работают», они есть нечто иное, чем данные формы, неадекватны им. Это становится совершенно очевидно, если на место абстрактных знаков *S, P* подставить конкретные. Суждение «Жучка есть собака» не вызывает возражений. Но подставим категории, которые вплетены во всю ткань языка («единичное есть общее»), и мы должны признать, что такое предложение просто неправильно. Ибо единичное и общее — разные вещи. Так же обстоит дело со всеми парными и непарными категориями.

Можно утверждать следующее: нельзя, исходя из формы суждения, составить ни единого сочетания категорий, которое давало бы адекватную им форму связи. О бытии (есть) уже сказано. Если мы приложим отрицание, то получим правильные суждения: «Качество не есть количество», «Явление не есть сущность» и т. д. Они просто отделяют категории друг от друга, а не синтезируют их, как в случае с «Жучкой» и «собакой». Категориальные связи нельзя отлить в формы традиционной логики, рассматривая категории как субъекты, предикаты и связки.

Прямое наложение этих форм на категории может

привести и часто приводит к недоразумениям. В качестве примера приведем известное определение закона. В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики», выписывает из нее следующее место: ***«Таким образом, закон есть существенное отношение»***, и комментирует: «Закон есть *отношение*. Сие *NB* для махистов и прочих агностиков и для кантианцев etc. Отношение *сущностей* или между сущностями» [29, с. 138]. Выписанные Лениным слова находятся в конце второй главы раздела «Явление» («Разложение явления»). В. И. Ленин отмечает: «И 3-ья глава (*«Существенное отношение»*) начинается положением: «Истина явления есть существенное отношение» [Там же].

Таким образом, В. И. Ленин указывает на *пограничный характер* определения, и это имеет важное значение. Между тем оно было вырвано из общей связи и начало фигурировать без контекста, что делает данное определение отчасти непонятным, отчасти просто неверным. Действительно, если закон — существенное отношение, то почему Гегель категорию закона исследует во второй главе раздела «Явление», а «существенное отношение» — в третьей главе? Текст показывает, следовательно, что закон и существенное отношение не находятся в отношении тождества, одно не есть другое.

С другой стороны, взятое вне контекста определение не соответствует фактам науки. Возьмем, например, закон падения $S = \frac{gt^2}{2}$, обоснованный Галилеем. Этот закон выражает отношение между пространством (S) и временем (t). Согласно принятой дефиниции закона, данное отношение носит существенный, необходимый характер, что указывает на необходимую, органическую связь друг с другом сторон (моментов) закона. Но, во-первых, в это отношение расстояние входит в первой степени, время — во второй. Спрашивается, почему? Мы напрасно стали бы искать в законе ответ на этот вопрос. Во-вторых, закон связывает пространство и время, но в чем необходимость такой связи? Закон приравнивает пространство и время, но равенство — внешнее, а не существенное отношение. И во времена Галилея или Ньютона пространство и время вовсе не мыслились как необходимо связанные друг с другом; наоборот, их считали самостоятельными «вместилищами вещей». То же касается всех

законов механики, и на этот их характер неоднократно указывал Гегель [См.: 1959, с. 82—84].

Наоборот, в главе «Существенное отношение» он рассматривал такие соотношения, как целого и частей, силы и ее проявления, внутреннего и внешнего, которые действительно нельзя отделить друг от друга по самому их понятию.

В чем же тогда смысл этой дефиниции? Как и другие категории, категорию закона Гегель рассматривал диалектически: он вычленял в ней ее различные стороны, переходил от одной к другой, показывал их связи. Вследствие этого закон выступал целостностью, единством многих определений — конкретным. Описав данную целостность, исчерпав ее в системе определений, он подошел к границе, пределу, в котором категория «закон» переходит в другую — «существенное отношение». Приведенное нами определение указывает именно, что первая из этих категорий *переходит* во вторую, отличную от нее, подобно тому как явление переходит в сущность, качество — в количество и т. д.

Значит, закон есть существенное отношение в той точке, где он перестает быть законом, связка «есть» выражает результат, а не сам процесс перехода. Это в том же смысле, как, например, в «Капитале» деньги есть товар, ибо деньги возникают из метаморфозы товаров. Но это не означает тождества товара и денег; капитал есть товар и деньги, ибо он из них вырастает, становится. Но для того чтобы выставить данные тождества, надо предварительно проделать исследование: расчленить товар и деньги, изучить отношения между выделенными их сторонами, показать их противоречия, движение и, в конце концов, переход в более высокую форму. Без исследования таких переходов данные тождества просто неправильны. С их учетом одна категория способна перейти в другую, даже противоположную.

Становятся понятными слова Ленина: «*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*,— при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга» [29, с. 98]. В другом месте, определяя сущность диалектики, В. И. Ленин указывал на взаимозависимость, переходы, относительность и

тождество противоположностей, всех понятий и т. д. [См.: Там же, с. 179].

Из приведенного примера видно, что диалектическое содержание предложения «закон есть существенное отношение» вступает в конфликт со стабильной формой (*S* есть *P*), не укладывается в нее и по сути ее разрушает. «Философское предложение, потому что оно — предложение, порождает мнение об обычном отношении субъекта и предиката и о привычном поведении знания. Это его поведение и мнение разрушается философским содержанием предложения; мнение на опыте узнает, что имеется в виду не то, что оно имело в виду» [Гегель, 1959, с. 35]. Ведь в действительности «закон» не является субъектом вроде «розы» или «Жучки», «существенное отношение» не выступает аналогичным предикатом. В субъективно-предикатную форму втиснуто иное содержание. Кроме того, данное положение имеет смысл при условии, что связующие его стороны различны по содержанию. Однако связка «есть» только отождествляет их, а различие остается невысказанным. Если его высказать, то получим противоположное суждение: «Закон не есть существенное отношение»; здесь их единство выпало. Если взять оба суждения, то они исключают друг друга и по законам формальной логики не могут быть признаны истинными одновременно или в одном и том же отношении. Но если их обособить, то исчезает всякая диалектика. Из данного конфликта диалектического содержания и старой формы возникло стремление построить особые «диалектические» формы рассуждения, стремление, не приведшее, однако, к положительным результатам.

Гегель, который первым указал на противоречие формы и содержания, отмечал: «Могут указать по этому поводу, что диалектическое движение пользуется предложениями в качестве своих частей или элементов; названное затруднение потому как будто всегда повторяется и есть затруднение, проистекающее из самой сути дела» [Там же, с. 35—36]. Он пришел к выводу, что форма предложения является лишь внешней. Ей соответствует определенное содержание: неподвижный прочный субъект («роза», «Жучка») и столь же устойчивый предикат («красная», «собака»). Если они и имеют внутреннее движение, то традиционная логика от него отвлекается.

Между тем помимо внешней есть внутренняя форма и соответствующее ей содержание. Для содержания книги безразлично, написана она или напечатана, переплетена в картон или кожу. Но это не значит, что само содержание книги, если отвлечься от внешней формы, бесформенно. Соответствующая содержанию внутренняя форма настолько существенна, что она, скорее, составляет само это содержание [См.: Гегель, 1974, с. 299].

Как на один из существенных недостатков рикардовского анализа категорий политической экономии К. Маркс указывал на отсутствие анализа стоимости «со стороны формы,— той определенной формы, которую принимает труд как субстанция стоимости» [26, ч. 2, с. 185]. Рикардо считал меновую стоимость безразличной для увеличения богатства — «как нечто всего лишь *формальное*» [46, ч. 1, с. 313]. В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики», из параграфа «Форма и сущность» выписывает слова: «Нельзя задавать вопрос, каким образом форма привходит к сущности, ибо первая есть лишь свечение последней в себе самой, присущая (sic!) ей собственная рефлексия» и резюмирует: «Форма существенна. Сущность формирована» [29, с. 129]. Если понимать под формой связь определенных элементов (здесь — категорий или их сторон), то такой существенной формой будут переходы количественных изменений в качественные, единство и борьба противоположностей, проявление сущности и т. д. Хотя данные формы выражены при помощи предложений, их форма не эквивалентна содержанию категорий и *внутренней форме*.

Познание последней предполагает следующее. Во-первых, категории должны стать сознательным предметом исследования. Недостаток анализа Канта состоял в том, что «чувственный материал, многообразное данное в созерцании, слишком властвовали над ним, чтобы он мог отделиться от них и перейти к рассмотрению понятий и категорий в себе и для себя» [Гегель, 1972, с. 28], чтобы он мог исследовать их не только в их отношении к чувственному материалу, как формы синтеза явлений, но и в их внутреннем содержании и строении, как особый предмет, имеющий специфическую ценность формы мышления.

Во-вторых, исследовать капитал — значит расчленить его на отдельные части, моменты, стороны, изучить их

субординацию и формы, представить его в итоге как многообразно расчлененное и формированное в себе целое. Аналогично изучить категории — причинность, закон, сущность и т. д.— не просто дать их дефиницию, а выявить их определенные стороны, вскрыть их связи и отношения (переходы, переливы), изобразить категории как живые структурированные целостности. Только так мы можем обнаружить внутреннюю структуру, *существенную форму* категорий. С другой стороны, сущность категорий будет формирована. Без этого категории можно дать только дефиницию в неподвижной форме предложений «*S* есть *P*», «закон есть существенное отношение» и т. п.

Образцом для нас здесь может быть «Капитал», марксовский анализ категорий политической экономии. Чтобы изобразить диалектику товара, К. Маркс вскрывает два его фактора: потребительную и меновую стоимость и их источник — двойственный характер труда, производящего товары. Он показывает противоречивый их характер, прослеживает развитие формы стоимости, раздвоение ее на относительную и эквивалентную, движение от простой к полной, ко всеобщей и денежной формам. Это дает возможность показать товар как движущееся диалектическое целое, которое, проходя через ряд противоречий, превращается в новую категорию — «деньги». Такой подход отличает анализ всех категорий «Капитала».

С данной точки зрения философские категории разработаны довольно слабо. Пока еще не исследованы существенные формы, необходимые отношения многих категорий. Как характерную черту можно отметить то, что исследования касаются в основном связей между категориями количества и качества, сущности и явления и т. д., особенно между парными. Но внутренняя диалектика того же качества или количества раскрыта не полностью. Поэтому в законе перехода качества в количество и наоборот мы мало знаем о механизме перехода, а берем его как дефиницию, доказываемую не внутренней диалектикой, а фактами — примерами. Однако этого недостаточно для постижения категорий как логических форм.

Для более четкого определения той ступени, на которой находится разработка данной проблемы, подчеркнем,

что в понятии «форма» можно выделить два значения: форма как определенность вообще, отличающая одно явление от другого; форма как специфическое отношение между какими-либо элементами. Что касается первого значения, то для мышления всеобщими формами являются категории. Мышление — не пустая рефлексия; оно имеет некоторые неотделимые от него определенности, без которых не может существовать (количество, причинность и т. д.), подобно тому как не может существовать без указанных атрибутов материя.

Так как определенность усваивается мышлением в виде определений, формы мысли и с данной стороны подвергаются описанию. В любом сборнике типа «Категории материалистической диалектики» авторы стремятся дать дефиниции, краткие определения категорий, поясняемые потом примерами. Поскольку, однако, суть дела может быть исчерпана не дефиницией, а целостной, расчлененной системой определений, необходимо связанных друг с другом, этого недостаточно.

Что касается формы целостной системы отношений, то здесь сделаны только первые шаги. К ним следует отнести законы диалектики, являющиеся не чем иным, как формами отношений между категориями. Но они, как правило, обоснованы не логически, а эмпирически — на множестве фактов. Многие из таких отношений — «случайность как форма проявления необходимости», «сущность является, явление существенно», «форма существенна, сущность формирована» и т. д.— логически не раскрыты. Наконец, совсем не раскрыты внутренние связи и отношения в *отдельных* категориях как формах мысли. Уверенность в возможности такого раскрытия и (через движения категорий) построения их системы как философской теории мышления (теории логического) основывается на том, что мышление с его категориями является отражением материальной действительности, в которой ничто не существует обособленно.

Итак, человеческое мышление не существует вне категорий, как оно не существует вне понятий, суждений и умозаключений, хотя бы функционирующих и бессознательно. Те и другие для своего выражения требуют языковых средств. Но если суждения и умозаключения в предложениях находят адекватную форму выражения, то философское содержание вступает с ней в кон-

фликт, противоречит ей, что вполне естественно, поскольку предложение имеет застывшую форму, а содержание диалектично. Поэтому необходимо не одно, а множество предложений для описания предмета. Если некоторый субъект (S) имеет множество предикатов, то им будет соответствовать ряд предложений: «S есть P», «S есть P_1», «S есть P_2» и т. д. Сумма предложений не дает целостного субъекта; более того, она его уничтожает, ибо, отделив предикаты от вещи, мы получим некоторый x, который бессодержателен. Так что надо бы говорить: «x есть P», «x есть P_1» и т. д. Поскольку x — пустое имя, содержание находится в предикате. Но тем самым снимается форма предложения: мы исходим из того, что S есть некоторый прочный, устойчивый предмет, к которому прикрепляются предикаты. На деле же x определен только в предикате и через него. Подлинным субъектом оказывается предикат: он — прочное и устойчивое определение, а x — пустое имя. Если мы теперь от P_1 перейдем к P_2, то надо сказать: «P_1 есть P_2», затем — «P_2 есть P_3» и т. д. Каждый предыдущий предикат будет сниматься в последующем, что выражает истину, поскольку ни одно свойство не существует самостоятельно: цвет — вне формы, форма — вне тяжести и т. д.; субъект же будет все время перемещаться: от P_1 к P_2, P_3 и т. д. Иначе говоря, субъектом оказывается самодвижение от предиката к предикату, переходы и их связи. Фактически это значит, что субъект выступает синтезом, системой предикатов.

Такое движение характерно для всякого процесса познания, в том числе логического. В нем мы исходим из некоторой определенности или категории; последнюю можно определить через другую категорию (например, качество — через количество, если количественные изменения ведут к изменениям качественным) и т. д. Предыдущее выступает как определяемое, последующее — как определяющее, причем данная функция изменяется, если совершается переход. Изменение их функции означает, что в логическом процессе субъекты и предикаты, определяемое и определяющее относительны. Абсолютно в рамках данного процесса их единство, целостность. Относительность всех сторон диалектического процесса объясняет, почему содержание вступает в противоречие с формой предложения (с устойчивой,

неподвижной субъективно-предикатной структурой самой формы).

В результате получается такая картина. Процессуальный характер познавательной деятельности противоречит предложению *A;* от него переходим к предложению *B* и т. д., причем каждому из них содержание противоречит; значит, оно противоречит им всем, всей системе предложений, используемой для описания целостного содержания. Без нее такое описание неосуществимо, а ей оно противоречит. Совместить эти противоположные отношения можно, если понимать мышление как процесс, который воплощается в языковой форме, а затем снимает ее, переходя из одной формы в другую, третью и т. д. Предложения и их система оказываются внешней корой, под которой пульсирует живое мышление с его собственными формами.

Проведенный анализ обнаруживает относительную независимость категорий от понятий, суждений и умозаключений, а также от форм языка. К аналогичному результату приводит исследование категорий в связи с историей языка и поступательным развитием знания, рассматриваемого как смена различных языков для описания тех или иных объектов. Так, М. В. Попович доказывает, что «на ранних этапах культурного развития изменение системы абстракций, категорий, посредством которых членится окружающий мир, непосредственно отражается в изменении структуры языка. На более высоких ступенях культурного развития изменение категориальной структуры затрагивает более «высокие этажи» общественного сознания, оставляя неизменными зачастую весьма архаичные языковые структуры» [1975, с. 219]. Если в ходе развития знания естественный язык отчасти заменяется языком науки, то и в этом случае «языковая форма знания, неустранимая на данном этапе познания, снимается следующим этапом, и при этом выясняется, что представляют собой объекты первоначальной картины мира безотносительно к категориям того языка, в котором она реализована» [Васильев, 1974, с. 43]. Проделав детальный анализ проблемы, автор заключает: «Поэтому связанность нашего мышления с формами языка, «категоризация» действительности этими языковыми формами представляет собой лишь момент в познании» [Там же, с. 132]. Таким же моментом является связанность кате-

горий мышления с языком и при чисто теоретическом анализе проблемы.

Итак, относительная самостоятельность категорий — факт. Данное обстоятельство выступает первым из сформулированных нами условий существования категорий как форм мышления.

Второе условие состоит в требовании внутренней расчлененности категорий. Ввиду соотносительности формы и содержания (или основания, сущности), иначе говоря, вследствие положенности (производности) формы данное условие предполагает, что каждая категория может быть расчленена на совокупность некоторых сторон или моментов, вообще на другие подчиненные категории, а последние — приведены в связь. Так, мера — это единство качества и количества, закон — проявление сущности и т. д. Но количество или качество, в свою очередь, членятся на подчиненные категории, синтез которых и есть их форма. Однако вопрос можно поставить и относительно подчиненных категорий. Насколько далеко можно продвигаться в этом направлении? Если продвижение не ограничено, то переход от одной категории к другой растягивается до бесконечности и становится практически невозможным: между ними будут возникать все новые и новые промежуточные звенья и никогда не будет переброшен искомый «мост» — переход. В данном случае теоретическое знание как синтез категорий становится невозможным.

С подобной ситуацией столкнулся в свое время Фихте при построении наукоучения. Поставив перед собой цель доказать тождество противоположностей субъекта и объекта, он начал исследовать различные их синтезы, направленные на достижение этой цели. Первый синтез — ограничение — лишь частично уничтожает противоположности вследствие их количественной делимости. Поэтому он сам противоречив, в нем вскрываются новые противоположности и отыскивается их синтез, который вдвигается между полюсами прежнего и т. д. Каждый последующий синтез все ближе подходит к нейтральной точке — тождеству субъекта и объекта, а вся их последовательность изображает процесс их смыкания, никогда, однако, не заканчивающийся. «И можно было бы так продолжать до бесконечности, если бы узел затруднения не был, правда, не разрешаем, а разрубаем некоторым

властным велением разума... так как Не-Я никак не может быть соединено с Я, то вообще не должно быть никакого Не-Я» [1916, с. 121]. Следовательно, узел разрублен в пользу идеализма, хотя фактически Фихте своим анализом неограниченного сближения субъекта и объекта обнаружил бесконечность познания, его незавершаемость.

Но ситуация, описанная Фихте, воспроизводит не только субъект-объектное отношение; она распространяется на все противоположные категории. Бесконечность познания означает здесь неограниченное обогащение наших представлений об отношениях между качеством и количеством, явлением и сущностью и т. д. Отчасти этим обстоятельством объясняется то, что нередко переходы между категориями, которые удовлетворяли представителей классической философии, современных исследователей не удовлетворяют; они ищут иные переходы, учитывающие накопленные за прошлое время факты и идеи. Поэтому проблема, поставленная Фихте, носит общий характер, касается всех категорий.

Однако в теоретическом плане указанная бесконечность познания должна выражаться в возникновении новых категорий, которые появлялись бы на стыке тех или иных категориальных пар в виде опосредствующих звеньев (никогда полностью не заполняющих промежутков между ними), так что переход от одной из них к другой можно было бы совершить посредством некоего скачка. Фихте совершил его, использовав исходный принцип идеализма, Шеллинг — интеллектуальную интуицию. Такой выход из ситуации, очевидно, неприемлем.

С другой стороны, хотя необходимость перехода требует неограниченного множества категорий, фактом является то, что множество их весьма ограниченно. Поэтому требование их бесконечности означало бы невозможность существования теоретического знания в форме системы категорий или понятий. Но такое положение также противоречит фактам, поскольку знание существует и в системной форме.

Следовательно, необходимо предположить, что в рассмотренном нами поступательном продвижении от одной противоположности к другой мы достигаем такого пункта, в котором категории уже не определяются, их содержание уже не членится на производные категории.

В данном аспекте представляет определенный интерес гегелевский подход к вопросу. В «Науке логики», исследуя понятие начала логического процесса, Гегель в качестве далее неопределяемых категорий представил бытие и отрицание (ничто). Поэтому первый параграф его работы начинается словами: «Бытие, чистое бытие — без всякого дальнейшего определения» [1970, с. 139]. В этих или подобного рода категориях последние перестают быть самостоятельными формами мышления и выступают лишь в качестве моментов, участвующих в построении иных, более сложных категорий, в их диалектике, для которой бытие (полагание) чего-либо и его отрицание совершенно необходимы.

Что касается переходов между категориями внутри системы, то здесь их конструктивная роль также велика. Отметим в данной связи, что многие философы Нового времени, например Кузанский и Бруно, искали совпадение противоположностей (максимум и минимум) в бесконечности. Кроме того, многие переходы в логике Гегеля, например переход от качества к количеству и обратно, осуществляются через качественную и количественную бесконечность. Последняя здесь выступает не в виде неограниченного множества подчиненных понятий, а как одна категория, смыкающая крайности в целое. Тот факт, что смыкаемые категории рассматриваются при этом как противоположности, а само их соединение достижимо, свидетельствует о конструктивной роли неопределяемых понятий, ибо противоположности как таковые — это положительное и отрицательное. На указанной функции простейших понятий в диалектике основывается сам принцип единства противоположностей, который делает возможным построение диалектической логики как науки о системе форм мышления — философских категорий.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод о том, что смысл категорий как форм мышления выявляется в нескольких аспектах: в их отношении к понятиям, суждениям, умозаключениям; в связи с эмпирическим содержанием познавательного процесса; в соотношении категорий с принципами диалектического метода их анализа; в их отношении друг к другу и мышлению, формами которого они являются, а также в их внутренней расчлененности и структурированности. Все эти аспекты

необходимо иметь в виду, чтобы смысл рассмотренной проблемы мог быть постигнут не только в интуитивной, но и в понятийной форме.

Категории и виды логик

На основании проведенного анализа мы можем выяснить отношение категорий к различным видам логики. Если взять их в той последовательности, в которой они появились исторически, то мы имеем традиционную формальную логику, диалектическую логику и современное продолжение традиционной — символическую логику. Отношение их к категориям качественно различно.

Формальная логика рассматривала категории только как наиболее общие понятия, при этом общность понималась чисто количественно. Вследствие этого в ее рамках осталась нераскрытой качественная специфика категорий и понятий.

Во-первых, не было осознано, что по своему происхождению понятие есть синтез категорий, что оно — целостное знание предмета, которое возникает на основе рассудочных определений — категорий. В последних фиксируется знание отдельных сторон, свойств, отношений и т. д. предмета. Его анализ, расчленение предшествуют его синтетическому образу. Этот анализ осуществляется посредством категорий и в них же находит свое отражение. «Рассудочные понятия», о которых писали Кант в общефилософском плане и К. Маркс при рассмотрении особенностей политической экономии у Смита, иначе говоря, категории, являются тем материалом, из которого мышление строит синтетическое знание о предмете. Данный факт, имеющий первостепенное значение для рассматриваемого отношения, был осознан вне пределов формальной логики. Отметим, что, если даже мыслители делали категории предметом специального рассмотрения, они понимали их формально-логически (как виды и роды — по степени общности, понимаемой количественно). Так, С. С. Аревшатян отмечает, что Давид Анахт «сглаживает принципиальное различие, которое имеется между Аристотелем и Порфирием в вопросе трактовки логических категорий» [1975, с. 25], хотя в целом учение о них «у Давида приобретает ма-

териалистический характер в отличие от формально-логической трактовки Порфирия» [Там же].

Во-вторых, при исследовании понятия применялось немало категорий, таких, как единичное, особенное и всеобщее, положительное и отрицательное, количество и модальные категории необходимости, возможности, действительности и некоторые другие. На этом применении строились различные классификации и деления понятий, устанавливалось их отношение к действительности (посредством связок «есть» и «не есть»). Проведенный нами анализ показал, насколько случайным и эмпирическим было такое применение; главное же, чисто количественное понимание категорий единичного, особенного и всеобщего по сути дела свело их к модификациям другой категории (количества), и в делениях понятий они ставились наряду с другими категориями. В действительности же эти категории имеют преимущественное значение при исследовании понятия, позволяют вскрыть специфику понятия как формы знания, выявить его внутреннюю структуру. При этом всеобщее должно быть понято как целое (о чем знал еще Аристотель) или, согласно Гегелю, как основание, частями или обоснованными сторонами которого являются другие определенности, особенности, выражающиеся в разных категориях. Связность или целостность последних и дает знание единичного — предмета, обладающего относительно самостоятельным существованием.

В-третьих, существенно важным оказалось различие категорий и понятий в их гносеологическом отношении к действительности. Если в понятии раскрывается содержание отраженных в нем сторон действительности, так что вопрос «Что такое понятие?» ведет к вопросу «Что такое тот предмет, который в нем отражен?», то специфика категорий — в их функции членения и синтеза действительности. Здесь важны множество тех или иных предметов, которые относятся или принадлежат к некоторой категории, соотношение множества вещей и единства категорий вообще. Это *категориальное отношение* мышления к миру не входит в понятие понятия, ибо для последнего не важно, имеется один предмет, понятием которого оно является, или их много. Поэтому от названного отношения следует отличать *понятийное отношение к действительности.* Такое отличие полностью

отсутствовало и отсутствует в формальной логике вследствие поверхностной трактовки категорий как только общих понятий.

В-четвертых, вне рамок традиционной формальной логики осталось отличие категорий от понятий и определений рефлексии, которое относится к самым глубоким проблемам философской науки. С каждой из этих форм знания сопряжена определенная форма связи; основные из таких форм — *переход, отражение (рефлексия), развитие*. Поскольку в категориях предмет отражается в расчлененном виде, их связь осуществляется переходом. Так как различные стороны предмета объективно находятся в единстве, хотя и обладают относительной самостоятельностью, их связь выражается в отражении одних сторон, или определений, в других. Понять же предмет — значит постигнуть его как нечто целостное, а это требует уяснить, как и из чего он возникает, какие фазы проходит и как исчезает, понять его целостность или связность как развитие. В данном плане понятия, виды рефлексии, категории различаются по формам постигаемых связей, а последние зависят как от объективного предмета, так и от глубины его познания. Продвижение знания от категорий через определения рефлексии к понятиям характеризуется возрастанием связности постигаемого предмета. В таком аспекте указанные формы связи являются основными ступенями данного возрастания. Насколько важно это различие, видно из того, что исследование «диалектики как науки о системе всеобщих связей» приводит именно к этим фундаментальным формам связи [См.: Булатов, 1976, с. 108—127]. Конечно, такие формы — не предмет формальной логики, но из этого следует, что, если в пей и ставится вопрос о специфике категорий, решить его все же там нельзя.

Несмотря на отмеченную ограниченность формальной логики в понимании категорий, следует все же признать, что в ней были правильно указаны некоторые черты категориального строя познания. Мы имеем в виду, если речь шла о категориях, почти всегда отмечавшуюся их общность. Последняя фиксировалась при этом в абсолютной и относительной формах.

По традиции, идущей от Аристотеля, к категориям отнесли формы мысли, носившие наиболее общий или всеобщий характер и изучавшиеся философией. Из этого

следовало определение категорий как наиболее общих понятий. Философские категории действительно таковы: в них отражаются атрибуты, неотъемлемые свойства и отношения объективной действительности. Иное дело, что такого определения недостаточно для выяснения категорий. Необходимо еще указать на их отношение к основному вопросу или принципу философии, который образует ее основу и на котором она строится. Но это не всегда просто сделать. Если, например, мышление и бытие имеют прямое отношение к данному вопросу, то оно не столь очевидно с категориями качества и количества, формы и содержания и т. д. Здесь их связь более опосредована, ее обнаружение требует посредствующих звеньев.

Таким образом, если философская теория или система категорий строится на основе принципа единства мышления и бытия (представляющего собой одну из форм основного вопроса философии) и если какие-то категории, скажем, «качество» или «форма», образуют необходимое звено в системе, то через последнюю они связаны с основным вопросом философии. Стало быть, они являются философскими категориями. Всеобщность категорий в их системе уже не означает того, что они относятся ко всем единичным вещам; она должна рассматриваться не номиналистически, а в более глубоком смысле — как необходимость появления категорий в системе, необходимость следования из других категорий. Это, в свою очередь, указывает на присущность категорий бытию как целому, которое в такой целостности или системности воспроизводится мышлением.

Следует считать положительным достижением формальной логики то, что в ней всячески подчеркивалась всеобщность философских категорий. Но теоретическое осмысление этого факта требовало, однако, иных средств. Осознание самого факта было необходимо, но недостаточно.

Несколько иначе обстоит дело с родовыми и видовыми понятиями. Роды и виды — это тоже категории или синонимы их, но при том важном условии, что они рассматриваются не сами по себе, а в отношении друг к другу. Тогда их общность становится относительной (род более общий, чем вид и т. д.). *«Род» или «вид»*, таким образом,— это *категории, занимающие определенное место*

в иерархической системе категорий. Идея такой иерархии категорий возникла еще в древнегреческой философии; от сочинений Платона, Аристотеля она тянется затем через всю историю мысли (достаточно вспомнить работы Порфирия, Анахта, Бэкона и других мыслителей). В настоящее время она из чисто философской сферы перешла также в ведение других наук, например генетической психологии Выготского, Пиаже, Брунера и других ученых, которые постоянно возвращаются к обсуждению иерархии категорий [См., например: Исследование развития познавательной деятельности, с. 70, 74, 83, 106—107, 130, 136, 137].

Идея иерархической системы, ранее обсуждавшаяся в формальной логике, важна тем, что она выводила исследование за пределы только философских категорий; его предметом в тенденции могли стать любые категории — иных наук, массового сознания, на любом уровне общности. Анализ данной идеи также является положительным фактом в истории формальной логики, хотя ее категориальное содержание не всегда в должной мере осознавалось.

Данное обстоятельство следует особенно подчеркнуть: даже если та или иная наука не делает категории предметом специального рассмотрения, то постижение предмета, находящегося в ее ведении, не может происходить вне категориального состава человеческого мышления. Это вытекает из того, что категории являются также общими формами мышления, вне которых оно не существует. Осмысленность и сама мыслимость предмета могут происходить только на основе категорий. Специфика предмета определяет, какие из категорий занимают доминирующее положение и очерчивают рамки осуществляемого постижения предмета.

Этот вопрос уже нашел определенное освещение в философской литературе. Л. П. Гокиели в «Логике» писал, что «при определении предмета математики можно довольствоваться указанием на категорию количества. Однако математика изучает категорию количества не как одну из категорий в общей системе философских категорий, не ее отношение к другим философским категориям, но категория количества представляет для математики лишь общие рамки, и в этих рамках она производит соответствующие различения, рассматривает виды количест-

ва, изучает различные формы количественных отношений и т. п.» [1965, с. 19].

Мы не будем входить здесь в обсуждение того обстоятельства, что для современной математики, как доказывают Н. Бурбаки, более подходит категория структуры, а не количества (она была достаточна для классической математики), подчеркнем лишь правильную мысль об общих рамках, которые задаются соответствующей категорией. С. Б. Крымский в одной из своих работ высказывает сходную мысль, определяя категории как «специальные языки» (например, количественный язык, язык геометрии, в котором проявляется категория пространства и т. д.) [См.: 1977, с. 202, 203], что, несомненно, подтверждает мысль Гокиели.

Следует, однако, отметить некоторую терминологическую неточность в приведенном тексте Гокиели. Мы уже видели, что минимальное количество, при котором категории не перестают быть категориями,— два. Это не формальное обстоятельство: оно вытекает из природы категорий, из того, что они отражают процесс расчленения предмета и его синтезирования; для них существенно отношение друг к другу либо в какой-то совокупности, либо в системе. Между тем именно отношение, согласно Гокиели, здесь не изучается. Если предмет математики очерчивается категорией количества (или структуры), то отношение ее к другим категориям элиминируется. В таком случае она перестает быть категорией. Можно было бы сохранить этот термин, предполагая, что ученый, производящий соответствующие различения внутри количества, постоянно в воображении соотносит его с качеством, формой и другими категориями (но тогда речь будет идти о категориальной определенности связей разных наук между собой). Предполагать такую постоянную рефлексию у математика нет оснований. Второй случай состоит в том, что рамки предмета данной науки определяются несколькими категориями — категориальной структурой. Но поскольку структуры могут быть более простые или сложные (причем в общем не исключается вариант, так сказать, вырожденной структуры, когда она сведется к одной категории), то для общетеоретического анализа это специальное предположение о структуре не подходит.

Обращаясь к истории философии, мы находим, что при обсуждении подобного вопроса Гегель употреблял

иной термин. Во «Введении» в «Науку логики» он доказывал, что развитие мысли в логической системе, поскольку она основывается на определенном принципе (принципе единства мышления и бытия), должно быть всесторонним раскрытием такого принципа и не выходить за его пределы. «Это единство,— писал Гегель,— составляет логический принцип также и в качестве *стихии,* так что развитие указанного выше различия, которое сразу же имеется в ней, совершается только *внутри* этой стихии» [1970, с. 115]. Наряду или в соотношении с другими логическими формами «единство» — тоже одна из категорий. Но в указанной функции она — стихия, «мыслительная среда», внутри которой происходит логическое изложение категорий. Иначе говоря, Гегель называл стихией принцип теории, поскольку последняя не выходит за его пределы. Это относится не только к логике. Специальная теория относительности основывается на единстве пространства и времени; данное единство есть стихия или среда, за пределы которой не выходят ее различные положения.

Какова категориальная определенность или стихия формальной логики? К анализу этого вопроса можно подойти, рассматривая формальную логику или как науку, состоящую из ряда «тем» (учений), или как нечто целое.

Что касается первого подхода, то при этом следовало бы установить, какие категории используются в учении о понятии (его делении или видах), о суждении (классификации его видов) и т. д. Иначе говоря, надо было бы произвести категориальную классификацию понятий, суждений и т. д. Выше мы сделали такое по отношению к понятиям и убедились, что указать какие-либо границы применения категорий в классификации нельзя. Одни авторы предлагают классификацию понятий на основе таких-то категорий, другие выделяют иные их группы, а общий анализ показывает, что можно и должно применять их все, чтобы классификация была полной. Коротко говоря, иного ограничения, кроме самого множества категорий, здесь нет. Аналогично обстоит дело с суждениями, поскольку суждение — простейшая форма, в которой раскрывается содержание понятия (дефиниция). В данном аспекте формальная логика может быть названа общей логикой. В учебнике «Формальной логики» ее авторы также применяют это название. Всю формальную логику в зависимости от того, применяется ли мате-

матический аппарат или изучаются общие формы мысли без такого применения, одни делят на две части: общую (несимволическую) логику; символическую (математическую) логику [См.: 1977, с. 19]. Мы используем такой термин в смысле полноты категориальной определенности форм мысли (здесь понятий, являющихся предметом нашего исследования). Дальше, в процессе сравнения ее с символической логикой, этот термин обнаружит свою целесообразность и с другой стороны.

Но если в формальной логике на использование категорий в делении понятий не накладывается явных ограничений, то это не исключает того, что среди множества категорий только некоторые из них имеют доминирующее значение. Чтобы обнаружить их, следует применить целостный подход к формальной логике, вскрыть ее как единую науку, в которой ее различные части объединяются в целое. Такое объединение традиционно выделяемых частей формальной логики может быть представлено следующим образом : понятия соединяются в суждения, суждения — в умозаключения, умозаключения — в рассуждение, к которому относится также доказательство и которое происходит на основе законов формальной логики. По непонятной причине рассуждение не выделяется в курсах логики в качестве специального предмета исследования, хотя на него постоянно ссылаются [1]. Так, в уже цитированной работе по логике все формально-логические законы соотносятся именно с рассуждением. Например, «закон тождества,— утверждается здесь,— можно сформулировать следующим образом: объем и содержание мысли о каком-либо предмете должны быть строго определены и оставаться постоянными в процессе *рассуждения* о нем» [Так же, с. 77]. Подобным образом, через функцию в процессе рассуждения определяются законы противоречия, исключенного третьего и достаточного основания [См.: Там же, с. 79, 82, 84]. Между тем доказательство, выделяемое как особый предмет изучения,— один из видов рассуждения, наряду с которым есть и иные, например не установление истинности какого-либо утверждения, каковым является дока-

[1] О рассуждении как специфическом предмете изучения формальной логики писал В. И. Шинкарук [См.: 1964, с. 278—279]. Аналогичную мысль высказывают В. А. Смирнов и П. В. Таванец [См.: 1974, с. 17].

зательство, а изложение уже добытой, готовой истины. Здесь следовало бы задаться вопросом о видах или типах рассуждений, что, однако, выходит за рамки нашего исследования.

Таким образом, рассуждение есть то целое, в котором воедино сплавлены все общие формы, изучаемые традиционной логикой: понятия, суждения и т. д. Это целое реализуется на основе законов (принципов) тождества противоречия и т. п. Употребляя термин Гегеля, можно сказать: они образуют стихию формально-логического мышления; выявив категориальное содержание законов, можно вскрыть категориальную определенность или рамки этого вида логики.

Согласно формулировке данных законов, очевидно, наличными в них являются категории тождества, противоречия, основания. Если первый закон требует строгой определенности и постоянства объема и содержания мысли в процессе рассуждения о каком-либо предмете, то два следующих закона выражают то же требование отрицательным образом. Закон противоречия запрещает одновременно и в одном и том же отношении утверждать и отрицать что-либо. Закон исключенного третьего требует доводить дело до определенного утверждения или отрицания; из двух отрицающих друг друга (противоречащих) суждений одно оказывается истинным. Здесь также дело сводится к определенности содержания мысли, которая может быть нарушена противоречием или наличием противоположных утверждений, запрет на которые налагают эти законы. Поэтому категория тождества в них является определяющей. Если к ней присоединить категорию из последнего из перечисленных законов логики, то получим, что основное значение в традиционной формальной логике играют категории «тождество» и «основание». Они образуют ее категориальную определенность или рамки. При этом «основание» (или «достаточное основание») указывает вообще на то, что речь идет о логическом мышлении, в котором одни положения выводятся из других, а «тождество» (запрещение противоречия и исключенность третьего) — на специфический характер формально-логического, на те условия, при которых может быть доказано какое-нибудь утверждение.

Далее, определенность и постоянство содержания и объема мысли выражаются в суждениях, определениях и

их сочетаниях, а это осуществляется посредством связок, важнейшей из которой является связка «есть» — формально-логическое выражение категории бытия. Традиционную логику поэтому можно было бы назвать также логикой бытия, в отличие от логики становления и развития, которой является диалектическая логика. Развитие, наличное в формальной логике и выражающееся в рассуждении (доказательстве и т. п.), ведущем к новому знанию, выступает развитием знания о предмете, а не самого предмета. Вследствие этого данный вид логики назывался также (например, Гегелем) субъективной логикой. Таковы рамки прежней формальной логики. Внутри указанных рамок могут применяться многие другие категории, что делает эту логику общей.

Возникновение и развитие символической логики вскрыло ряд новых зависимостей между категориями и логическими системами. Этот новый вид логики характеризуется не только тем, что к исследованию мыслительных процессов применяются математические методы и на их основе строятся логические исчисления. Не менее важно то, что изменяются их рамки или категориальные определенности.

Прежде всего здесь следует отметить две закономерности. Во-первых, произошло некоторое расширение логики как целого вследствие того, что были разработаны трехзначные и вообще многозначные логики. Если в традиционной логике на основе закона исключенного третьего допускались два значения истинности — истина и ложь, то уже в трехзначной (а еще более — в многозначных логиках) действие этого закона было дополнено целым спектром значений истинности. Кроме того, были развиты такие разделы логической науки, как логика отношений, модальная (в узком смысле слова) логика и т. д.

Во-вторых, история символической логики означает одновременно дифференциацию ее как единой науки на ряд подразделений. Если по методу она в целом является одной наукой, то по предмету — расчленена. Символическая логика есть совокупность логик, разделяющихся по предмету исследования: исчисление высказываний, исчисление предикатов, временная логика, логика норм и т. д. Можно называть их частями логики [См.: Формальная логика, 1977, с. 19] или ее видами — это не меняет сути де-

ла. В плане нашего анализа важно иное: *расчленение, дифференциация символической логики происходит по категориям.* Определенная категория или их группа очерчивает предметную область или рамки того или иного логического исчисления. Это совершенно очевидно в таких ее частях, как временная логика, логика отношений, модальная логика, в которой изучаются структуры и законы построения рассуждений с использованием категорий необходимости, действительности, возможности и т. д. То же касается и других частей символической логики. В деонтической (нормативной) логике, например, такую рамку очерчивает категория должного. Логика предикатов образуется из логики высказываний присоединением (помимо иных исходных знаков) двух кванторов: всеобщности и существования. Исчисление высказываний, хотя и не содержит категорий в *названии,* включает их в свое содержание, а именно: алфавит логики высказываний содержит три вида знаков — пропозициональные переменные, технические знаки (левую и правую скобки) и логические союзы (связки) — отрицание, конъюнкцию, дизъюнкцию, импликацию, эквивалентность, которые, очевидно, носят категориальный характер, являются формально-логическим выражением категорий отрицания, разделения, условия и т. д. Подобную роль связок они играют и в иных исчислениях.

Вообще, категориальный строй человеческого мышления представлен в символической логике операторами (или логическими константами), т. е. символами или их комбинациями, которые, будучи использованы совместно с переменными, дают новые высказывания или формы. Они делятся на два вида — функторы и кванторы. Первые — это пропозициональные связки или логические союзы, являющиеся средствами порождения одних видов (или категорий) выражений из других в тех или иных формальных системах. Вторые — логические операторы, выражающие утверждения двух типов: общности и существования. Сами термины («операторы», «функторы») указывают на их функции в исчислении. Данные функции они выполняли и в традиционной логике, однако здесь благодаря применению математических методов достигнуты точность и определенность в их исследовании и применении, которых не было прежде.

Таким образом, расчленение символической логики

осуществляется благодаря тому, что она дифференцируется в соответствии с категориями и с их помощью или в их рамках определяет и членит предмет своего исследования [1]. С этой точки зрения ее категориальная определенность намного больше, чем логики традиционной. Последняя, правда, не налагала запретов на использование тех или иных категорий, но оно было аморфно и расплывчато, не становилось предметом специального анализа; если, например, она по своему духу и не противоречила модальной логике или логике отношений, то последние наличествовали в ней только в виде элементов или зародышей, которые могли превратиться в логические исчисления благодаря применению точных методов.

Учитывая описанную сопряженность категорий с отдельными частями символической логики, можно увидеть ее полноту (или неполноту), поскольку список общих категорий далеко не исчерпан существующими разделами данной логики. Можно предполагать возможность возникновения новых исчислений на основе логически пока не разработанных категорий и т. д. По крайней мере ясно, что развитие символической логики в этом отношении еще не завершено, не раскрыты вполне те возможности, о которых справедливо пишет С. Б. Крымский: «Богатые методологические возможности использования категорий в качестве специальных языков демонстрирует развитие модальных (неклассических) логик. В сочетании с определенными естественнонаучными интерпретациями эти логики обогащают языки функционирования таких категорий, как «время», «существование», «возможность», «необходимость», «случайность», «причинность» и пр. Категория времени, например, раскрывается темпоральной логикой и физической теорией времени через сетку понятий отношения строгого порядка, асимметрии и симметрии, причинности, обратимых и необратимых процессов и т. д.» [1977, с. 203]. В принципе любая категория или их совокупность может быть развита в логическую

[1] Сходную мысль высказывает Б. Дянков: «Почему, каким образом и на каких основаниях стало возможным существующее разнообразие теорий и направлений в развитии современной формальной (математической) логики? Нам кажется, что основное предназначение теории семантических категорий и состоит в том, чтобы дать ответ на этот основной вопрос» [1974, с. 441].

систему и обогатить наше знание о закономерностях внешнего мира и познающего мышления.

Специфический характер символической, как и традиционной формальной, логики состоит в своеобразном использовании или функционировании категорий: они изучаются *не сами по себе*, а в соединении с переменными, от которых отличаются как логические константы. Они исследуются со стороны их *функций*, как средства оперирования с разного рода переменными. Последние представляют материал этого вида логики, а операторы (функторы и кванторы), в виде которых здесь «работают» категории, образуют формы, или оперативные знаки, с помощью которых производятся преобразования (переменные приводятся в определенные связи, одни формулы преобразуются в другие и т. д.). Из этого видно как органическое вхождение категорий в ткань формальной логики, так и их формальное изучение.

Как предмет самостоятельного исследования (вне связи с переменными или, иначе говоря, со стороны их внутреннего содержания) категории выступают в диалектической логике. Диалектическая логика — это система философских (или всеобщих) категорий. Ее стихия, общая граница, из которой она не выходит,— это ее принцип, единство мышления и бытия. В указанных границах она должна изложить содержание всех известных категорий, установить их связи и субординацию. Поскольку такая связь является также формой, ее следует, таким образом, отличать от форм, изучающихся в традиционной или символической логике. Они не тождественны. Так, если в логике высказываний используются совместно (в их связях) категории всеобщности, существования, отрицания, условия и т. д., то в структуре диалектической логики они могут вовсе не иметь такой близости, а если и находиться в связи, то весьма опосредованной. С другой стороны, связь количества и качества, выраженная в форме одного из основных законов диалектики, может не иметь (по крайней мере, пока не имеет) никакого значения для формальной логики.

Это можно выразить и более общим образом. Если бы форма, являющаяся предметом символической логики, и форма, изучаемая в диалектической логике, совпадали, то структура символической логики (соотношение и субординация различных ее разделов или частей) определя-

лась бы системой категорий философии. Каждая такая часть связана с той или иной категорией или их группами, а связи категорий, поскольку они в виде функторов и кванторов входят в логические исчисления, давали бы связи последних между собой. Однако на деле этого нет. Характер субординации логических исчислений, если он имеет место, отличается от характера субординации философских категорий.

Поэтому следует отличать эти виды субординации, подчеркивая в то же время значение каждого из них для определенных целей. Можно в данном плане говорить о философской структуре символической логики и о структуре, вытекающей из специфической природы или содержания последней. Между ними имеется важное различие. Поскольку связи, открываемые в системе философских категорий, не являются определяющими для содержания самой символической логики, такая система может выполнять роль средства упорядочения различных ее частей или разделов, вносить в нее определенный порядок — определять их место в пространственном или временном смысле, указывать, какие из них ближе или дальше друг от друга или в какой последовательности они могут быть расположены. Данный порядок будет осложняться тем, что различные логические исчисления соотносятся не строго с отдельными категориями, а с их группами, которые не являются таковыми в системе. Но в той или иной форме такое упорядочение имеет место, поскольку, согласно предшествующему анализу, категориальная определенность логических исчислений является фактом; вследствие этого соотношение символической и диалектической логики или системы категорий как средства систематизации первой также необходимо.

Вследствие этого требует уточнения мысль В. Н. Сагатовского о том, что успешное решение проблемы классификации форм движения материи и наук, их изучающих, во многом зависит от решения проблемы систематизации категорий [См.: 1973, с. 72]. Наше рассмотрение данного вопроса на примере символической логики (она в этом отношении не отличается от конкретных естественных наук) показывает границу такой зависимости, а именно: систематизация способна внести только порядок в совокупность тех или иных конкретных наук, тогда как

их внутренние связи, вытекающие из содержания, лежат в иной плоскости.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что отношение категорий к различным видам логик резюмируется в трех основных аспектах.

Во-первых, категории по-разному определяют предмет исследования каждой из логик. Традиционная логика является общей, поскольку в рамках действия своих основных законов она не налагает строгих запретов на использование тех или иных категорий. В символической логике эта общность дифференцируется, многообразие логических исчислений уже строго связано с отдельными категориями или их группами. В диалектической логике категории — специальный предмет исследования.

Во-вторых, различна форма функционирования категорий. В традиционной логике они играют роль связок и средств классификации понятий, суждений и т. п. В символической они логические операторы (функторы и кванторы). В диалектической логике категории — не средства для чего-то; они исследуются сами по себе, в их внутреннем содержании. Средством такого изучения является диалектика.

Наконец, в-третьих, вследствие органической связи первых двух видов логики с категориями их категориальная определяемость перерастает в более общую проблему соотношения формальной логики в целом с диалектической логикой как системой категорий. Поскольку же формальная логика — специальная наука, указанное соотношение означает методологическую проблему функционирования философских категорий и их структур в конкретно-научном знании.

Подводя итоги анализа, проделанного в данном разделе, можно сделать вывод о том, что существует несколько качественно различных видов отношения категорий и понятий. Прежде всего — это общее отношение, вытекающее из дефиниции категорий и понятия как понимания. Понятие становится категорией, если к нему присоединена функция членения и синтезирования действительности, и наоборот, с отвлечением такой функции категория становится понятием. Между категорией и понятием существуют промежуточные фазы, проходя которые первая из них обращается во второе, и наоборот. Далее, в системе знания соотношение категорий и поня-

тий выражается формулой: понятие есть синтез категорий. Наконец, особый вид образует отношение категорий к разным типам логики, в которых они выполняют роль общих принципов, организующих и упорядочивающих совокупность понятий той или иной логической системы. Преобладание какого-либо из данных отношений определяется целью или уровнем познавательной деятельности; для полного познания предмета или предметной области все они должны быть использованы в соответствии с их природой и функциями.

3

Методологические функции законов и категорий диалектики в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса

В рецензии на работу К. Маркса «К критике политической экономии» (1859) Ф. Энгельс, имея в виду диалектический метод, указывал: «Критику политической экономии, даже согласно выработанному методу, можно было проводить двояким образом: исторически или логически» [13, с. 497]. Применение диалектического метода в исторической форме было бы критическим анализом реальной истории буржуазного общества и истории политико-экономической литературы. Историческая диалектика должна была бы принимать во внимание множество случайностей, скачков и зигзагов в реальной истории и науке о ней, не говоря уже о том, что саму историю буржуазного общества еще предстояло написать. «Таким образом,— заключал Ф. Энгельс,— единственно подходящим был логический метод исследования» [Там же], который и применил К. Маркс в данной работе.

Согласно мысли Энгельса, диалектический метод может быть применен в логической или исторической форме. Логическая форма этого метода была реализована как в рецензированной Энгельсом работе, так и в «Капитале» в первых трех его томах. Но в 1861—1863 гг. К. Маркс создал «Теории прибавочной стоимости», которые составили «историко-литературную» книгу «Капитала». Здесь он дал критический анализ истории политической экономии начиная с середины XVIII ст. Таким образом, Маркс в известной мере реализовал обе формы диалектического метода, о которых писал Энгельс.

Своеобразие предмета истории политической экономии наложило печать на диалектический метод К. Маркса и изучение его специфики, имело большое значение для разработки проблем философской методологии.

Но если о методе «Капитала» написано много работ, то «Теории прибавочной стоимости» исследованы значительно меньше. Наиболее детально рассмотрел социологический аспект этих теорий Г. В. Старк в монографии «Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса». Гносеологическое содержание исследования Маркса в его единстве и противоречии с идеологической функцией буржуазной политической экономии на протяжении всей ее истории прослеживается в работе В. С. Афанасьева «Этапы развития буржуазной политической экономии. (Очерк теории)». Некоторые важные стороны диалектического метода К. Маркса исследованы в работе Г. А. Багатурия и В. С. Выгодского «Экономическое наследие Карла Маркса», во второй части которой («Марксов метод экономического исследования») на фоне всей Марксовой концепции рассматриваются также отдельные стороны методологического содержания «Теорий прибавочной стоимости».

Опираясь на эти и другие исследования наследия К. Маркса, мы ставим цель найти общий подход к изучению метода, применяемого в данной работе, наметить хотя бы схематично его контуры.

В качестве исходной для уяснения такой цели взята идея В. И. Ленина, которую он сформулировал в «Философских тетрадях»: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма» [29, с. 301]. Единство трех философских наук составляет наиболее характерную черту метода Маркса в целом — как в логической, так и в исторической форме. Однако своеобразие предмета отражается и на своеобразии (форме) метода. Если в логическом методе гносеология, логика и диалектика даны в единстве, но с доминированием логического аспекта метода, с преобладанием логики (или диалектики, поскольку у К. Маркса рабочим является термин «диалектика»), то в исторической форме диалектического метода тоже существуют в единстве все три названные науки. Однако значительно больший удельный вес имеет та из них, которая наиболее близко стоит к предмету исследования, к специфической истории познавательного процесса (как он выразился в истории политической экономии) — а именно — марксистская теория познания, гносеология. В постижении данного

предмета методологическую роль играют законы и категории всех названных наук, хотя и в специфической форме.

Чтобы определить эту роль законов и категорий теории познания, логики и диалектики, выяснить их методологическую функцию, надо знать цель, которая преследуется при изучении предмета. Цель, которую ставил перед собой и подробно обосновал К. Маркс,— обнаружение исторического, преходящего, временного характера капитализма. Нужно было доказать, что капиталистический способ производства не вечен, не абсолютен, как полагали буржуазные политико-экономы, а преходящ; при определенных условиях и в известное время он уступает место более развитой общественной форме. Это *основная цель* исследований Маркса. Помимо нее есть множество частных целей, но все они подчинены главной цели.

Такая цель может быть достигнута прежде всего и главным образом через применение диалектики и ее *основных законов*. Они позволяют выяснить качественно-количественную специфику данного общественного строя, его своеобразную меру, противоречие как движущую силу, которая гонит капитал за его собственные пределы, общие границы его возникновения и исчезновения.

Эту цель и способствующую ее достижению функцию диалектики мы подробно исследовали в нашей работе о «Капитале» [1978]. Основной остается такая цель и в «Теориях прибавочной стоимости». Однако здесь обнаруживается то обстоятельство, что в теоретической части «Капитала» в обобщенном виде представлена теория самого реального капитала; исторические сведения «сосланы в примечания». В «историко-литературной» же части капитал исследуется через отражение его в истории политической экономии, представляющей специальный познавательный процесс — историю познания экономических отношений буржуазного общества.

Не упуская из виду основную цель исследований Маркса, посмотрим, какую форму примет здесь применение диалектики в качестве метода. Очевидно, она будет определяться тем, насколько буржуазные политико-экономы проникли в качественную и количественную специфику капитала, насколько постигнута ими мера капиталистического способа производства. Далее, диалектический метод в исторической форме требует уяснения того, как совершается развитие экономической мысли, в

какой мере осознают мыслители исторические границы капитала и осознают ли вообще, что капитал является отрицанием феодализма и сам подвергается отрицанию со стороны социализма. Результат всего этого — выход К. Маркса за пределы буржуазной политической экономии, постижение ее как исторически преходящей формы познания капиталистического способа производства.

Анализ текстов «Теорий прибавочной стоимости» показывает, что указанные подходы к истории политической экономии — самые основные линии ее критики. Они выражают приложение основных принципов или законов диалектики к истории данной науки. Эта критика наряду и в связи с изучением реальной истории капитализма является для К. Маркса одним из теоретических источников логики его «Капитала».

Таким образом, диалектика в методологической функции — необходимое условие для обнаружения историчности объекта и его отражения в знании, необходимое, однако недостаточное условие. Капитал, как и всякий иной предмет объективного мира, категориально полностью определен; для его постижения необходима вся полнота логических форм мышления, категорий. Речь идет и о тех категориях, которые составляют специфику данного предмета исследования (товаре, деньгах, прибавочной стоимости, прибыли, ренте и т. д.), и о философских категориях, составляющих предмет логики. Без философской логики невозможно познание такого предмета, хотя бы потому, что ступени познания — непосредственная видимость, явление, сущность и т. д.— отличаются от их категориальной определенности.

Однако логики также недостаточно; если речь идет об истории познания, то особенно очевидной становится необходимость иметь определенную гносеологическую концепцию, для которой категории и их общая структура являются опорными пунктами или вехами и которая позволяет должным образом оценить познавательный процесс. Даже если мы не даем изложение истории предмета и его познания, последние все же предварительно должны быть изучены, ибо сам предмет — результат исторического развития, а его теория должна учитывать опыт познания предшественников. Поэтому гносеология является непременным компонентом диалектического метода — в соединении с логикой и собственно диалектикой.

Внутренняя связь компонентов метода может быть описана следующим образом. Законы диалектики — это определенные формы связей между категориями. Так, закон перехода количественных изменений в качественные есть необходимая связь категорий качества, количества, меры, безмерного и некоторых других, более специальных. «Ядро диалектики» включает в себя категории единства, отрицания, противоположности, в свою очередь поляризующей на категории положительного и отрицательного и т. д. Наконец, закон отрицания отрицания является связью таких абстрактных (но фундаментальных в диалектике) категорий, как бытие, отрицание и некоторые другие, подчиненные им.

Связь диалектики и категорий носит закономерный характер. Закон взаимоперехода качества, количества и меры организует логическое, категориальное знание целой сферы действительности (бытия), которая предшествует ее познанию как раздвоенной на явление и сущность. Закон противоречия является принципом второй ступени развития логических категорий — ступени сущности. Закон отрицания отрицания есть закон всей системы категориального осмысления, выражаемого в понятии. Действительно, понять что-либо, например капитал, значит постичь, как он возникает из отрицания предыдущей стадии развития, как развивается, проходя ряд фаз, и сам, в свою очередь, подвергается отрицанию. Поскольку понятие предмета предполагает прослеживание его развития от начала до конца, оно предполагает постижение всех категориальных определений, структура которых обусловлена принципом отрицания отрицания. Таким образом, три закона диалектики дают не просто три примера связи диалектики и категорий, а образуют форму всей философской логики, всей системы категорий — ее метод. Диалектика есть метод философской логики.

Далее важно уяснить характер связи категорий с гносеологией — системой субъект-объектных (познавательных) отношений,— иначе говоря, с формами осознания бытия (или формообразованиями сознания). Какую функцию выполняют категории в познавательном процессе? Здесь необходимо различать два плана методологического функционирования категорий: их отношение к философской теории познания; отношение категорий к конкретному познаваемому предмету.

Относительно этой связи прежде всего отметим, что предмет философской логики является «предметом вообще», во всей полноте его категориальных определений. Чтобы создать такую логику, надо всесторонне познать «предмет». Познание осуществляется в истории философии или истории познания в целом (теория последнего и выступает гносеологией). Через историю (в качестве результата и резюме) получаются общие категории. Она — основание и логика, и диалектика. Категории как знания определений предмета опосредованы ею. Таким образом, категории, в свою очередь, должны преломляться в гносеологии и через нее соединяться с анализируемым предметом. Как и в предыдущем случае, здесь гносеологический уровень исследования удвоен: предмет — познание и средство — определенное знание о самом знании, его законах и т. д.

Но это генетическая сторона связи гносеологии и категорий. Гносеологическая функция категорий относительно форм осознания бытия основывается на том, что объективные общие определенности вещей, отражаемых в категориях, образуют содержание познавательного процесса. Обсуждая план диалектики (логики) Гегеля, В. И. Ленин указывал: «Качество и ощущение (Empfindung) одно и то же, говорит Фейербах. Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в *нем* неизбежно и *качество*» [29, с. 301]. Аналогичное можно сказать и о других категориях. Мы воспринимаем также величину предмета, его меру, явление, представляем или воображаем его сущность, закон и т. п., будучи принятыми в сферу мышления, они дают категории. Все общие категориальные определенности образуют содержание познания, а в их связи — структуру познавательного процесса, которая внутренней диалектикой своего содержания направляет, ориентирует, определяет основные линии и тенденции познания. Отраженное в мышлении содержание дает логику — связь категорий, которая вследствие своей укорененности в познавательном процессе, с одной стороны, есть, «итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [Ленин, 29, с. 84]. С другой стороны, при исследовании процесса познания, в оценках его закономерностей она является методологическим средством. Таким образом, в познании диалектика содержания объекта направляет процесс его постижения; а отраженное в категориях и за-

копах содержание играет важную методологическую роль. Поскольку познание невозможно без использования категорий (логики в целом), так как нечем было бы воспринимать и переводить в сознание общее содержание предмета, логика вообще выполняет методологическую функцию в познании.

Наконец, если предметом становится история познания капитала, то ее критическое исследование предполагает общегносеологическую концепцию, без которой мы не можем судить об этой истории. В свою очередь, последняя состоит из генетического ряда теорий (в нашем случае — теорий меркантилистов, физиократов, А. Смита, Д. Рикардо, Джемса Милля и других), создатели которых, строя теории капитала, использовали свои представления о методе, логике и закономерностях познания. Им противостоит метод К. Маркса.

При исследовании конкретного предмета указанная гносеология в более или менее разработанном виде уже предполагается. Особенно она необходима, если предметом познания становится само познание, в данном случае — история познания капиталистического способа производства. «Чистое описание» предмета могло бы попытаться обойтись без гносеологии. Критический ее анализ требует определенной концепции в качестве эталона или масштаба для характеристики, отделения ее позитивных результатов от «издержек познания».

Специфический характер приобретают категории в качестве познавательных средств конкретного предмета. В общем виде эта специфика состоит в следующем: если законы диалектики — формы связи общих категорий, то общие категории — формы связи конкретных определенностей предмета, или конкретных категорий. Оценивая те или иные идеи, положения, концепции экономистов, К. Маркс постоянно использует категории философии в такой их функции. Например, обсуждая противоречие между законом стоимости и одинаковой прибылью у неодинаковых по своему строению капиталов, он пишет, что Торренс стремится само *явление* представить как *закон* явления, то есть не учитывает противоречивого соотношения явления и сущности [См.: 26, ч. 3, с. 68]; аналогично С. Бейли цепляется за *«непосредственное явление»*, согласно которому стоимость товара A выражается в определенном количестве потребительной стоимости

товара *B*; Бейли не доходит до сущности стоимости [См.: Там же, с. 141]; Мак-Куллах не только отказывается от основы рикардовской политической экономии, но идет еще дальше и разрушает основу самой этой основы, распространяя понятие труда на процессы природы [См.: Там же, с. 180]; у Шербюлье констатируется *существование* прибыли, но ничего не говорится о ее сущности [См.: Там же, с. 387]; в проценте «форма капитала становится все более отчужденной и все менее связанной с его внутренней *сущностью* [Там же, с. 488].

В положительном изложении К. Маркс также характеризует связи конкретных экономических категорий при помощи категорий философских. Так, он пишет: «Капитал есть основание, прибыль — следствие, капитал — причина, прибыль — действие, капитал — субстанция, прибыль — акциденция» [Там же, с. 507]. Для обозначения собственности, исключающей другую собственность, К. Маркс использует категорию для-себя-бытия капитала [См.: Там же, с. 496]; прибыль отличается от прибавочной стоимости «по субстанции, т. е. здесь количественно» [Там же, с. 506]. Непосредственное отождествление вещных свойств и производственных отношений есть «форма его (капитала.— *Авт.*) действительности, или, точнее, форма его действительного существования» [Там же, с. 507]. К. Маркс показывает, что «из всего лишь количественного деления получается качественное расщепление» [Там же, с. 518].

При обсуждении Марксовой концепции истории политической экономии мы рассмотрим связь категорий философии и политической экономии более конкретно, здесь же подчеркнем, что они (категории) выполняют синтетическую функцию, подобно тому как законы диалектики выполняют данную функцию по отношению к самим категориям. Как формы синтеза последние были подробно исследованы Кантом, в чем большая его заслуга перед методологией. Однако, исследуя чисто философский аспект проблемы, Кант соотносил категории только с чувственными данными — явлениями. Вследствие этого многоступенчатость методологических функций различных уровней мышления выпала из его анализа. Мы видим, что высшим из таких уровней является методологическая роль диалектики относительно логики, далее следуют категории как методологические средства для осмысления

понятий конкретных наук, в данном случае — политической экономии. Как формы синтеза таких понятий они задают общие ориентиры определения связей предмета, для поисков и обнаружения закономерностей конкретного предмета. В свою очередь, поиски организуются содержанием предмета и методологическими средствами в целостный процесс познания, осмысление путей которого требует гносеологической концепции.

Если диалектика дает общее направление исследованию капитала (вскрывает его исторически преходящий характер), то исследование категорий, подчиняясь основной цели, дает отдельные «блоки»; диалектика достраивает их до логики предмета, до системы категорий, а гносеология указывает путь познания, на котором совершается такое достраивание. Следовательно, мы получаем цепочку: диалектика — логика — гносеология — история познания — конкретная теория и методология — предмет исследования. Диалектика доходит до предмета, смыкается с ним через опосредующие звенья.

В этой цепочке первые три звена образуют методологический инструментарий по отношению к истории политической экономии в целом и ее отдельным звеньям в частности. Они образуют органическое единство. В данном единстве они применяются К. Марксом как в «Капитале», так и в «Теориях прибавочной стоимости». Основная цель диалектического метода достигается исследованием истории познания и ее гносеологической квалификацией через организацию логического процесса и его категорий и доведение исследования до предельных оснований, вскрываемых с помощью принципов диалектики.

Таким образом, гносеология — крайнее методологическое звено, которое соединяет всю совокупность познавательных средств с историей познания и ее предметом. Поэтому анализ необходимо начинать с исследования процесса познания, чтобы затем, подымаясь к логическим и диалектическим функциям метода К. Маркса, достичь основной цели, о которой говорилось выше.

Гносеологический анализ истории политической экономии

Еще до написания рукописей 1861—1863 гг. у К. Маркса полностью сложились как философское понимание действительности, так и представления о методе

научного исследования. К анализу пути познания, пройденному буржуазной политической экономией, он подходил с позиции разработанной им диалектико-материалистической теории познания, использовал ее принципы в качестве методологического средства оценки глубины, этапов и закономерностей данного пути. Можно выделить методологические основоположения, которые были структурообразующими принципами гносеологической концепции К. Маркса. Эти основоположения таковы: познание идет от «непосредственной видимости» к раздвоению предмета для познания на явление и сущность и от него — к их единству; явление (или видимость) есть обнаружение сущности; явление и сущность образуют единство противоположностей; последние, поскольку они исключают друг друга, могут быть в единстве только благодаря промежуточным звеньям; путь познания, его глубина и закономерности определяются как общими закономерностями познания, так и развитием самого предмета, а также той социальной позицией, которую занимает мыслитель; достигнутый уровень освоения предмета может или соответствовать обыденным представлениям и концепциям политико-экономов, или противоречить им, знаменуя совпадение или разрыв гносеологической и идеологической функций науки [1].

История политической экономии в теоретико-познавательном плане делится у К. Маркса на основные этапы. Эти этапы таковы.

1. Меркантилизм — исследование обращения, т. е. внешности, поверхности буржуазного общества.

2. Физиократы перенесли исследование из сферы обращения в сферу производства. Тем самым они, по словам К. Маркса, «заложили основу для анализа капиталистического производства» [26, ч. 1, с. 14]; они исследуют прибавочную стоимость в непосредственной форме, отождествляя ее с рентой, ответвления которой — промышленная прибыль и процент. Физиократы «в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*. Эта-то заслуга и

---

[1] Соотношение этих функций научного знания, его историческое развитие через ряд этапов подробно исследованы в работе В. С. Афанасьева [См.: 1971].

делает их настоящими отцами современной политической экономии» [Там же, с. 12].

3. А. Смит достраивает политическую экономию до системы, в которой соседствуют два плана исследования, не соотнесенные друг с другом закономерно,— явления и сущности. Смит не постигает ни противоречия между ними, ни их внутренней связи.

4. Д. Рикардо в основу всей политической экономии кладет закон стоимости и к этой основе или сущности сводит весь являющийся мир буржуазного общества.

5. Вульгарная политическая экономия абсолютизирует явление, видимость и отказывается от сущности — закона стоимости, открытого и разработанного классиками политической экономии.

Такова общая схема познания капитала в истории буржуазной политической экономии. Рассмотрим конкретней ее отдельные этапы.

Поскольку специальный предмет исследования — теории прибавочной стоимости,— а последняя возникает в сфере производства, меркантилистская система остается за пределами Марксова анализа (если не считать краткого очерка о Джемсе Стюарте, который отчасти научно воспроизвел эту систему, но одновременно ввел различие между положительной и относительной прибылью, имевшее определенное значение для действительного исследования ее происхождения). Характерная черта меркантилистов в развитии познания капитала состоит в том, что они ограничивались сферой обращения, выступающей по отношению к производству явлением, видимостью, внешностью.

Напротив, физиократы от видимости перешли к сущности капиталистического способа производства и сделали первый шаг в ее познании, открывая прибавочную стоимость в земледелии — «первичной отрасли производства» [Там же, с. 14]. Их открытие объясняется прежде всего уровнем социально-исторического развития; они отражали «противоречия капиталистического производства того периода, когда оно, высвобождаясь из недр феодального общества, пока еще только дает самому́ этому феодальному обществу буржуазное толкование, но еще не нашло своей собственной формы; подобно тому как философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает ре-

лигию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере» [Там же, с. 23].

Но есть и «гносеологический корень» данного явления. В земледельческом труде производство прибавочной стоимости «выступает в материально осязательном виде и обнаруживается помимо процессов обращения» [Там же, с. 18]; поэтому «когда речь заходит о том, чтобы показать, что прибавочная стоимость создается в сфере самого производства, то необходимо прежде всего обратиться к той отрасли труда, где она выступает наружу независимо от процесса обращения, т. е. к земледелию» [Там же, с. 21]. Здесь непосредственно видно созидание сущности капиталистического общества. К. Маркс противопоставляет такому труду промышленность, в которой «непосредственно не видно вообще ни того, что рабочий производит свои жизненные средства, ни того, что сверх них он производит еще избыток» [Там же, с. 14].

Таким образом, физиократы стояли на точке зрения непосредственной видимости (в отличие от меркантилистов, видимости уже в сфере не обращения, а производства), они подошли к сущности, основе капиталистического общества. Однако здесь важно иметь в виду те пары категорий, которые еще Гегель связывал с сущностью. Их К. Маркс многократно употребляет в исследовании. Эти пары — форма и сущность, форма и материя, форма и содержание. Физиократы исследуют сущность, но в особенной форме, отождествляя ее со всеобщим: *«Земельная рента...* является для них *всеобщей формой прибавочной стоимости»* [Там же, с. 18]. Физиократы исследовали материю, не отделяя ее от исторической формы; поэтому они условия производства капитала изображали в виде вечных естественных законов [См.: Там же, с. 20]. Неотчлененность вещественного содержания и общественной формы производства привела их к отождествлению стоимости с веществом природы, они не различали конкретный и абстрактный труд и т. д.

В целом в тексте Маркса о физиократах, с интересующей нас точки зрения, проводятся два положения. Во-первых, везде подчеркивается мысль о непосредственной видимости, на которой они стояли. Во-вторых, отмечает К. Маркс, физиократы заложили основу для анализа бур-

жуазного общества, дали анализ капитала. Иначе говоря, К. Маркс пишет об основе, об открытии ими сущности капитала — прибавочной стоимости. Видимость и сущность противоположны друг другу, однако это не значит, что физиократы поняли данное отношение. Для них эти уровни действительности еще не стали противоположностями: физиократы исследовали непосредственное единство видимости и сущности. Характеристики, которые дает К. Маркс,— это оценка позиции и места учений физиократов в истории политической экономии с точки зрения диалектико-материалистического метода. Отмеченное единство Гегель называл «существованием»; применительно к данному случаю оно оправдано, так как существование сущности капиталистического производства физиократы действительно открыли, хотя и в вещественной форме, в особенной форме земельной ренты.

Если иметь в виду категориальную определенность сущности капитала, то глубина проникновения физиократов в сущность может быть «измерена». Схематически она может быть представлена так: качество — прибавочный продукт; количество — определенная его величина; количественное отношение — излишек произведенного над потребленным; форма количества (индифференция, т. е. безразличие к определенному полезному характеру труда) — стоимость; сущность — прибавочная стоимость; основа стоимости — абстрактный труд. Первые три определенности капитала у физиократов есть, три последние отсутствуют. Углубление в исследование привело к раздвоению капитала на явление и сущность, которое характеризует ступень познания, достигнутую А. Смитом.

В отличие от физиократов «Смит уловил истинное происхождение прибавочной стоимости» [Там же, с. 53], сведя ее к труду вообще. К. Маркс пишет, что «у А. Смита стоимость создается всеобщим общественным трудом,— в каких бы потребительных стоимостях он ни был представлен,— создается исключительно только количеством необходимого труда» [Там же, с. 60].

Таким образом, по сравнению с предшествующей стадией анализа намечается, с одной стороны, движение от особенного к всеобщему и от явления к сущности, а с другой — от качества к количеству. Если у физиократов прибыль и процент выводились из земельной ренты (из превращенной или производной формы прибавочной стои-

мости), то Смит, наоборот, прибавочную стоимость «понимает как *всеобщую категорию,* по отношению к которой прибыль в собственном смысле и земельная рента составляют только ее ответвления. При этом, однако,— замечает Маркс,— он прибавочную стоимость как таковую не отделил, в виде особой категории, от тех особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте. Отсюда у него — а еще больше у Рикардо — много ошибок и недостатков в исследовании» [Там же, с. 56].

Наряду с углубляющейся в сущность капитала тенденцией у Смита представлена и противоположная точка зрения. Маркс указывает, что, с одной стороны, Смит рассматривал стоимость товара как источник прибыли, ренты и заработной платы; с другой стороны, он выводил образование стоимости из сложения заработной платы, прибыли и ренты. Первая точка зрения преобладает в 6-й главе его «Богатства народов», вторая — в 7-й [См. : 26, ч. 2, с. 380—381]. Вторая точка зрения «ближе к эмпирической видимости и к обыденному представлению» [26, ч. 1, с. 72]; Смит подходил к вопросу с двух противоположных сторон. Двойственность характеризует всю его систему. У него два определения стоимости, он понимает прибавочную стоимость как всеобщую категорию, но одновременно смешивает, отождествляет ее с прибылью; у него двойственное понимание соотношения между прибавочной стоимостью и доходами и т. д.

Двойственность позиции Смита и проистекающие из нее порочные круги, противоречия и т. д.— свидетельство того, что для него предмет исследования (капиталистический способ производства) раздвоен, что он изображает противоположные стороны его — явление и сущность,— но не сводит их в единство. Такого понимания еще не было у физиократов, по крайней мере в развитой форме: у них одно непосредственно выступает и противоположным; так, земельная рента есть прибавочная стоимость, и наоборот. У Смита они не равны, но также не разделены и не соотнесены последовательно. Вследствие этого Смит воспроизводит отдельные элементы физиократии, отождествляет прибавочную стоимость и прибыль и т. д. [См. : Там же, с. 32—33, 63—68]. Столь своеобразная черта учения А. Смита делает ее особенной ступенью познания в истории буржуазной политической экономии, ступенью, осмы-

сление которой имеет значение и для общей теории познания.

Оновные гносеологические особенности учения А. Смита в изображении К. Маркса таковы. Прежде всего, «у А. Смита политическая экономия развилась в некоторую целостность, охватываемая ею область получила до известной степени законченные очертания, так что Сэй мог изложить ее плоско-систематически в школьном учебнике» [26, ч. 2, с. 177]. Целостность, о которой пишет К. Маркс, относится к полноте исследуемого предмета, а не к его методу. «Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем» [Там же].

У Смита все проявления двойственности основываются на раздвоении видимости и внутренней связи, которое проходит через всю его систему. Однако дело и в другом. «Оба эти способа понимания,— пишет К. Маркс,— из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать, в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе.., — оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат» [Там же]. Согласно мысли Маркса, такое понимание имело оправдание, потому что задача, стоявшая перед Смитом, была двоякой. С одной стороны, он пытался «проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит стремился: отчасти — впервые описать проявляющиеся внешним образом жизненные формы этого общества, изобразить его внешне проявляющуюся связь, а отчасти — найти еще для этих явлений поменклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т. е. отчасти — впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления» [Там же, с. 178].

Поскольку именно Смит придал политической экономии известную целостность, ему пришлось описать, классифицировать и т. д. целый ряд явлений, чтобы достичь определенной полноты в изображении предмета исследования. Здесь он выступал не только в качестве теоретического мыслителя, но и как эмпирик, собирающий и описывающий факты. «Одна работа интересует его в такой же степени, как и другая, и так как обе они протекают независимо друг от друга, то здесь получается совершенно противоречивый способ представления: один взгляд более или менее правильно выражает внутреннюю связь, другой же,— выступающий как столь же правомерный и без всякого внутреннего взаимоотношения с первым способом понимания, без всякой внутренней связи с ним,— выражает *внешне проявляющуюся* связь» [Там же].

Отметим некоторые моменты гносеологических особенностей смитовской концепции, так блестяще описанной К. Марксом. Во-первых, на конкретном историческом материале здесь подтверждается действительное существование той стадии познания, которая в абстрактно-логической форме была описана Гегелем в «Науке логики» в разделе «Являющийся мир и в себе сущий мир». В концепции А. Смита наличествуют противоречие не отдельных явлений капиталистического способа производства и существенных оснований, не частные его примеры, а два мира, охватывающих предметную область целой науки — системы политической экономии.

Во-вторых, та наивность, с которой движется Смит в постоянном противоречии, пронизывающем его систему, означает, что сам он не осознавал этого противоречия. По-видимому, такое безразличие двух сфер действительности должно быть ступенью и в философской теории познания, ибо прежде чем исследовать диалектику — «внутреннее взаимоотношение» — явления и сущности, последние должны быть даны или выведены из предшествующего движения познания. Гегель в «Науке логики» вывел их из «растворения вещи»: поскольку вещь внутренне противоречива, считал он, она преходяща, появляется и исчезает, превращается в другую вещь, эта — в третью и т. д.; иначе говоря, вещь есть явление. Вся действительность раздваивается благодаря такому движению

на два уже указанных «мира», между которыми затем вскрывается «существенное отношение».

В отличие от логики, в которой безразличие противоположных миров образует лишь момент общего логического процесса, в истории познания, как видно на примере учения Смита, оно становится устойчивой особенностью целой системы. Это противоречие собственной концепции А. Смита было открыто его преемником Д. Рикардо.

К. Маркс отмечал, что первые две главы его основной работы «содержат всю его критику предшествующей политической экономии, решительный разрыв с присущим А. Смиту и пронизывающим все его произведение противоречием между эзотерическим и экзотерическим способом рассмотрения» [Там же, с. 182]. Осознание данного противоречия и способ, метод его разрешения составляют сущность рикардовской политической экономии как новой ступени познания капитала. «Метод Рикардо,— пишет К. Маркс,— состоит в следующем: Рикардо исходит из определения величины стоимости товара рабочим временем и затем *исследует, противоречат* ли прочие экономические отношения (прочие экономические категории) этому определению стоимости, или в какой мере они модифицируют его» [Там же, с. 177].

Задача, поставленная Рикардо, состояла в исследовании противоречия «между видимым движением системы и ее действительным движением» [Там же, с. 178], в обнаружении того, насколько остальные категории политической экономии, даже самые развитые, «соответствуют той основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества, и которая образует исходный пункт науки» [Там же]. Поскольку сущность (внутренняя связь) составляет основу явления, после обнаружения их противоречия необходимо было лишить явление самостоятельности, свести его к сущности. Это и сделал Рикардо. Его метод К. Маркс называл методом сведения в отличие от своего собственного — метода выведения.

Подобное сведение является необходимой ступенью всякого познания именно в силу несамостоятельности явления, его производности от сущности. Такого рода процесс был описан Гегелем в «Науке логики» в параграфе под названием «Разложение явления», который предва-

ряет раздел «Существенное отношение». Именно общей значимостью сведения определяются «историческая правомерность такого метода, его научная необходимость в истории политической экономии» [Там же, с. 177]. К. Маркс связывал с ним «великое историческое значение Рикардо для науки», хотя хорошо видел научную недостаточность его метода [См.: Там же].

Основной недостаток метода Рикардо К. Маркс усматривал в том, что «этот метод перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается *непосредственным* образом доказать совпадение экономических категорий друг с другом» [Там же, с. 177]. Более развитая категория (например, общая норма прибыли) на первый взгляд противоречит закону стоимости, и поэтому «ее существование...— по Марксу,— надлежит еще вывести [entwickeln] при помощи целого ряда посредствующих звеньев,— выведение, весьма отличное от простого подведения под закон стоимости» [Там же, с. 187—188].

Метод посредствующих звеньев, требующий исследовать развитие сущности к внешним формам ее проявления, стал для К. Маркса мощным средством дальнейшего развития политической экономии. Это естественно: поскольку явление и сущность — противоположности, они никак не могут быть согласованы, приведены в соответствие непосредственным образом. Они образуют противоречие, а прогресс познания состоит не только в его обнаружении, но и в его разрешении. По сути дела в системе Рикардо проблема разрешения противоречий стала центральной. Он решил ее лишь частично, односторонне, сводя явления к сущности. Не менее важной была другая сторона проблемы — выведение, развитие явления из сущности. Она оказалась под силу только диалектическому методу К. Маркса. Эта сторона его исследования должна стать стимулом для постановки и разработки проблемы опосредования в философской теории познания.

Таким образом, если для исследований Рикардо характерен метод сведения, то для учения К. Маркса — метод выведения. Несмотря на всю их противоречивость, между ними есть и общее, а именно: тот и другой метод основывается на несамостоятельности форм явления по отношению к основе или сущности. Рикардо доказывал это тем, что прибыль или рента не противоречат закону стоимости, что в них нет содержания, которое противо-

стояло бы данной основе, вследствие чего они по своему содержанию растворяются в ней. К. Маркс доказывает это иным способом — выводя прибыль, ренту, процент из прибавочной стоимости, развивая их из нее как следствие, акциденцию и т. п.

В абстрактном виде есть также третья возможность — *свести* все содержание, сущность капитала к явлению, видимости. С познавательной точки зрения кажется невозможным такого рода сведение. Тем не менее оно было реализовано в послерикардовской — вульгарной — политической экономии. «Вульгарные экономисты...— писал Маркс,— фактически переводят [на язык политической экономии] представления, мотивы и т. д. находящихся в плену у капиталистического производства носителей его, представления и мотивы, в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости» [26, ч. 3, с. 471]. Мы уже приводили примеры Торренса, который само явление представлял как закон явления, а также Бейли, останавливающегося на непосредственном явлении — количественном отношении товаров; у него «отпадает... проблема самой категории стоимости» [Там же, с. 148]. Мак-Куллох не только отказался от основы политической экономии — закона стоимости,— но и разрушил «основу самой этой основы» — труд как основу стоимости [См.: Там же, с. 180]. К. Маркс принципиально отличал «высказывание вульгарных представлений... от стремления таких политико-экономов, как физиократы, А. Смит, Рикардо, понять внутреннюю связь явлений» [Там же, с. 471].

Сведение сущности к явлениям, непосредственной видимости, разрушение основы политической экономии произошли не вследствие гносеологических противоречий, трудностей познания, а по социальным причинам. Вульгарная политическая экономия выступила в условиях, при которых классическая ее стадия «разрушила, расшатала своим анализом свои собственные предпосылки, когда... уже существует также и антитеза политической экономии в более или менее экономической, утопической, критической и революционной форме» [Там же, с. 526]. К. Маркс объясняет это тем, что развитие политэкономии и ее антитезы «идет нога в ногу с *реальным* развитием присущих капиталистическому производству общественных противоречий и классовых битв» [Там же].

Вульгарный элемент был присущ всей буржуазной политической экономии, поскольку ее представители не могли полностью познать сущность, законы данного типа производства. Но для развития реальных общественных противоречий они не имели самостоятельного значения. «Только после того как политическая экономия достигла известной ступени развития и отлилась в устойчивые формы,— т. е. после А. Смита,— от нее отделяется, как особый вид политической экономии, тот элемент в ней, который есть всего лишь воспроизведение внешнего явления в качестве представления о нем,— отделяется ее вульгарный элемент» [Там же]. Основной функцией этой науки становится не познание капитала, а апологетика. Вместо познавательной стороны в ней начинает доминировать идеологическая. Следовательно, от «гносеологии» к «идеологии» (и апологетике) — таков путь развития буржуазной политической экономии. Это движение глубоко раскрыто в упоминавшейся уже работе Афанасьева, и мы не будем говорить о нем специально. Отметим лишь гносеологический аспект проблемы. Завершая анализ вульгарной политической экономии, К. Маркс писал: «Все данное выше изображение рикардианской школы показывает, как разложение этой школы происходит по двум пунктам: 1) Обмен между капиталом и трудом соответственно закону стоимости; 2) Образование общей нормы прибыли. Отождествление прибавочной стоимости и прибыли. Непонятое отношение между стоимостями и ценами издержек» [Там же, с. 244].

Первый из указанных пунктов означает, что экономисты не поняли, как на основе закона стоимости возникает прибавочная стоимость — сущность капиталистического способа производства, не поняли происхождения этой сущности, а значит, и ее содержания.

Второй пункт касается соотношения сущности (прибавочной стоимости) и ее проявлений (общей нормы прибыли, самой прибыли, цены издержек). Таким образом, разложение школы Рикардо проходило по основным проблемам теоретико-познавательного плана и было свидетельством тех гносеологических границ и того предела, который не смогла перейти буржуазная политическая экономия.

Обобщая все сказанное о развитии политической экономии, ее историю с гносеологической точки зрения суммарно можно представить следующим образом: мерканти-

листы вращаются в сфере внешней, поверхностной видимости; физиократы открывают сущность капитала, но в односторонней форме — они стоят на точке зрения непосредственной видимости, непосредственного единства видимости и сущности; в системе А. Смита явление и сущность рядоположны — они развились и обособились в являющийся и в себе сущий мир, их противоречия Смит не осознает; Д. Рикардо открывает данное противоречие и дает метод его разрешения — сводит явление к сущности; такое соответствие у него прямое, непосредственное, количественное (форма его не исследована); это не дает полного решения проблемы, ибо явление и сущность противоречат друг другу; разложение рикардианской школы и становление вульгарной политической экономии: снятие сущности и сведение ее к видимости.

Но у рикардовской системы есть и другое продолжение — марксистская политическая экономия, диалектика опосредования явления и сущности.

Таким образом, начиная с Рикардо, развитие политической экономии раздваивается; с одной стороны, дальнейшее ее развитие теоретиками буржуазии идет в сторону абсолютизации видимости; с другой стороны, с позиций рабочего класса — окончательное углубление в сущность и на этой основе — объяснение (выведение, развитие) видимости. Это две линии развития — сведение всего к видимости и выведение видимости из сущности. К. Маркс дал изображение противоречивого их единства, буржуазные экономисты стремились изобразить единство, гармонию буржуазных отношений без противоречий.

Следовательно, в своем развитии буржуазная политическая экономия с гносеологической точки зрения описала круг: она начала с видимости и закончила ею. Произошло отрицание отрицания. В данном пункте видна существенная разница между теорией и историей познания. Если в первой познание идет от явления к сущности и на этом процесс познания предмета завершается, то отмеченное расхождение характерно именно для истории; раздвоение общества на классы, развитие классовой борьбы порождают его. При этом в теоретической гносеологии процесс идет не от явления к сущности и от него — к видимости, а наоборот; если также учесть, что вначале предмет вообще не раздвоен для сознания, а дан непосредственно, в форме бытия, то мы получим две разные после-

довательности: бытие — видимость — сущность — явление; бытие — явление — сущность — видимость.

За исключением первого звена, последовательности обратные; они выражают различие теоретического и исторического анализов познания. Начало второй последовательности, в свою очередь, различно у самих экономистов, закладывающих основы политической экономии, и в Марксовом анализе таких основ. Для первых сначала еще не было раздвоения на видимость и сущность, поэтому здесь уместна категория бытия. Для К. Маркса, уже знающего весь дальнейший ход познания сущности явлений капитала, начало носит характер видимости. Получается круговое движение, обозначающее границы всей истории политической экономии буржуазии.

Названные последовательности категорий выполняют в исследовании К. Маркса регулятивную функцию; взятые вместе, в структуре, они образуют логическую систему координат, в рамках которой каждая ступень познания или каждая экономическая система в целом определяется той или иной категорией или их совокупностью, а через это находит свое место в общем процессе познания. Без общих категорий определить значение той или иной системы было бы нечем, мы имели бы хаос, а не порядок в постижении предмета. Аналогично действуют законы диалектики. На раздвоение единого как на способ его познания указывали Ф. Энгельс и В. И. Ленин [См.: Маркс К., Энгельс Ф., 13, с. 497—498; Ленин В. И., 29, с. 316]. Согласно принципам диалектики, познание идет от непосредственного единства явления и сущности к их раздвоению на противоположности и к постижению их опосредованной связи. Эта общая структура также определяет специфику достигнутой ступени, указывает на ее место в познавательном процессе, спиралевидный характер которого можно описать с помощью закона отрицания отрицания, определяющего общие границы — начало и конец — данного процесса.

В самих границах происходит постижение сущности, хотя только до известной степени. Уровень их понимания может быть определен только учитывая идею Ленина о сущностях разных порядков, о многоступенчатости сущности.

Развитие познания того или иного предмета означает прохождение им качественно различных ступеней. В ка-

честве таких общих ступеней К. Маркс выделил классическую и вульгарную политическую экономию. Мы видели, что первая в зависимости от глубины познания сущности капитала членится, в свою очередь, на ряд фаз развития. Развитие познания (и самого предмета) означает существование промежуточных звеньев. Если учесть, что сущность капитала — прибавочная стоимость, то можно выделить такие ступени: тождество прибавочной стоимости и земельной ренты (физиократы); распад прибыли на ренту и процент, вследствие чего прибавочная стоимость отождествляется с прибылью, которая, однако, характеризует капиталистический способ производства в его собственном определении: прибыль всегда есть, если есть капитал (А. Смит); фактическое (но бессознательное) различение прибавочной стоимости и прибыли у Д. Рикардо; исчезновение у вульгарных политико-экономов сущности (прибавочной стоимости) во всех ее видах.

Отмечая стремление классической политической экономии «свести различные фиксированные и чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству» [26, ч. 3, с. 525], К. Маркс указал основные стадии такого сведения. Рента и процент были сведены к прибыли. «Но прибыль сводится к прибавочной стоимости, так как стоимость всего товара сводится к труду» [Там же, с. 526]. Определение стоимости товара количеством содержащегося в нем труда является законом стоимости, образующим основу всей политической экономии. При этом данная основа не тождественна сущности капитала. Его сущность — не просто стоимость, а прибавочная стоимость. Такое несовпадение отражает тот факт, что историческая основа капитализма — товарное производство, в котором действует закон стоимости,— возникает задолго до капитализма и при последнем существенно модифицируется.

Спрашивается, где в выделенных Марксом ступенях сведения она начинается и где кончается? Во-первых, она оказывается относительной. Так, для ренты и процента сущность, источник, основа находятся в прибыли; но последняя, в свою очередь, производна от более глубокой сущности — прибавочной стоимости. Таким образом, прибыль в одном отношении есть ее проявление, ее превращенная форма, в другом — сущность. Аналогичное можно сказать и о прибавочной стоимости: ее сущность, или субстанция,— прибавочный труд, как и вообще субстан-

цией стоимости является труд. В этом отношении она — результат, проявление труда в определенной исторической форме, хотя сама есть сущность в отношении прибыли как формы своего проявления.

Указанная многоступенчатость сущности (и явления, поскольку они оказываются относительными) выражает отчасти развитие самих реальных общественных отношений, отчасти их постепенно совершающееся познание. «Разные порядки» имеет капитал в познании и до его раздвоения на явление и сущность, каким он дан первоначально в качестве непосредственного существования или бытия. Это имело место у физиократов. «Физиократы, которые впервые дают анализ прибавочной стоимости, рассматривают ее в ее натуральной форме» [Там же, с. 116], а порождающий ее труд — в «конкретной форме» [26, ч. 1, с. 29]. Содержательные определенности ее таковы: продукт труда есть потребительная стоимость — это его качество. Она имеет определенную величину — количество. Продукта производится больше, чем потребляется; таким образом, образуется излишек — количественное отношение. «Физической основой прибавочной стоимости является... «дар природы», который нагляднее всего выступает в земледельческом труде, удовлетворяющем первоначально почти все потребности» [26, ч. 3, с. 116].

Земельная рента является у физиократов всеобщей формой прибавочной стоимости, а промышленная прибыль и денежный процент — лишь вычетами из нее; последние определенными долями (количествами) переходят в руки других классов. У физиократов «субстанцией стоимости считался определенный, конкретный труд, а не абстрактный труд и его мера, рабочее время» [26, ч. 1, с. 19]. Поскольку конкретный и абстрактный труд у них еще не разделены, они еще не знают двух форм количества: различие количества потребительной стоимости и стоимости (меновой стоимости), которое лежит в основе раздвоения капитала на явление и сущность. На этой ступени развития также имеются градации определений капитала, членение его непосредственного бытия, в форме которого он был первоначально открыт, а в системах Смита и Рикардо углублен, хотя только до известных пределов.

Анализ К. Маркса показывает, каковы пределы познания буржуазной политической экономии. В начале «Теорий прибавочной стоимости» приводится такое общее за-

мечание: «Все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты» [Там же, с. 6]. Иными словами, как пишет К. Маркс в разделе об А. Смите, последний, хотя и понимал прибавочную стоимость как всеобщую категорию (по отношению к прибыли, проценту и земельной ренте), не отделил ее как таковую, в виде особой категории, от ее особенных форм [См.: Там же, с. 56].

Отсутствие у всех экономистов прибавочной стоимости в чистом виде, в виде особой категории, означает (поскольку рента, процент, прибыль характеризуют не только капиталистический способ производства, но и другие, более ранние общественные формы) неотграниченность у указанных мыслителей капитала от других способов производства, непонимание исторического характера капитала. Единство прибавочной стоимости вообще и ее конкретных форм в частности — это единство капиталистического производства с более ранними ее формами. Следовательно, выделить всеобщую категорию из ее конкретных форм означает определить границу рассматриваемого способа производства. При капитализме прибавочная стоимость вообще — основа, сущность ренты и т. д; другие, более ранние, формы подчинены капиталу, определяются им, а не рентой, процентом и т. д.

Таким образом, отсутствие категории прибавочной стоимости является показателем неисторичности понимания капитала. Эта граница — не просто выражение слабости познавательных способностей, а отражение их социально-исторической границы, их места в системе буржуазного общества. Тем самым учение классиков буржуазной политической экономии определяется как исторически преходящая форма осознания буржуазного общества. Особенность их учения состоит в том, что они не доходят до абсолютной сущности капитала, до его предельных оснований, не перешагивают их и потому остаются на точке зрения вечности капитализма, не видят его исторических границ. Обнаружить их смог только К. Маркс.

Итак, применение основоположений диалектико-материалистической гносеологии к истории познания капиталистического способа производства позволило К. Марксу достичь основной цели — обнаружить историчность самого этого познания в теоретико-познавательном плане.

Внутри такой исторически ограниченной формы познания совершается выработка и развитие содержания, которое резюмируется в категориях. «Разные порядки» непосредственной видимости, явления и сущности выступают именно категориями политической экономии, с каждой из которых соотносится общая категория, являющаяся специфическим предметом философской логики. Названные категории являются содержанием познавательного процесса. Взятые в целом, они — итог, вывод из истории познания. К анализу данных категорий мы и переходим.

Логические функции категорий в исследовании К. Маркса

Из всего богатого материала рукописи К. Маркса мы рассмотрим следующие вопросы: смысл термина «категория» в данной работе; исторические этапы становления категорий; историческое и логическое в категориях и их связях; соотношение конкретных и абстрактных (общефилософских) категорий; недостатки метода предшественников К. Маркса с точки зрения категоризации действительности.

Что касается функционирования термина «категория» в рукописи К. Маркса, то здесь подлежат рассмотрению такие вопросы: значение термина «категория»; соотношение категорий и понятий; понятие «категория» в целом; общий источник разных значений термина «категория».

Значений термина «категория» в текстах Маркса можно выделить несколько. Основные из них следующие: категория как совокупность или группа; категория-рубрика; категория — вид или род; категория как часть или подразделение; категория как синоним отношения.

Категория как совокупность или группа. Это значение наиболее употребительно в «Теориях прибавочной стоимости». Приведем несколько текстов, чтобы получить представление о таком значении категорий. К. Маркс пишет, что «мир товаров распадается на две большие категории: на одной стороне — рабочие силы. На другой стороне — самые товары» [26, ч. 1, с. 153—154]. В другом месте речь идет о категории товаров, средняя цена которых равна их стоимости [См.: 26, ч. 2, с. 31], или о категории товаров, у которой прибавочная стоимость не сов-

падает со средней прибылью [См.: Там же, с. 32]; четыре раза в этом значении употребляется термин «категория».

К. Маркс пишет также о «категории тех продуктов, которые входят, как жизненные средства, в потребление рабочего» [Там же, с. 72], о продукте «обеих категорий» (урожайного и неурожайного годов) [См.: Там же, с. 135]. Он постоянно употребляет данный термин, когда пишет о разных группах капиталистов (производящих средства производства, жизненные средства, предметы роскоши и т. п.): «*У категории капиталистов А*... создается прибавочный фонд для капиталиста» [26, ч. 3, с. 35]; «капиталист категории *А* располагает определенным количеством товара определенной стоимости» [Там же]. «Перейдем теперь,— пишет К. Маркс,— *к категории капиталистов В*, которая доставляет категории *А* сырье, машины и т. д.— короче, постоянный капитал» [Там же, с. 36]; «*А* и *В* можно... с полным правом рассматривать как одну категорию» (как одну группу) [Там же, с. 37]; «...категория *Д* продает свой продукт категориям *А* и *В*» [Там же, с. 39—40]; другие капиталисты могут «получать прибыль только путем продажи своих товаров двум первым категориям» (т. е. группам) «капиталистов» [Там же, с. 41]; «первая категория» (т. е. группа) «капиталистов» [Там же, с. 44]; *«третья категория покупателей»* [Там же]; «эта категория» (непроизводительных потребителей) «будет представлять в обществе потребление ради потребления, как класс капиталистов представляет производство ради производства» [Там же, с. 45]. К. Маркс говорит также о распределении прибыли «между различными категориями капиталистов» [Там же, с. 489], т. е. группами их, о том, что у вульгарных экономистов промышленный капиталист «попадает в одну категорию» (группу) «с наемным рабочим» [Там же, с. 515].

Во всех приведенных текстах термин «категория» не может быть заменен термином «понятие». Так, нельзя сказать, что мир товаров распадается на два больших понятия; речь идет о реальных товарах, а не об их понятиях. Но понятие товара у К. Маркса одно. Речь идет также о трех совокупностях товаров, а не о трех понятиях товаров. Аналогичное касается совокупности (а не понятия) продуктов, входящих в потребление рабочих, различных групп капиталистов, потребителей, покупателей и т. д.

Термин «категория» в этих случаях употребляется как сокращенное название множества «однородных» явлений — вещей или людей. Если речь идет о вещах (товарах и т. п.), то наиболее адекватным словом, которым можно заменить «категорию», является «совокупность»; если же речь идет о людях, то соответствующим термином выступает «группа». Гегель в смысле сокращения использовал термин «категория». Это весьма важно, ибо для понятия безразлично, много или мало вещей оно отражает, для категории же данное обстоятельство оказывается важным (по крайней мере — в рассматриваемых текстах).

Характерный оборот, употребляемый при категоризации товаров или производителей, у Маркса при этом таков: «товар *А* принадлежит (или относится) к...». Иначе говоря, предмет относится к определенной группе или совокупности. То же мы видели у Д. Брунера в его понимании категорий.

Категория-рубрика. Это значение рассматриваемого термина также содержится во многих текстах. Приведем несколько примеров. К. Маркс пишет, что «*при данной стоимости товара* те различные части, на которые может быть *разложена* эта стоимость, принадлежат к категории либо накопленного труда (постоянный капитал), либо заработной платы, либо прибыли, либо ренты» [26, ч. 2, с. 347]; рента с лесов «относится к той же категории», т. е. рубрике, что и рента с лугов [См.: Там же, с. 398]; заработная плата и прибавочная стоимость суть «две категории, на которые, по Рикардо, распадается стоимость товара или сам продукт» [Там же, с. 462]; «...из того, что «вся масса произведенных товаров» представляет собой один и тот же фонд — фонд производства и фонд потребления, фонд предложения и фонд спроса, фонд капитала и фонд дохода,— отнюдь не следует, что безразлично, как весь этот совокупный фонд распределяется между этими различными категориями», т. е. рубриками [26, ч. 3, с. 56].

К. Маркс довольно часто употребляет термин «рубрика». «Процент,— пишет он,— непосредственно предполагает не прибавочную стоимость, а *прибыль*, частью которой, отнесенной в особую категорию, особую рубрику, он всего лишь и является» [Там же, с. 480]. В другом месте он добавляет: «Разложение прибавочной стоимости, т. е. определенной части стоимости товаров, на эти особые

рубрики, или категории, весьма понятно и никоим образом не противоречит закону самой стоимости» [Там же, с. 537].

Как и в предыдущем случае, «понятие» не синонимично термину «рубрика». Нельзя было бы сказать, что заработная плата и прибавочная стоимость — понятия, на которые распадается стоимость товара или сам продукт. Аналогично и в других текстах. Этот тип значения при категоризации действительности появляется тогда, когда членению подлежит не множество предметов, людей, результатов деятельности, а что-либо одно из них (например, прибавочная стоимость в приведенных текстах К. Маркса).

Категория — вид, разновидность или род. Этот тип значения термина «категория» также представлен в «Теориях прибавочной стоимости», хотя он встречается реже предыдущих категорий (видов) значения данного термина. По поводу машин, которые могут *in natura* войти в производство как постоянный капитал, К. Маркс пишет: «Здесь, следовательно, перед нами вторая категория такого прибавочного продукта, который непосредственно (или посредством обмена в той же самой сфере производства) входит в новое производство (накопление) как постоянный капитал, не проходя через процесс предварительного превращения в переменный капитал» [26, ч. 2, с. 542—543]. К первой категории Маркс относит семена, технические растения и т. п. Здесь категория означает вид (или разновидность) продукта (а не его понятие), в качестве которого выступает «постоянный капитал». Одно дело — отличать данный вид от другого вида (машины — от технических растений), и иное — постигать, что такое он по своей сущности.

Прибавочный продукт, таким образом, делится на виды (категории), а не понятия. Смысл видов имеют также «три категории товаров» (три вида товаров), произведенных при абсолютной монополии, при относительной монополии и при свободной конкуренции [См.: Там же, ч. 3, с. 169]. К. Маркс говорит о сочинениях «той же категории», т. е. разновидности [См.: Там же, с. 246]. Далее он цитирует Р. Джонса, согласно которому «рабочий фонд» можно подразделить на три категории, две из которых — доходы, а третья — капитал [См.: Там же, с. 431]. Категории здесь означают виды.

Особенность данного значения термина «категория» состоит в том, что делится или членится не множество однородных вещей и не одна из них, а разграничиваются качественно различные вещи, их виды; они, однако, выполняют некоторые однородные функции (могут выступать в роли постоянного капитала и т. п.).

Категория как часть или подразделение. Возьмем следующий текст К. Маркса: «Таким образом, то, что в одной сфере производства категории *В* потребляется как постоянный капитал, в другой сфере производится вновь, а то, что потребляется в этой последней, производится в первой» [26, ч. 1, с. 240—241]. Здесь под категорией *В* имеется в виду производство средств производства, так что они — синонимы. При замене на понятие мы получили бы: «в одной сфере понятия *В* потребляется» и т. д., то есть: нечто потребляется в сфере понятия, что абсурдно. «Рубрика» или «группа» в данном случае не подходит. Наиболее адекватным будет термин «подразделение». «Два *подразделения* общественного производства» — это рабочий термин во всяком изложении курса политической экономии. Аналогичный смысл имеет рассматриваемый термин в тексте: прибыль, процент и рента образуют лишь отдельные ее (прибавочной стоимости) категории [См.: 26, ч. 3, с. 465], т. е. подразделения. Замена «категории» на «понятие» привела бы к абсурду.

То, что здесь обозначено термином «категория», в следующем тексте фигурирует как «часть»: «Процент есть та часть прибыли — прибавочной стоимости,— которая фиксируется как некая особая категория, отделяется от совокупной прибыли под особым названием» [46, ч. 3, с. 493]. Отметим, что «категория» употребляется и в значении части некоего целого (здесь прибыли или прибавочной стоимости). К. Маркс пишет, что прибыль распадается на две составные части: процент и предпринимательскую прибыль, т. е. на две категории [См.: Там же, с. 495]. «Категория» означает здесь также подразделение. Данное понимание категории в «Теориях прибавочной стоимости» следует из того, что сама прибавочная стоимость есть определенное количество неоплаченного труда, воплощенного в товаре; если она делится на заработную плату, прибыль и ренту, то, очевидно, последние являются частями или подразделениями этого труда.

Однако в тех случаях, когда К. Маркс желает подчеркнуть не только количественный аспект указанных долей прибавочной стоимости, но и качественную специфику производственных отношений, порождающих их, он отличает «часть» от «категории». Наиболее яркий текст такого рода следующий: процент и промышленная прибыль — не просто две доли прибыли (не просто части), «а две особые *категории* ее, находящиеся в различном отношении к капиталу, т. е. относящиеся к различным определенностям капитала» [26, ч. 3, с. 518]. Обособление частей прибыли в виде самостоятельных категорий К. Маркс, как видим, отличает от простого количества или ее частей, поскольку он соотносит их с определенными экономическими отношениями. Это дает еще один тип значения термина «категория».

Категории — отношения. Этот тип представлен многочисленными текстами как в данной рукописи Маркса, так и в других его работах, в письмах и т. д. Так, он пишет, что Рикардо «вообще хочет доказать, что различные экономические категории или отношения *не противоречат теории стоимости*» [26, ч. 2, с. 160]; критикует «общее заблуждение всех экономистов, которые выдают отношения буржуазного производства за вечные категории» [Там же, с. 170]; характеризует метод Рикардо как способ обнаружения того, «*противоречат* ли прочие экономические отношения (прочие экономические категории) этому определению стоимости» [Там же, с. 177], пишет, «насколько остальные категории... отношения производства и обмена,— соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту» [Там же, с. 178].

В этих и других текстах Маркса *экономические отношения и экономические категории* — синонимы. Это значение термина «категория» в работах Маркса связано с тем, что политическая экономия специально изучает экономические отношения. Однако и в общефилософском плане «категории отношения» были предметом интенсивного исследования, а Кант, например, выделял в своей таблице категорий особую группу категорий отношения. Здесь также видно, что понятие и категория — не синонимы, иначе получилось бы соотношение экономических понятий или отношений (понятий или отношений) — деление, бессмысленное с точки зрения логики. Однако этот вопрос заслуживает специального исследования.

Соотношение категорий и понятий. Термин «понятие» употребляется К. Марксом значительно реже, чем термин «категория». Однако тексты «Теорий прибавочной стоимости» показывают многозначность их отношений друг к другу. Данные отношения варьируются от полного взаимоисключения до полной тождественности, образуя целый *спектр отношений.*

Прежде всего отметим, что Маркс пишет о «понятиях» в тех случаях, когда речь идет о выяснении сути какого-либо явления или отношения. Так, рассматривая отрицание абсолютной ренты у Рикардо, он пишет, что «*избыточная стоимость* противоречила бы понятию стоимости, согласно которому стоимость равняется определенному количеству рабочего времени» [Там же, с. 136], что «различие *величин стоимости* уничтожило бы понятие стоимости, опрокинуло бы положение о том, что ее субстанцию составляет общественное рабочее время» [Там же, с. 137]. Здесь речь идет не о стоимости в отличие от других категорий, а о ней самой и о том, *что* она собой представляет. В этом же смысле К. Маркс пишет, что отделение условий труда от самого труда «образует понятия капитала и *первоначального* накопления» [26, ч. 3, с. 323]. «*Понятие*» здесь означает то же, что в других местах означает «*сущность* капитала» [См., например: Там же, с. 518]. Категоризация есть разделение, расчленение материала на группы, рубрики, виды и т. д., понимание же — проникновение в их сущность. Характер категоризации зависит от глубины понимания предмета, от понятия о нем.

Но К. Маркс пишет также, что «для того, чтобы сохранить категорию стоимости.., требуется *отрицание абсолютной земельной ренты*» [26, ч. 2, с. 137]. «Категория» появляется вследствие противопоставления, различения стоимости и абсолютной ренты. Анализ смещается в иную плоскость и затрагивает не понятия стоимости или ренты, а их отношения друг к другу. «Отрицание абсолютной ренты» есть не отрицание понятия, а некоторой реальности. Еще очевиднее данное различие терминов в тексте, в котором К. Маркс упрекает Рикардо в том, что он «применяет свое понятие о ренте к земельной собственности всех времен и народов» [Там же, с. 170], и критикует общее заблуждение всех экономистов, которые выдают отношения буржуазного производства за вечные категории.

Рикардовское «понятие о ренте» — это знание ее сущности (что она такое), а «категории» обозначают совокупность производственных отношений. Очевидно, это разные «вещи».

В некоторых текстах К. Маркс употребляет понятие как синоним категории. Так обстоит дело в разделе о методе Смита (и Рикардо), о чем уже шла речь. Смит помимо изображения внутренней связи буржуазного производства «описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе» [Там же, с. 177]. Для внешних явлений он должен был еще найти «номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия» [Там же, с. 178].

Вся работа Смита выступает первичной категоризацией явлений буржуазного общества, а сами «рассудочные понятия» (категории) — подразделениями, рубриками и т. д., под которые надо было подвести соответствующие явления. Отметим, что «рассудочными понятиями» Кант называл категории. Да и определения понятий, о которых пишет Маркс (выяснение в дефиниции того, чем является тот или иной предмет),— это «рабочие» определения, выражение содержания, при помощи которого можно расчленить по определенной схеме многообразный мир явлений. Понятие явлений (определенное его понимание) служит условием их категоризации. Последняя может относиться и к одному понятию, если оно содержит в себе различные стороны или моменты. При данном условии понятие выступает синтезом односторонних определений, т. е. категорий. Таково соотношение их в следующем тексте: «Рикардо следует упрекнуть только в том, что он не проводит строгого разделения между различными моментами в развитии понятия стоимости» [26, ч. 3, с. 126] — между меновой стоимостью и стоимостью. «Категория» фиксирует здесь разделение. Понятие само в себе разделено на категории и образует их единство. Поэтому можно говорить о соотношении понятий и категорий, а не об их тождестве или синонимичности. Различие есть важный момент в их связи, и он нередко становится доминирующим.

Особенно показательны в данном плане тексты К. Маркса, в которых рассматриваемые термины полностью исключают друг друга. Например, все товары не-

обходимо распадаются на три категории: цена издержек одних равна их стоимости, других — меньше, третьих — больше нее [См.: 26, ч. 2, с. 262—263]. Здесь «категория» принципиально не может быть заменена «понятием», ибо товары не могут распадаться на понятия. Примером чистого взаимоисключения понятий и категорий является также текст, согласно которому прибыль, процент и рента образуют лишь «отдельные категории» прибавочной стоимости [См.: 26, ч. 3, с. 465]. Подстановка «понятий» приводит к нелепости. Не менее разительно это бросается в глаза, когда К. Маркс пишет: «На денежном рынке противостоят друг другу только две категории: покупатели и продавцы, спрос и предложение» [Там же, с. 486]. Понятия никак не могут противостоять на денежном рынке.

Наконец, выделим группу текстов К. Маркса, в которых «понятия» и «категории» или вполне взаимозаменяемы или почти заменяемы.

Первое из этих отношений ярко представлено в следующих текстах. «Эта категория одинаковой нормы прибыли, получаемой капиталами различного органического строения.., *противоречит* закону стоимости» [Там же, с. 67]. Еще пример: автор анализируемого Марксом памфлета «находится в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников» [Там же, с. 262]. Сюда относится и следующий текст: «Однако монополия нас здесь не касается, так как мы имеем тут дело лишь с двумя категориями: со *стоимостью* и с *ценой издержек*» [Там же, с. 170]. В приведенных текстах равным образом правомерны оба термина; искажения или бессмыслицы не получится.

Что касается второго отношения, то оно имеется, например, в таком тексте: «Первая категория, категория потребителей... значительно шире второй [т. е. категории производителей]» [26, ч. 2, с. 548]. Если здесь поставить «понятие» вместо «категории» (она здесь больше подходит), то надо добавить, что оно шире «по объему», т. е. по количеству реальных людей; одно понятие — как форма мысли — не шире и не уже другого.

Указанная взаимозаменяемость исследуемых терминов вообще означает не то, что они синонимичны, представляют по содержанию одно и то же, а то, что анализ переводится в идеальный план, рассматриваются не сами

реально существующие отношения, а их идеальное удвоение, отражение в виде знания, понимания и т. д. Как показывают тексты К. Маркса, термин «категория» обозначает и реальные отношения, и их отражение в сознании, когда они становятся как бы синонимами понятия. У них, так сказать, двойной план функционирования, причем эти планы могут даже исключать друг друга, когда категорию нельзя заменить понятием. Напротив, последнее, хотя и имеет объективное содержание, не употребляется в смысле, как если бы оно не было связано с деятельностью субъекта познания. «Категория потребителей» может означать просто группу реальных потребителей и вовсе не иметь в виду субъективное понимание того, что такое потребитель.

С другой стороны, категория может также выступать отражением. Так, рассматривая «развитые буржуазные производственные отношения, а стало быть, также и развитые категории политической экономии» [Там же, с. 181], К. Маркс, очевидно, имеет в виду категории как мыслительное следствие (отображение) реальных отношений. Эта *двойственность категорий* объясняется общей их природой. Дело в том, что в логике как системе категорий отношение мышления к бытию снято, т. е. их единство есть суть логики и ее форм — категорий. Снятость означает, что термин «категория» в равной мере означает и бытие, и его мыслительное отражение. Двойственность категорий возникает в зависимости от того, какой момент их принимается во внимание — бытие «или» мышление. В понятии же, в самом его названии выражено субъективное — «понимание» предмета, а не сам предмет. Поэтому между ними не может быть знака равенства; их отношения варьируются от полного совпадения до полного взаимоисключения, образуя целый спектр значений. Одно из них — *понятие категории*, о смысле которого у К. Маркса следует сказать несколько слов.

Мы описали пять значений термина «категория». В каждом из этих значений функционирует категория как целое. Но в «Теориях прибавочной стоимости» категории используются и в таких значениях, в которых фиксируются всеобщие моменты самого понятия категории. Данные моменты, как мы уже знаем, выражены в дефиниции категорий (того типа, который рассматривается здесь): категория есть 1) какая-либо определенность ве-

щей или явлений; 2) отделенная (отраженная) от них; 3) зафиксированная в слове (названии); 4) под которое подводятся (или к которому относятся) единичные вещи (их множество) или их свойства. Рассмотрим эти моменты по порядку.

Определенность. Вульгарные экономисты, пишет К. Маркс, относят деятельность капитала «к той же общественной определенности труда, к наемному труду, к той же *категории* труда» [26, ч. 3, с. 520]. Здесь *выявлено* то, что категория есть определенность. В значении последней употреблен данный термин в целом. Тот же смысл имеет он в тексте, в котором говорится о том, «какое важное значение имеет категория *потребительной стоимости для определения экономических форм*» [26, ч. 2, с. 544].

Отделение этой определенности К. Маркс описал подробно, анализируя исторические стадии развития категорий; во всем предыдущем изложении постоянно речь шла о таком отделении, разграничении, членении и т. д., ибо оно выражает важнейший аспект категорий.

Многие тексты указывают на *словесную (номинальную)* сторону категорий. Считая заслугой физиократов анализ вещественных элементов капитала и тех его форм, которые он принимает в обращении, К. Маркс пишет: «В обоих этих главных пунктах А. Смит воспринял наследство физиократов. Его заслуга — в этом отношении — ограничивается тем, что он фиксировал абстрактные категории, придав бо́льшую устойчивость названиям, которыми он окрестил анализированные физиократами различия» [26, ч. 1, с. 13]. Здесь «абстрактные категории», очевидно, означают определенные стороны капиталистического способа производства, или определенности в приведенном выше значении слова. Для таких определенностей Смит подобрал номенклатуру (систему названий); через устойчивость названия он фиксировал (сделал устойчивыми, более строгими) категории. О функции названия свидетельствует и приводившийся уже текст о проценте как части прибыли, «которая фиксируется как некая особая категория, отделяется от совокупной прибыли под особым названием» [26, ч. 3, с. 493]. Здесь «категория» прямо высказывается как тождественная с названием, как и в месте, в котором, согласно Марксу, «*рента* тоже есть только название для одной части прибавочной стоимости» [Там же, с. 494]. В то же время К. Маркс считает, что

рента (как процент и прибыль) — «лишь отдельные ее категории» [Там же, с. 465]. «Только название» вовсе не значит, что дело сводится к названиям. Этим выражением подчеркивается, что сущность прибыли одна — прибавочный труд.

Критическая направленность мысли К. Маркса против тех, кто считал источником ренты землю, а не труд, обнажает момент категории, образующей название или слово. То, какое методологическое значение придает Маркс этой стороне категорий, видно из его критики в адрес Рикардо. Считая важным сведение прибавочной стоимости к прибавочному труду, он в то же время подчеркивает: «По сути дела это было сказано уже А. Смитом и составляет один из главных моментов в том, что дал Рикардо. Но у Рикардо это нигде не высказано и не зафиксировано в *абсолютной форме*» [Там же, с. 246]. Речь идет и об отсутствии особого термина (особой категории) для прибавочной стоимости, и об ее слабой фиксации (Рикардо часто отождествлял ее с прибылью), строгости употребления.

Наконец, определенность, зафиксированная в названии, является категорией только тогда, когда под нее подводится множество однородных вещей. В текстах Маркса мы постоянно встречаем данный момент, когда выражается отнесенность, принадлежность вещей к той или иной категории, что можно видеть в уже приводившихся текстах. Эта отнесенность имеет существенный характер. На первый взгляд кажется, что категория имеет самостоятельное и независимое от вещей существование, почему и возможно отношение к ней. Но это лишь момент той же категории, ибо последняя есть или группа, или совокупность вещей и явлений. Следовательно, сама категория является некоторым множеством, сведенным в единство благодаря сходству признаков или свойств. Если отвлечься от множественности категоризуемых явлений, то категория исчезнет.

Таковы основные моменты категории и типы значения ее в «Теориях прибавочной стоимости». Каковы функции данных категорий в познании? Исходная их функция в конкретно-научном (здесь — политико-экономическом) знании аналогична «житейской» функции. О последней Гегель писал: «В жизни уже *пользуются* категориями; они лишаются чести рассматриваться особо (как в логи-

ке.— *Авт.*) и низводятся до *служения* духовной выработке живого содержания, созданию и сообщению друг другу представлений, относящихся к этому содержанию» [1970, с. 85]. Их функция состоит в том, что они (вследствие своей всеобщности) служат *«сокращениями»*. Гегель подчеркнул: «Ведь какое бесконечное множество частностей внешнего существования и деятельности объемлют собой представления: битва, война, народ или море, животное и т. д.; какое бесконечное множество представлений, видов деятельности, состояний и т. д. должно быть сведено к таким *простым* представлениям, как бог или любовь и т. д.» [Там же]. Не являются исключением и категории политической экономии: «товар», например, объемлет необозримое множество конкретных товаров и т. д. Из приведенного текста Гегеля, из понятия категории как группы, совокупности, рубрики и т. п. следует, что категориальность — всеобщее свойство языка, поскольку всякое слово обобщает (сокращает) множество вещей и их свойств. В таком плане весь лексический состав языка по сути дела выступает совокупностью категорий.

Еще большее множество частностей содержат такие категории, такие сокращения, как качество, явление, причинность и другие общие категории, изучаемые философией. Значит, способность сокращать частности сохраняется и в функционировании общих (философских) категорий. Каждая из них объемлет множество аналогичных вещей и свойств. «Явление» есть сокращение для всех форм, видов явлений; «сущность» — для всех сущностей, «качество» — для качественной определенности вещей и т. д. Этого рода функция категорий очень часто встречается в популярных изложениях диалектического материализма, когда каждую из рассматриваемых категорий поясняют разными примерами, тем самым по сути дела подводя под одну категорию более известные из обыденной жизни, практики и науки вещи, явления, отношения, свойства.

Чтобы понять своеобразие методологических функций категорий, следует провести четкое *различие их логических и гносеологических функций.*

Гносеологическая функция общих категорий состоит в том, что они определяют специфику рассматриваемого предмета в системе отношения «субъект — объект». Если,

например, рента или процент есть явление, а прибавочная стоимость — сущность, то первые, таким образом, даны познающему субъекту непосредственно, лежат на поверхности общественных экономических отношений. Прибавочная же стоимость в форме прибыли скрыта от непосредственного восприятия, «прячет свое внутреннее ядро» [Маркс К., Энгельс Ф. 26, ч. 3, с. 507] и открывается только силой абстрактного мышления. Аналогично качество вещи — ее потребительная стоимость — имеет прямое отношение к сознанию человека, а ее количественная определенность — стоимость — скрыта; как говорит Маркс, ее нельзя пощупать. В общем плане гносеологическая функция категорий состоит в определении отношения объектов, подлежащих познанию, к самому познанию.

Иной является функция категорий в логическом плане. «Явление» означает здесь не отношение к субъекту, а отношение к другим вещам. Гегель об этом писал так: «Когда мы говорим о явлении, мы связываем с ним представление о неопределенном многообразии существующих вещей, бытие которых есть всецело лишь опосредование и которые, следовательно, не имеют своего основания в самих себе, но имеют силу лишь как моменты» [1974, с. 295].

По образному выражению Гегеля, «явление не стоит на собственных ногах и имеет свое бытие не в самом себе, а в чем-то другом» [Там же]. Сущность же в логическом плане есть основание, которое опосредствует (обосновывает) явление. Таково в «Теориях прибавочной стоимости» соотношение прибыли, ренты и процента, а также прибавочной стоимости как их источника или основания. Здесь категории (основание — обоснованное и т. д.) устанавливают не отношение предмета к субъекту познания, а соотношение самих предметов между собой. Иначе говоря, их функция — установление *предметных отношений*. Характеризуя такое применение категорий, Гегель писал: «Они служат для более точного определения и нахождения *предметных отношений*» [1970, с. 85]. Эта их функция основывается на соотносительности, полярности категорий.

Данное свойство общеизвестно и выступает в разных формах. Одна из них — парность ряда категорий, например количества и качества, материи и формы, пространства и времени и т. п. Само по себе качество не указы-

вает на количество, как и пространство — на время, но на основе многообразного жизненного и научного опыта сложилась традиция соотносить их, ставить рядом, увязывать. Но существуют категории, само понятие которых выражает их соотносительность, рефлексивность. Так, явление рефлексивно с сущностью, положительное — с отрицательным, содержание — с формой, основание — с обоснованным и т. д. Связность категорий выражается и в троичности некоторых из них, например «качество — количество — мера», «сущность — явление — закон» и т. д.

Через соотносительность общих категорий человек определяет, ищет и находит предметные отношения. Если, скажем, рента есть явление капиталистического производства, то возникает вопрос о сущности, проявлением которой она выступает; если закон стоимости есть основание, то *что* им обосновывается? Если потребительная стоимость есть качество товара, то как она соотносится с количеством и в какой форме выступает количество самой потребительной стоимости или количество абстрактного труда, воплощенного в ней? Из множества таких предметных отношений и состоит политическая экономия. История ее развития является постепенным нахождением и определением данных отношений, начиная с простейших, элементарных и кончая системой предметных отношений.

Элементарное предметное отношение двухкомпонентно (отношение двух вещей или явлений). Оно образует начало познания. В «Капитале» такое отношение есть товар как единство потребительной стоимости и стоимости, единство количественной и качественной форм стоимости. Начало образует один полюс постижения предмета. Другой его полюс — система предметных отношений, которой является весь «Капитал». Общие категории (качество, количество и т. д.) выполняют в ней своеобразную функцию — определяют место данного явления во всей системе. Так, отношение категорий основание — обоснованное определяет общую структуру всей политической экономии Рикардо. В ней основа — закон стоимости, а все другие конкретные категории — прибыль, рента, заработная плата и т. д.— основываются на этом законе. Наиболее полна в данном плане — категориальная структура «Капитала» Маркса, описанная в ряде работ, наиболее подробно — в работе В. А. Вазюлина «Логика «Капитала» К. Маркса».

Определение места явления в системе предметных отношений связано с методологической трудностью, заключающейся в двойственности категориальной характеристики явления. Дело в том, что познание любого предмета требует всех категорий или их множества. Это объясняется тем, что общие (философские) категории носят универсальный характер, любой предмет определен с данной стороны полностью: нет ни одного из них, в котором отсутствовало бы качество, количество или иная общая определенность. Это подтверждается и текстами «Теорий прибавочной стоимости». Например, анализируя в разных плоскостях и отношениях стоимость, К. Маркс применяет целый комплекс категорий — количество и качество, одинаковость, форма, всеобщность, различие, основа, субстанция и т. д.

Аналогично обстоит дело с деньгами, капиталом и т. д. Их более или менее полная характеристика требует многих или всех категорий. Поэтому кажется, что последовательность конкретных экономических категорий (скажем, «товар — деньги — капитал») не означает последовательности общих категорий. Это так, если рассматривать товар или капитал в качестве относительно самостоятельных. Но в системе капиталистического производства они образуют лишь моменты целого; один из них играет роль бытия, другой — явления, третий — сущности и т. д. Например, в товаре явление — это меновая стоимость, а сущность — стоимость. Но она — сущность только данного предмета и не является таковой в системе капиталистического производства. Его сущность — не стоимость, а прибавочная стоимость. Аналогично количество характеризует преимущественно деньги — предметное бытие абстрактного труда. Таким образом, отдельная вещь или явление категоризуется системой общих категорий. В системе же буржуазного производства ее категоризация становится более односторонней; она выражает, определяет *общее место вещи (явления) в структуре целого.*

Подведение явлений под конкретные категории (то, что можно было бы назвать «первоначальной категоризацией») и нахождение предметных отношений с помощью общих категорий действуют во всей истории политической экономии. Однако первый тип категоризации преобладает на первом этапе ее развития, общая категоризация — на втором.

Эти два этапа были выделены К. Марксом во «Введении» к «Экономическим рукописям 1857—1859 годов». Маркс указывает, что исследовать буржуазную экономику можно двумя путями — двигаясь от конкретного к абстрактному и наоборот. «Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Например, экономисты XVII столетия всегда начинают с живого целого — населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, такие как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, восходившие от простейшего — труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. д.— к государству, международному обмену и мировому рынку» [46, ч. 1, с. 37].

Выделение абстрактных отношений, т. е. установление и фиксация экономических категорий, продолжалось вплоть до А. Смита. Термины, которые, как мы видели, использует К. Маркс при изображении, с одной стороны, деятельности Смита — описание, каталогизация, подведение под схематизирующие определения понятий, нахождение номенклатуры (т. е. терминологии, названий) и соответствующих рассудочных понятий,— свидетельствуют о том, что это деятельность по категоризации экономической жизни буржуазного общества. С другой стороны, Смит старался проникнуть во внутреннюю структуру буржуазного общества, установить существенные и необходимые предметные отношения капиталистического производства. Этого можно достичь, только используя общие категории (основа, причинность и другие).

После Смита, поскольку он завершил процесс категоризации буржуазной экономики (в его учении «политическая экономия развилась в некоторую целостность, охватываемая ею область получила до известной степени законченные очертания» [26, ч. 2, с. 177]), доминирующими становятся поиск и нахождение предметных отношений (до Смита преобладала, по-видимому, первичная категоризация, ибо без этого общий категориальный инструментарий не к чему применять). В данном плане «двойственность Смита» можно понять как известное равновесие двух

независимо друг от друга протекающих деятельностей — установления конкретных и применения общих категорий для теоретического анализа экономических отношений.

Новый этап истории политической экономии, который открывается учением Д. Рикардо, означает «решительный разрыв» с «двойственностью Смита» [Там же, с. 182]. Познавательная деятельность теперь направлена преимущественно на нахождение внутренней физиологии буржуазного общества. Указанный К. Марксом разрыв выразился в том, что Рикардо всю совокупность явлений данного общества свел к единой основе — закону стоимости. Фундаментальная зависимость «основание — обоснованное» скрепила все явления буржуазной экономики в целое. Такая зависимость сохраняется и у Маркса, хотя приобретает у него качественно иной характер.

Вообще, на протяжении всех этапов исторического развития политической экономии происходят развитие ее категорий, а также постижение предметных отношений, которые определяются философскими категориями. Анализ «Теорий прибавочной стоимости» К. Маркса позволяет выделить общие тенденции в этом процессе. Важнейшие из них в развитии конкретных категорий следующие: 1. Появление новых категорий («прибавочная стоимость» как всеобщая категория — у А. Смита; постоянный и переменный капитал — в неадекватном обозначении «основного» и «оборотного» капитала — у Рамсея и Джонса; «относительная заработная плата» — у Рикардо). 2. Утверждение или отрицание категорий, практически или теоретически уже существующих (отрицание абсолютной ренты — у Рикардо; закона стоимости — у вульгарных экономистов). 3. Уточнение содержания (например, рента, прибыль и процент — у физиократов и Смита). 4. Обретение фактически действующими категориями названия, их фиксация в словах (каталогизация явлений у Смита). 5. Обобщение категорий или сужение их (у физиократов рента является более общей, чем прибыль и процент; у Смита прибыль выступает всеобщей категорией; появление «труда вообще» у Смита).

Развитие содержания конкретных категорий ведет к изменению их отношений, выражаемых общими категориями. Из текстов Маркса видно, скажем, насколько важным является положение Смита о том, что источником,

основой ренты и процента выступает прибыль (тождественная у него с прибавочной стоимостью), что стоимость определяется только количеством труда (а не его качеством, как у физиократов) и т. д.

С другой стороны, содержание той или иной конкретной категории зависит от отношения, в которое ее ставит исследователь (одно содержание обнаруживает труд, если его рассматривать в отношении потребностей человека, тогда его результат — потребительная стоимость; другим он выступает в отношении к деньгам — как абстрактно всеобщий труд). Нахождение этих же различных предметных отношений невозможо без соответствующих общих категорий (так, основа прибыли — прибавочная стоимость, а процент непосредственно основывается на прибыли, является ее частью).

Если взять все историческое изменение категорий в их совокупном и связном развитии, то получим следующий результат. Результат исторического процесса — некоторое целостное историческое явление (товарное производство, капитал и т. п.). Аналогично обстоит дело и в отраженных формах: результатом исторического процесса познания является логика предмета, знание его структуры и закономерностей. Система предметных отношений, о которой говорилось выше, является внутренней логикой (внутренней физиологией, как писал Маркс) буржуазного общества. Общее развитие знания предметных отношений, фиксируемых категориями философии, ставит вопрос о соотношении логического и исторического развития категорий.

Их различие состоит прежде всего в том, что история категорий — это их хронология, их постепенное появление во времени, логика же имеет дело с готовым предметом — результатом развития (здесь — капиталом). Тексты «Теорий прибавочной стоимости» показывают, что, хотя и существовали мыслители, исследовавшие отдельные категории политической экономии (Локк, Юм, Норс), в общем история данной науки — это история логических систем (меркантилистов, физиократов, Смита, Рикардо). Каждая из них исходит из некоего единого принципа и старается провести его через все изучаемые явления. Для каждой такой системы предыдущие системы являются историей, а она сама — логикой предмета, дающей его объективно, адекватно. Дальнейшее развитие

колеблет эту адекватность, строится новая логика экономических отношений и т. д.

С указанной точки зрения выделяются этапы логики категорий и соответствующие им методы. В приведенном выше тексте К. Маркса из «Введения» обнаруживается, что выделяются два основных этапа — аналитический и синтетический. На обоих действует «метод сведения» конкретных явлений к единой основе: земледельческому труду — у физиократов, «труду вообще» — у Смита, закону стоимости — у Рикардо. До Смита преобладала описательная логика явлений, у Смита — две логики (явления и сущности), стоящие рядом, рикардовский метод сведения строит единую логику всей экономической системы. Несмотря на важное значение учения Рикардо, можно видеть, насколько еще слабо развита у него система предметных отношений экономики: он берет разрозненные категории (прибыль, ренту и т. д.) и непосредственно соотносит их с законом стоимости. Субординация данных категорий не установлена, отсутствует фактически совокупность предметных отношений между ними.

Таким образом, мы имеем не «чистую» историю, а историю ряда логик капитала, систем категорий. Внутри истории познания формируется и развивается логика категорий, пока не получает у К. Маркса завершенной формы.

Основные соотношения исторического и логического в развитии категорий — их совпадение и обращение. Если первая сторона — совпадение — преимущественно подчеркивалась Гегелем, то у Маркса не менее важной является другая закономерность — обращение исторической и логической категориальных структур или порядков. Гегель знал об этом, однако придавал ему второстепенное значение, о чем свидетельствует «Введение» в его «Лекции по истории философии». Он писал: «Можно было бы думать, что порядок философии в ступенях идеи отличен от того порядка, в котором эти понятия произошли во времени. Однако, в общем и целом, этот порядок одинаков» [1932, с. 34]. Дальше отмечается: «Разумеется, что, с другой стороны, последовательность, как временная последовательность истории, все же отличается от последовательности в порядке понятий; мы здесь не будем выяснять, в чем заключается различие, ибо это слишком отвлекло бы нас от нашей задачи» [Там же, с. 34—35].

Таким образом, «в общем и целом» различие осталось не раскрытым; из работ Гегеля можно выяснить лишь отдельные стороны и найти отдельные примеры несовпадения логики и истории категорий.

Конечно, данное несовпадение должно быть различным по характеру в философии и политической экономии, и мы коснемся этого вопроса относительно истории рассматриваемой науки.

Анализ «Теорий прибавочной стоимости» и «Капитала» в целом позволяет не просто указать примеры двух отмеченных соотношений, но и подметить *закономерность*, общую границу, отделяющую те категории, логические и исторические порядки которых обратны, и те, порядки которых совпадают. В общем виде закономерность состоит в следующем: категории, выражающие основу капитала, в его логическом изображении идут в той же последовательности, в какой они выступают исторически; категории, не выражающие основы и в то же время не образующие сущности капитала, обратны к категориям капитала. Значит, *грань полагает различие основы капитала и его сущности.*

В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс многократно развивает мысль о том, что основу всей системы политической экономии составляет закон стоимости, и это было осознано и проведено Д. Рикардо. Однако не закон стоимости составляет сущность экономических отношений капитализма, а закон прибавочной стоимости. Закон стоимости как таковой является законом простого товарного производства, исторически предшествующего капиталу. Простейшие категории, в которых оно отражается,— «товар» и «деньги». Товарный обмен предшествует во времени появлению денег. Мы получаем последовательность категорий «товар — деньги — капитал», лежащую в основании «Капитала». Интересно отметить, что в планах К. Маркса главы о товаре и деньгах выступали под рубрикой «Введение», после которого шла глава III «О капитале вообще». Данные категории как бы выносились за пределы текста о собственно капитале, в котором излагалось учение о его сущности и функционировании. Таким образом, логический порядок основных категорий работы Маркса тот же, что и исторический.

Иначе обстоит дело с такими категориями, как рента и процент. Они не составляют сущности капитала и если

продолжают существовать при нем, то становятся именно его проявлениями. С другой стороны, они не выступают исторической основой капитала (последнюю К. Маркс усматривал в отделении условий труда от самого труда). Поэтому они в качестве основы не предшествуют также его сущности во времени, как товар или деньги. Исторически рента и процент предшествуют промышленному капиталу, а логически следуют из него; соотношение двух последовательностей, или порядков, есть не совпадение, а обращение.

В «Теориях прибавочной стоимости» приводится ряд таких обращений, главнейшие из которых следующие: 1. Реальное обращение настоящего и прошлого (реальной ренты и реального капитала или торгово-ссудного капитала и капитала промышленного, прибавочной стоимости и ренты, прибыли и процента и т. д.). 2. Обращение категорий в истории познания (у физиократов рента — основа прибыли и процента, у А. Смита, наоборот,— прибыль — основа ренты и процента; отмечавшаяся К. Марксом двойственность концепции Смита означает, что в ней (системе) выявлена рядоположность исторических и логических последовательностей категорий; наконец, в теории К. Маркса прибыль также стала производной прибавочной стоимости). 3. Обращение результатов истории познания в исследовании и в их изложении в работах Маркса, в частности в «Теориях прибавочной стоимости» (так, в разделе о Рикардо последовательность категорий такова: цена издержек — рента — прибавочная стоимость — прибыль — накопление капитала — кризисы и т. д.; исторические и логические порядки категорий даны здесь в сложном переплетении). 4. Наконец, для работ К. Маркса характерно обращение всей истории политической экономии (и ее категорий), а также логики этих категорий (так, в письме З. Шотту 3 ноября 1877 г. Маркс писал о том, что историческая часть «Капитала», являясь логическим его завершением, исторически предшествовала ему) [1].

О первом из названных видов обращения К. Маркс писал: «Таким образом, было бы неосуществимым и оши-

[1] Этот вид обращения подробно исследован в монографии Г. А. Багатурия и В. С. Выгодского «Экономическое наследие Карла Маркса», особенно во второй ее части («Марксовский метод экономического исследования»).

бочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития» [46, ч. 1, с. 44]. Подчеркивая именно реальный характер обращения, К. Маркс заключал: «Речь идет не о том положении, которое экономические отношения исторически занимают в различных следующих одна за другой формах общества. Еще меньше речь идет о их последовательности «в идее»..., этом мистифицированном представлении об историческом процессе. Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества» [Там же, с. 44—45].

Остальные виды обращения являются идеальным отражением такого реального обращения. Их «гносеологический корень» состоит в том, что познание идет от явления и обоснованного к сущности и основанию, а логика предметных отношений начинает с последних, чтобы подняться затем, развивая основу и сущность, к наиболее поверхностным проявлениям. Это погружение во все более глубокие порядки сущности (от ренты — к прибыли, от прибыли — к прибавочной стоимости, от нее — к стоимости и далее к труду как ее источнику), а также выведение производных категорий продолжается до тех пор, пока двустороннее движение, захватывая все категориальные определенности капитала, не достигнет предельных границ содержания последнего, пока не осуществляется двусторонний выход за его пределы — в прошлое и будущее.

Выше мы выяснили логическую функцию общих категорий как средств нахождения предметных отношений и их системы. Каково общее методологическое значение этой функции? Напомним, что данное значение определяется основной целью исследования — установить преходящий характер капитала. В философской теории категории, согласно В. И. Ленину, есть вывод из истории познания; в свою очередь, диалектика — вывод из исследования категорий. Знаменателен факт, что именно Гегель, подвергший систематическому изучению философские категории, открыл общие законы диалектики; они — не

что иное, как универсальные формы связи категориального содержания (качества и количества, сущности и явления, бытия и отрицания и т. д.). Изучение отдельных пар категорий, имевшее место в истории прежней философии, может дать знание отдельных диалектических закономерностей. Но диалектика как целостное знание о принципах развития стала выводом из всей системы категорий. В. И. Ленин как замечательную черту «Науки логики» подчеркивал то, что итог и резюме, последнее слово и суть ее есть диалектический метод [См.: 29, с. 215]. То же можно сказать и о политической экономии.

Частные исследования отдельных категорий не могут вскрыть диалектики капитала. Только систематическое, детальное прослеживание всех предметных отношений, применение всей системы категорий философии к категориям политической экономии могли дать и дали диалектическое понимание капитала. Необходимо было довести категориальный анализ до его предельных оснований, чтобы очевидно обнаружилась диалектика этого способа производства, а вместе с тем стало возможным применить к нему целостную диалектическую концепцию развития. В данной связи К. Маркс писал Энгельсу о Лассале: «Одно дело — путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе» [29, с. 224]. В «Теориях прибавочной стоимости» и других рукописях Маркса осуществлена именно такая всесторонняя критика, в процессе которой логический анализ категорий политической экономии, исследование многообразных предметных отношений постепенно переросли в диалектическое понимание их системы, что явилось условием применимости диалектики и ее законов к данному предмету.

Но это — одна сторона зависимости. Вторая, не менее важная, состоит в том, что аналогичное исследование проводилось таким экономистом, как Рикардо, но не дало тех же результатов. Причина — отсутствие у него диалектического метода, принципы которого в силу их всеобщности регулируют направления, тенденции исследования категорий и определяемых ими предметных отношений.

Наличие такого метода у К. Маркса вскрыло диалек-

тический характер категорий. В отличие от всех прежних политико-экономов, «которые выдают отношения буржуазного производства за вечные категории» [26, ч. 2, с. 170], а содержание последних усматривают в вещных отношениях и свойствах вещей, К. Маркс рассматривает категории философии и политической экономии как социально-исторические явления; последние возникают, развиваются и исчезают с историческим развитием. Категории буржуазной политической экономии (отчасти и философские категории, которыми пользовались представители домарксистской экономической науки) могут быть названы фетишистскими. Так называет их В. С. Афанасьев в упоминавшейся работе. Однако нам представляется неточной их характеристика в специальном параграфе под названием «Товарно-фетишистский характер категорий вульгарной экономии» [См.: 1971, с. 203]. Ведь речь идет о фетишистском понимании не только категории «товар», но и денег, капитала и т. д. Впрочем, в тексте самого параграфа используется и более адекватная терминология [См.: Там же, с. 205, 215]. В этом смысле Марксова концепция категорий может быть охарактеризована как социально-историческая; в ней принципиально преодолевается фетишизм (или вещевизм) категорий прежних философско-экономических учений.

Однако дело не только в отдельных категориях, но и в общем методе их трактовки. Сам метод изменяется в зависимости от его отношения к истории. Поскольку Рикардо не понимал исторического характера капитала (развитие последнего из товарного производства, для чего необходимы преобразования форм товарного производства), он непосредственно соотносил закон стоимости и более развитые категории капитала. В. С. Афанасьев делает тонкое наблюдение, когда пишет: «Рикардо не понял, что простое товарное производство суть историческая предпосылка возникновения капиталистических отношений. Поэтому он не сумел увидеть возникновения и развития этих отношений, их исторически преходящего характера. В товарных отношениях он видел лишь общую основу капиталистических отношений, а не их исходную историческую базу. Из двух взаимосвязанных аспектов закона стоимости — исторического и функционального — Рикардо останавливается лишь на последнем. Поэтому он ограничивается тем, что сталкивает более развитые отношения

капиталистического производства с законом стоимости. Это приводит его к отождествлению различных экономических категорий между собой, например стоимости и ее модификации — цены производства» [Там же, с. 110].

Таким образом, можно указать две характерные черты учения Рикардо: неисторическое понимание категорий; отсутствие у него опосредования, развития одних категорий из других. Обе черты оказываются органически связанными, объединяются в «методе сведения» более развитых отношений к более простым. Напротив, историзм в понимании категорий получает у К. Маркса выражение в методе выведения (развития) категорий. Итак, существует двусторонняя зависимость между пониманием категорий и методом их исследования: метод вырастает из исследования и, с другой стороны, регулирует его, определяет его тенденции. Рассмотрим регулятивную роль диалектики более подробно.

Методологическая роль категориальных структур или законов диалектики

Прежде всего следует отметить применимость законов диалектики к анализу капитала. Она следует из того, что всякое явление есть единство качества и количества, имеет меру своего существования, обладает определенными противоречиями. Наконец, оно возникает из отрицания предшествующего явления или формы и, в свою очередь, подвергается отрицанию в ходе дальнейшего развития.

Капитал не является исключением. Это система производственных отношений, качественно отличная от всех предыдущих отношений. На выяснение ее качественного своеобразия направлено исследование К. Маркса: он систематически раскрывает данное своеобразие в «Капитале», «Теориях прибавочной стоимости» и других работах. Во второй из названных работ это особенно бросается в глаза, поскольку многочисленные критические замечания, направленные против представителей буржуазной политической экономии, вскрывают именно непонимание ими качественной специфики капитала.

Аналогичный характер носит также сознательное использование принципа диалектического противоречия.

Хотя буржуазные политико-экономы не только вскрыли ряд реальных противоречий капитала, но и создали множество их, не сумев справиться с исследуемым предметом, они не могли быть последовательны в проведении данного закона, поскольку оставались в целом на классовых позициях буржуазии и не доводили обнажение противоречий до их разрешения в новом способе производства. По той же причине ими не был понят, за небольшими исключениями, исторический характер капитализма как отрицания феодализма и как такого общественного строя, который сам подвергается отрицанию на определенной ступени развития.

Разумеется, в той мере, в какой буржуазные экономисты давали правильное изображение капитала, они фиксировали его качественную определенность, его противоречия и исторический статус. Однако все это происходило без выхода за его пределы, что и позволяет не только дать полное знание его диалектических закономерностей, но и вполне осознать их, использовать в качестве методологических средств познания. В этом отношении позиция К. Маркса как мыслителя и общественного деятеля существенно отличается от позиции буржуазных политико-экономов: постижение капитала он доводит до конца, обнажая все его границы или пределы и одновременно раскрывая все потенциальные возможности диалектики как метода познания. Способ его действия заслуживает более детального исследования.

Закон единства количества и качества. Качество вообще есть непосредственная определенность, благодаря которой данный предмет отличается от других. Оно неотделимо от количественной определенности. Обе они являются исходными как в «Капитале» в целом, так и в его исторической части — «Теориях прибавочной стоимости». Уже исходная категория в исследовании Маркса — «товар» — является единством качества и количества — потребительной стоимости и стоимости. Источник стоимости — труд — также единство конкретного, качественно определенного труда и труда абстрактного, который различается лишь количественно. Особо следует указать на органическую их связь в фундаменте всей системы — в труде, производящем стоимость: особое качество рабочей силы состоит в том, чтобы производить стоимость, имеющую преимущественно количественный характер (в от-

личие от потребительной стоимости). Эти две определенности проходят через весь «Капитал», модифицируясь в различных категориях — прибавочной стоимости, прибыли и т. д. Марксов анализ в трех существенных пунктах отличается от исследований буржуазных политико-экономов по данному вопросу.

Во-первых, Рикардо и другие мыслители понимали стоимость — основу всей политической экономии — односторонне количественно. Рикардо, по словам К. Маркса, «вообще рассматривает лишь *количественное определение* меновой стоимости, а именно то, что она равна определенному количеству рабочего времени, и забывает, напротив, о *качественном* определении ее, а именно о том, что индивидуальный труд выражает себя как *абстрактно всеобщий, общественный* труд только путем своего отчуждения (alienation)» [26, ч. 2, с. 560]. В другом месте он пишет: «Ошибка *Рикардо* состоит в том, что он занимается лишь *величиной стоимости... качественная* сторона дела, содержащаяся в выражении меновой стоимости в деньгах, у Рикардо не развита» [26, ч. 3, с. 132]. В аналогичном смысле использует Маркс категорию формы. Тот же Рикардо «совсем не исследует стоимость со стороны формы,— той определенной формы, которую принимает труд как субстанция стоимости,— а исследует только величины стоимости, т. е. те или иные количества этого абстрактно всеобщего и, в этой форме, общественного труда, которые обусловливают различие в *величинах стоимости* товаров» [26, ч. 2, с. 185]. Критика Маркса объясняется тем, что категории качества и формы выражают общественный, социально-исторический характер капитала и стоимости как его основы; их функция состоит в определении и нахождении места данного явления в историческом развитии, а это для Маркса основное.

Во-вторых, в работах классиков политической экономии наметилось различение двух видов количества: количество потребительной стоимости и количество стоимости; первое из них конкретно, второе — абстрактно. Стоимость по своей природе безразлична (индифферентна) к тому, в каком товаре или в какой потребительной стоимости она воплощается, материализуется. С этой точки зрения меновая стоимость — «материализация *одного и того же* труда.., всего лишь количественно различные выражения *одной и той же* субстанции» [26, ч. 3, с. 131—132].

С другой стороны, такое раздвоение является также образованием двух различных видов качеств. Стоимость «есть такое качество, которым товар отличается от своего собственного существования как вещи, как потребительной стоимости» [Там же, с. 130]. Разграничение количества и качества как внешней определенности вещи и как их же внутренней определенности впервые было в отчетливой форме проведено Гегелем в «Науке логики» и проанализировано в разделе «Становление сущности» [См.: 1970, с. 471—480] в виде категории «неразличенность», или «индифференция». У Маркса (а также у Рикардо и других экономистов) такая индифференция представлена категорией стоимости, содержание которой безразлично к особой полезности вещи. «В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость не входит ни одного атома вещества природы... Их стоимость имеет поэтому чисто общественный характер» [23, с. 56]. Ее субстанцию, основу или субстрат образует труд: «Стоимость, как таковая, не имеет иного «вещества», кроме самого труда» [29, с. 257]. Исследование капитала показывает не только полезность, но и абсолютную необходимость названной категории; ее последовательная разработка в экономическом плане — большая заслуга К. Маркса. Становится очевидной необходимость разработки категории «индифференция» и в философском аспекте.

В плане интересующей нас темы подчеркнем, что буржуазные экономисты сделали только первые шаги в осмыслении данной определенности капитала. Для ее последовательного теоретического понимания нужно было, с одной стороны, понять двойственный характер труда, чтобы постичь двойственный характер стоимости, о которой Маркс в «Главе о капитале» писал: «Не следует ли понимать *стоимость* как единство потребительной и меновой стоимости?» [46, ч. 1, с. 216]. Рикардо смешивал труд, представленный в потребительной стоимости, с трудом, представленным в меновой стоимости. Он их должным образом не различал [См.: 26, ч. 3, с. 140—141]. С другой стороны, у буржуазных экономистов отсутствовало проведение указанной двойственности через более развитые категории; достаточно сказать, что они не отделили прибавочную стоимость как всеобщую категорию от ее особых форм.

Таким образом, если учесть, что закон стоимости — основа политической экономии, а абстрактный труд — ее субстанция, то Рикардо и другие буржуазные экономисты не доходили до основы основ своей науки, не выделяли сущности капитала — прибавочной стоимости — в чистом виде. Они застревали на промежуточных «инстанциях» познания. Предельно глубоко капитал был понят лишь в марксизме. Важнейшим мыслительным средством этого стала категория индифференции.

В-третьих, К. Маркс подробно исследует меру в качестве определенности капитала. Как уже сказано, мерой обладает все существующее. В истории политической экономии был обнаружен ряд мер в движении своего предмета. Если взять только основные категории — товар, деньги, капитал,— то каждой из них соответствует своя мера. Так, рабочее время есть мера количества труда, а последний — мера стоимости товаров. «Он только потому является их мерой, что он есть субстанция товаров как стоимостей» [Там же, с. 140]. Это, согласно Марксу, «имманентная мера» [Там же]. От нее отличается «внешняя мера» стоимости — деньги [См.: Там же, с. 158]. За сведение меры к такой ее форме К. Маркс критиковал Бейли и других экономистов. Он критиковал их и за непонимание того, что одна мера развивается из другой; деньги — из двойственной природы товара.

Если многое неясно буржуазным экономистам в уже названных видах меры, то в еще большей степени это относится к мере капитала. Дело в том, что последняя обнаруживается при ее нарушении, перешагивании через нее (в кризисах и революциях); естественно, это особенно должно было интересовать Маркса, тогда как буржуазные экономисты, находясь в границах капиталистического производства, не могли стать на позиции революционного изменения данного производства, даже не всегда признавали кризисы.

Категория меры исследуется К. Марксом в двух планах: как количественно-качественное движение в рамках капитала и как обнаружение его общей ограниченности.

Что касается первого плана, то структура мысли Маркса здесь такова. Накопление капитала (количественное расширение производства) «на известной точке всегда получает также и качественное выражение, выступая как бо́льшая продуктивность тех условий, при которых

совершается воспроизводство» [26, ч. 2, с. 580]. Здесь происходит накопление мелких улучшений, изменяющих в итоге весь масштаб производства. Все движение членится на ряд циклов, в которых капитал воспроизводится в расширенных масштабах. Движение описывает не круг, а спираль. Конец каждого цикла характеризуется кризисом; «наступает такой момент, когда рынок оказывается слишком узким для произведенной продукции. Это имеет место в конце цикла» [Там же, с. 583]. Таким образом, количественные изменения переходят в качественные в самом развитии производства; производство расширяется (происходит накопление капитала), наступает кризис; развитие идет циклами; в самом цикле и в целом оно совершается не по кругу, а по спирали. К. Маркс, как видим, почти словесно излагает известный закон диалектики, используя его для описания движения капитала. Особенность такого изложения состоит в том, что здесь речь идет еще не об отрицании капиталистического производства, а о качественных изменениях внутри него.

Однако мера капитала, обнаруживающаяся в кризисах, свидетельствует об его исторических границах. «В перепроизводстве...— писал Маркс,— капиталистическое производство старается прорвать свои собственные границы и производить сверх своей *меры*. Оно, с одной стороны, имеет такое стремление. С другой стороны, оно выдерживает лишь такое производство, которое соответствует прибыльному применению существующего капитала. Отсюда — кризисы» [26, ч. 3, с. 123]. К. Маркс пишет о капитале как мере этого типа производства, о границе для свободного развития производительных сил, о границе, ограниченности, пределе капиталистического производства и т. п. [См.: 26, ч. 2, с. 578, 586, 627; 26, ч. 3, с. 116, и т. д.]. Особенно важной в данном отношении является наряду с категорией меры категория «безмерное» (стремление капиталистов к обогащению). Последнее наталкивается на меру капитала, что приводит к кризисам. Большинство этих положений дано в разделе «Рикардовская теория накопления. Критика ее. Кризисы», в котором К. Маркс подробно критикует воззрения буржуазных экономистов и противополагает им свое понимание предмета, основанное на диалектике количества, качества и меры.

Особое значение этой критики состоит в том, что методологическая роль законов и категорий диалектики нередко скрыта в ткани исследования и изложения. Но она обнажается в методологических замечаниях и, что особенно важно, в «Теориях прибавочной стоимости», в сознательном критическом освещении вопросов, как они даны в работах прежних экономистов. Критика недостаточности их познавательных средств, противопоставление им собственных разработок делают совершенно ясным, по словам Маркса, «применение *диалектического метода* к политической экономии» [31, с. 321] и его нацеленность на доказательство преходящего характера капитализма.

Что касается меры капитала и его безмерности (развития сверх собственной меры), то они ведут к кризисам. Буржуазные экономисты, например Рикардо, признавали лишь частные кризисы, но отрицали всеобщие, тем самым не доходя до общей меры (общих границ, пределов) капитала. Впервые их осознает только Маркс. Он доказывает важнейшее положение о том, что «кризисы мирового рынка должны рассматриваться как реальное сведение воедино и насильственное выравнивание всех противоречий буржуазной экономики» [26, ч. 2, с. 567]. Всеобщие кризисы важны с точки зрения познания и преобразования действительности тем, что в них «все противоречия буржуазного производства бурно прорываются наружу в своей совокупности» [Там же, с. 594]. Эти и другие тексты показывают органическую связь закона единства количества и качества с ядром диалектики, к рассмотрению которого мы переходим.

Закон диалектического противоречия. Сквозной характер этого закона в основном труде Маркса с классической ясностью был подчеркнут В. И. Лениным: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ (в сумме.— *Ред.*) его отдельных частей, от его начала до его конца» [29, с. 318].

Согласно данному тексту, противоречие дает возможность вскрыть начало и конец, т. е. границы капитала. Эту же роль выполняет данный закон и в «Теориях прибавочной стоимости», но здесь он выступает в осложненной форме, ибо исследование реального капитала осуществляется через критический анализ истории его познания, иначе говоря, действительные противоречия дополняются или преломляются в противоречиях познания.

Для рассматриваемой работы К. Маркса характерно замечательное богатство форм противоречий. Укажем на наиболее важные из них: реальные противоречия [См.: 26, ч. 2, с. 162; 26, ч. 3, с. 53, 139, 167]; переход в противоположность [См.: 26, ч. 1, с. 18, 44]; внутренние и внешние противоречия системы [См.: 26, ч.1, с. 20, 38, 44—45, 72, 73, 132; 26, ч. 3, с. 51]; дурная бесконечность [См.: 26, ч. 3, с. 26—27]; порочный круг [См.: 26, ч. 1, с. 44, 70; 26, ч. 3, с. 72]; двойственность [См.: 26, ч. 1, с. 70, 133]; противоречие — проблема [См.: 26, ч. 1, с. 62—63, 132]; смешение понятий, переплетение взглядов, ошибки, бессмыслицы, затруднения, непоследовательности [См.: 26, ч. 1, с. 63, 64, 65, 73, 132; 26, ч. 2, с. 24]; самокритика политической экономии [См.: 26, ч. 1, с. 347] и т. д.

Все противоречия выражают проблемы — реальные, познавательные или те и другие вместе, требующие адекватных способов разрешения — действительной классовой борьбы и диалектического метода познания. Их многообразие показывает, что диалектическое противоречие не может быть сведено к антиномии — проблеме; последняя может выражаться и не в антиномической форме, а в форме порочного круга, дурной бесконечности, двойственности и т. д.

Указанные противоречия являются в совокупности элементами некоторой структуры, которая может быть открыта путем анализа «Теорий прибавочной стоимости». Она состоит из следующих основных звеньев: реальные противоречия (классовая борьба и т. д.); противоречия (несоответствия) реальности и знания; внутренние противоречия системы знания; их разрешение и возникновение новой системы; соответствие объективной реальности; разрешение противоречий последней и ее дальнейшее развитие, которое порождает противоречие с наличной системой знания, и т. д. Эта структура развивается циклически, вновь и вновь воспроизводится с соответ-

ствующими изменениями — при переходе от феодализма к капитализму, переходе, порождающем систему физиократов; в условиях мануфактурного производства, которое отражается в учении Смита (данное учение разрешает противоречия физиократической системы); при переходе от мануфактуры к крупной промышленности, теоретически воспроизводимой Рикардо, который кладет конец противоречиям Смита; наконец, со сменой неразвитой классовой борьбы развитой ее формой. Это порождает, с одной стороны, вульгарную политическую экономию, а с другой — политическую экономию марксизма, в которой впервые дается научное понимание капиталистического способа производства. Развитие противоречий проходит четыре ступени: непосредственное единство противоположностей у физиократов; их двойственность у Смита; сведение одной противоположности к другой у Рикардо; их опосредованное единство (или развитие) у К. Маркса.

Вульгарная политическая экономия стремилась выпячивать общественные противоречия как якобы неустранимые (Мальтус) либо сводить их к формально-логической последовательности и софистическому устранению трудностей на словах, т. е. к схоластике, подчеркиванию единства противоположностей и отрицанию противоположностей (Дж. Миллъ), формальному порядку системы (Сей) и т. д. [См.: 26, ч. 3, с. 53, 81—86, 99, 175].

Большинство из отмеченных противоречий даже не осознавалось их творцами. В текстах К. Маркса постоянно встречаем положения о том, что Рикардо, например, лишь догадывался о несовпадении стоимостей и цен издержек, что он не понимал тождества капитала и труда, которое формулируется в его системе. А Т. де Квинси даже не почувствовал тех трудностей или противоречий закона стоимости и более развитых конкретных категорий, которые нашли отражение в учении Рикардо. Смит и Шербюлье только чувствовали, что при переходе от обмена товаров к обмену рабочей силы на товар происходит какой-то переворот, и т. д. [См.: 26, ч. 1, с. 62; 26, ч. 3, с. 67, 124, 269, 390]. В обобщенном виде Маркс формулирует положение о том, что экономисты «постоянно движутся в абсолютных противоречиях, *совершенно не подозревая этого*» [26, ч. 3, с. 268], и здесь же добавляет: «*Сисмонди* своей догадкой об этом противоречии делает эпоху в политической экономии» [Там же]. Осознание

всех данных противоречий, а не только их чувствование, догадки о них и т. д., впервые достигнуто в теории Маркса (с одной стороны, благодаря открытию и описанию реальных связей и противоречий, а с другой — вследствие познания последних через обнаружение и разрешение противоречий экономических учений). Это познание вело к снятию противоречий, а вместе с тем и к снятию буржуазной политической экономии в целом.

Разрешение противоречий имеет в учении Маркса не меньшее значение, чем их открытие. Во всем «Капитале» он вскрывает противоречия товара, порождающие деньги, диалектику денег, ведущую к возникновению всеобщей формулы капитала и ее противоречиям, которые разрешаются при помощи категории «рабочая сила», наконец, борьбу противоположностей труда и капитала, которая должна привести к устранению противоречий капитализма и новому общественному строю. Это реальные проблемы. Их разрешение в конечном счете ведет за пределы капитала: противоречия обнажают его границу, а их разрешение выводит за его пределы.

В тесной связи с движением реальных противоречий идет их развитие в сфере мышления, познания, конечным результатом которого является создание научной политической экономии. К. Маркс не только осознал противоречия прежних экономических учений, но и дал их научное разрешение. Последнее подчеркивал В. И. Ленин в работе «Три источника и три составных части марксизма». Критикуя представление о том, что марксизм возник в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации, он писал: «Напротив, вся гениальность Маркса состоит в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма» [23, с. 40].

С другой стороны, совершается познавательное движение к началу реального капитализма, которое ставит вопрос о его происхождении. Если суть капитализма — в прибавочной стоимости, то надо разрешить вопрос о ее возникновении. Это требует исследования «первоначального накопления», предшествующего капиталу как таковому. С данной точки зрения нужно исследовать историю политической экономии; «Теории прибавочной стоимости»

есть такое исследование, раскрытие ее «центрального пункта».

Таким образом, в обоих направлениях — к «началу» и «концу» — совершается выход за пределы капитала и обнаружение состояния предшествовавшего ему общества, из отрицания которого он возник и которое, с другой стороны, следует за ним, возникая из его отрицания. Следовательно, закон диалектического противоречия в данной работе К. Маркса содействует открытию реальных границ капитала и в связи с этим преодолевает историю буржуазной политической экономии; происходит уравнивание структуры знания о капитале с его действительным бытием. Последовательное проведение этого закона приводит к отрицанию отрицания.

Закон отрицания отрицания. Этот закон выражает историчность капитала, его общее место в цепи общественного развития. Как известно, в первом томе «Капитала» К. Маркс специально ссылался на него, подводя итог исследованию первоначального накопления капитала. В «Теориях прибавочной стоимости» такой ссылки нет. Это, однако, не значит, что данный диалектический закон здесь отсутствует: его общая форма слита с конкретным материалом, не отделяется от него. Но анализ истории общества осуществляется в форме указанного закона в заключительном разделе рукописи (о Джонсе).

Специфика «Теорий прибавочной стоимости» как исторического исследования определяет то обстоятельство, что отдельные аспекты отрицания отрицания выступают на первый план в связи с анализом того или иного экономического учения. Так, в самом его начале, в главе о Стюарте, К. Маркс в качестве заслуги последнего считает следующее: Стюарт показал, каким образом происходит отделение условий труда от рабочей силы. «Этому *процессу возникновения* капитала Стюарт уделяет много внимания; правда,— оговаривается Маркс,— он еще не понимает этот процесс прямо как процесс возникновения капитала, но все же видит в нем условие существования крупной промышленности» [26, ч. 1, с. 11]. Аналогичное мы находим и у других экономистов [См.: Там же, с. 21, 25].

Подчеркиваемое Марксом различие двух категорий очень важно. Очевидна и их последовательность: познание начинает с того, что есть, что существует. Только

уяснив некоторые его существенные черты, оно идет дальше — к возникновению, становлению данных особенностей во времени. Интересной является в этом отношении идея А. Смита о двух состояниях общества: первобытном состоянии общества и капиталистическом производстве. Первое из них предшествует возникновению частной собственности на землю и накоплению капитала. В первом состоянии определенное количество труда в одной форме обменивается на то же количество труда в другой форме (обмен эквивалентов). При наличии частной собственности действует иная форма обмена. Из этого следуют два различных определения стоимости у Смита: определение ее количеством затраченного труда, содержащегося в товаре, и определение ее количеством живого труда, покупаемым в обмен на этот товар [См.: Там же, с. 42]. К. Маркс отмечает, что указанное противоречие имеет у Смита более глубокую основу, чем простое противоречие в мысли (а именно, переход от одного способа производства к другому), что Смит *чувствует* наступивший здесь разрыв или переворот и энергично его оттеняет. Рикардо, наоборот, вскрыв противоречие, не заметил самой глубокой его основы, не смог дать правильной оценки и разрешить его [См.: Там же, с. 44]; в этом Маркс усматривает «превосходство Смита над Рикардо», ибо первый видит, что «этот переворот наступает вместе с возникновением капиталистического производства» [Там же, с. 55], а Рикардо даже не подозревает здесь наличия проблемы [См.: Там же, с. 63]. «Центральный пункт» политической экономии у него не объяснен: прибавочная стоимость является для Рикардо фактом. «Как возникает этот факт, остается неясным» [26, ч. 2, с. 448], поскольку он не исследовал происхождения прибавочной стоимости [См.: Там же, с. 451].

В данном отношении видна важная *закономерность:* чем дальше отстоят политико-экономы от начала капиталистического производства, тем в большей степени у них доминирует представление о нем как о «вечном», «естественном», тем они настойчивей пытаются изобразить буржуазные производственные отношения в качестве вечных категорий. Это постепенное угасание имевшегося исторического чутья имеет не только социально-историческое, но и гносеологическое основание. Необходимо было детально освоиться с материалом, проанализировать различ-

ные формы его развития и их внутреннюю связь, чем и занимались экономисты-классики. «Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» [23, с. 21]. То, что буржуазные политико-экономы смогли понять «действительное движение» только в весьма малой степени, объясняется уже специальными причинами, их классовой позицией.

Кроме того, если элементы историзма здесь и появляются (например, у Стюарта или Смита), то они относятся к прошлому, а не к будущему. Вопрос о последнем мог быть поставлен только тогда, когда противоречия капиталистического способа производства достигли известной глубины и остроты. Развитие этих противоречий нашло частичное отражение и в работах буржуазных экономистов. Показательной в данном отношении является точка зрения Милля и других экономистов, считавших буржуазные формы производства абсолютными, а формы их распределения — «относительными, историческими и потому преходящими» [26, ч. 3, с. 81]. К. Маркс называет подобную позицию «неумной». Для истории познания такие взгляды важны как симптом приближающегося разложения общественной формы и ее метафизического истолкования.

Идея о временно̀м, историческом характере капитализма в целом появляется у поздних экономистов — Рамсея и Джонса. Их учения образуют в данном плане поворотный пункт в истории экономической мысли. По поводу воззрений Рамсея К. Маркс пишет: «Итак, здесь мы подошли к тому пункту, где сама политическая экономия, на основании своего анализа, объявляет *капиталистическую форму* производства, а потому и *капитал*, не абсолютным, а лишь «случайным», историческим условием производства» [Там же, с. 339]. В еще большей мере это относится к Джонсу, у которого Маркс находит то, «чего недостает всем английским экономистам после сэра Джемса Стюарта, а именно: элементы понимания *исторического* различия способов производства» [Там же, с. 414]. Джонс делает «существенный шаг вперед» по сравнению с Рикардо «как в смысле исторического подхода к объяснению явлений, так и в отношении экономических подробностей» [Там же, с. 417].

Развитие идеи историчности имело громадное значе-

ние, но она осуществлялась буржуазными экономистами в теоретически еще очень несовершенной форме. Так, Рамсей объяснил ее бедностью основной массы народа, Джонс применил преимущественно исторический метод для ее изображения: он показывал, как в различных регионах и во времени существовали разные формы ренты и способов производства, так что буржуазная форма ренты и капитал оказались лишь одним из множества экономических явлений [См.: Там же, с. 414—417, 429—430]. Но даже в этом плане Джонс не дал изображения действительного развития капитала во времени. Если он полагал, что существовало такое состояние общества, в котором работник не был отделен от условий труда, то ему, писал Маркс, «надлежало бы представить указанное *«отделение»* как действительный процесс образования капитала» [Там же, с. 438]. Но описание первоначального накопления у него отсутствует. Впервые такой действительный исторический процесс был описан К. Марксом в XXIV главе первого тома «Капитала».

Если бы Маркс применил исторический метод исследования, то он должен был бы начинать свой труд с «первоначального накопления», а не оканчивать им. Между тем мы видим, что и в теоретических томах «Капитала», и в «Теориях прибавочной стоимости» (его историко-литературной части) указанное накопление появляется в итоге исследования и изложения. Это характерно для того метода, который был применен К. Марксом к истории политической экономии. При помощи данного метода он подробно проследил внутреннюю связь, структуру капиталистического производства, выявил все ее основные противоречия, довел исследование до того пункта, в котором вскрытое общее противоречие труда и капитала не может быть объяснено логическим путем; для разрешения противоречия совершен выход в исторический генезис капитала. Аналогично и в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс в общем виде исследует этот генезис в конце рукописи, ибо сам генезис стал проблемой во всей полноте ее развития в конце истории буржуазной политической экономии, а не в ее начале.

Таким образом, в истории политической экономии и ее изображении у К. Маркса, а также в логическом методе «Капитала» воспроизводится *одна и та же структура мысли:* выходы в прошлое и будущее появляются одно-

временно, совмещаются в конце исследования и изложения предмета. Вследствие этого весь исторический процесс развития капитала выступает *как целое* и резюмируется в форме отрицания отрицания. Одновременно выясняется, что «этот определенный способ накопления — при посредстве капиталиста — имеет определенную историческую дату своего возникновения и движется в направлении к (тоже исторической) дате своей гибели» [Там же, с. 437]. Хотя К. Маркс не упоминает специально рассматриваемого закона диалектики, он в связи с исследованиями Джонса набрасывает кратное резюме трех фаз развития как отрицания отрицания: единство труда и условий его осуществления; их отделение друг от друга — разрыв, противоположность между трудом и собственностью, крайней формой которого является капитал; восстановление первоначального единства, возможное «лишь на той материальной основе, которую создает капитал, и лишь при посредстве тех революций, которые в процессе этого созидания претерпевает рабочий класс и все общество» [Там же, с. 439]. Этим определяется фактически и методологически место капитализма в истории развития способов производства.

Итак, методологическая функция всех трех законов диалектики такова: единство качества и количества образует меру, предел, границу капитала; прорыв этой меры — безмерное — происходит в кризисах — проявлении всех противоречий капиталистического производства; они обнаруживают его границу или меру; преодоление этих границ есть разрешение противоречий — снятие их с выходом в прошлое и будущее, т. е. возникновение (происхождение) капитала из отрицания предшествующей общественной формы и его отрицание новой экономической формацией, иначе говоря, отрицание отрицания капитализма. В такой их взаимосвязи законы диалектики позволяют определить историческое место капитала среди других развивающихся форм. В этом состоит их функция: если общие категории определяют место данной конкретной категории в целостной системе предметных отношений, то законы диалектики определяют историческое место самой целостной системы.

Разумеется, указанное положение нельзя понимать как два разных этапа исследования, отделенных друг от друга. Законы диалектики действуют на протяжении всего

исследования, но их эвристический потенциал наиболее полно проявляется при характеристике явления как развивающегося целого. Аналогично и категории действуют везде, но с той или иной полнотой своих возможностей. Поэтому закономерно К. Маркс пишет в «Капитале» об отрицании отрицания в связи с первоначальным накоплением (когда речь идет о самом происхождении капитала и прибавочной стоимости). Не случайно в «Теориях прибавочной стоимости» он также почти буквально излагает законы диалектики при рассмотрении накопления капитала, кризисов, «первоначального», или «предварительного», накопления и в главе о Джонсе, в какой-то степени понимавшем исторический характер капитала.

Таким образом, весь предшествующий анализ показывает, что законы и категории диалектики выполняют следующие функции. Их *гносеологическая функция* указывает на место данного явления в системе субъект-объектных отношений и истории его познания. Ведь в гносеологии основное — познание и выражение объекта в его объективности, а это достигается посредством объективирующей функции категорий. *Логическая функция* позволяет определять и находить место изучаемого явления в системе предметных отношений. Наконец, можно говорить о диалектической функции законов и категорий, которая состоит в определении места данного явления как целого в общем ряду развития. Все указанные функции действуют в органическом единстве. Благодаря этому они выступают в качестве достаточного методологического средства достижения основной цели, поставленной Марксом в «Теориях прибавочной стоимости» и «Капитале»,— обнаружения исторически преходящего характера капиталистического способа производства.

Список литературы

Маркс К. Конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии».— Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 5—40.

Маркс К. Наемный труд и капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 6, с. 428—459.

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. 1.— М., 1968.— 599 с.— (Соч. 2-е изд / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 46. Ч. 1).

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. 2.— М., 1969.— 618 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 46. Ч. 2).

Маркс К. К критике политической экономии.— М., 1959.— 167 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 13).

Маркс К. Экономическая рукопись 1861—1863 годов.— М., 1973.— 659 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 47).

Маркс К. Капитал. Т. 1.— М., 1960.— 847 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 23).

Маркс К. Капитал. Т. 2.— М., 1961.— 648 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 24).

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 1.— М., 1961.— 546 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 25. Ч. 1).

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2.— М., 1962.— 551 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 25. Ч. 2).

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. 1.— М., 1962.— 467 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 26. Ч. 1).

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. 2.— М., 1963.— 703 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 26. Ч. 2).

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. 3.— М., 1964.— 674 с.— (Соч. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 26. Ч. 3).

Маркс К. [Капитал]. Книга первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 3—136.

Маркс К. Форма стоимости.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 139—164.

Маркс К. [Фрагменты из авторизованного французского издания 1 тома «Капитала»].— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 165—230.

Маркс К. [Капитал]. Вторая книга. Процесс обращения капитала.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 49, с. 234—498.

Маркс К. Письмо Ф. Лассалю, 11 марта 1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 450—452.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 2 апреля 1858 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 29, с. 253—260.

Маркс К. Письмо З. Шотту, 3 ноября 1877 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 34, с. 238.

Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 544—571.

Энгельс Ф. К. Маркс. К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 489—499.

Энгельс Ф. Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 240—248.

Энгельс Ф. Предисловие ко второму тому «Капитала».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 24, с. 3—24.

Энгельс Ф. Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 339—629.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.— Полн. собр. соч., т. 1, с. 347—534.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса».— Полн. собр. соч., т. 5, с. 95—268.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 43—48.

Ленин В. И. О диктатуре пролетариата.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 259—268.

Ленин В. И. Философские тетради.— М., 1969.— 782 с.— (Полн. собр. соч.; Т. 29).

Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. (Критический очерк концепций французского структурализма).— М.: Наука, 1977.— 272 с.

Андреев И. Д. Логика научного познания.— В кн.: Очерки по диалектическому материализму. М.: Наука, 1977, с. 200—247.

Анцыферова Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии.— М.: Наука, 1974.— 359 с.

Аревшатян С. С. Давид Анахт и его роль в развитии древнеармянской философии.— В кн.: Давид Анахт. Сочинения. М.: Мысль, 1975, с. 5—28.

Аристотель. Аналитики первая и вторая.— М.: Госполитиздат, 1952.— 438 с.

Аристотель. Вторая аналитика.— Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1978, т. 2, с. 255—346.

Аристотель. Категории.— М.: Соцэкгиз, 1939.— 83 с.

Аристотель. Категории.— Соч: В 4-х т. М.: Мысль, 1978, т. 2, с. 51—90.

Аристотель. Метафизика.— Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1976, т. 1, с. 63—367.

Аристотель. Об истолковании.— Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1978, т. 2, с. 96—116.

Аристотель. О софистических опровержениях.— Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1978, т. 2, с. 533—593.

Аристотель. Первая аналитика.— Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1978, т. 2, с. 117—254.

Аристотель. Топика.— Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1978, т. 2, с. 347—532.

Аристотель. Физика.— М.: Соцэкгиз, 1936.— 188 с.

Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия.— М.: Наука, 1967.— 439 с.

Асмус В. Ф. Логика.— М. : Госполитиздат, 1947.— 387 с.

Афанасьев В. С. Этапы развития буржуазной политической экономии : (Очерк теории).— М. : Мысль, 1971.— 365 с.

Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса.— М. : Мысль, 1976.— 325 с.

Баканидзе М. И. Проблема субординации логических форм.— Алма-Ата : Наука, 1968,— 215 с.

Библер В. С. Генезис понятия движения.— В кн. : Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М. : Наука, 1967, с. 100—196.

Брунер Дж. О познавательном развитии: II.— В кн.: Исследование развития познавательной деятельности / Под ред. Дж. Брунера, Р. Олвер, П. Гринфилд / М. : Педагогика, 1971, с. 57—98.

Брунер Дж. Психология познания : За пределами непосредств. информации.— М. : Прогресс, 1977.— 412 с.

Булатов М. А. Деятельность и структура философского знания.— Киев : Наук. думка, 1976.— 216 с.

Булатов М. А. Познавательная роль законов и категорий диалектики в процессе создания «Капитала» К. Маркса.— В кн.: Социально-исторические и мировоззренческие аспекты философских категорий. Киев : Наук. думка, 1978, с. 278—328.

Бэкон Ф. О мудрости древних.— Соч. : В 2-х т.— М. : Мысль, 1972, Т. 2, с. 223—296.

Васильев С. А. Категории мышления и языковые структуры.— В кн.: Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев : Наук. думка, 1977, с. 88—117.

Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности.— Киев : Наук. думка, 1974,— 135 с.

Виноградов С. Н. Логика.— М.. 1914.— 146 с.

Владиславлев М. Логика.— Спб., 1872.— 277 с.

Войшвилло Е. К. Понятие.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967.— 286 с.

Выготский Л. С. Избранные психологические исследования.— М. : Изд-во АПН РСФСР, 1956.— 518 с.

Габриэльян Г. Г. Основы марксистской логики.— Ереван : Митк, 1968.— 464 с.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая.— Собр. соч.: В 14-ти т. М. : Партиздат, 1932, т. 9.— 313 с.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая.— Собр. соч. : В 14-ти т. М. : Партиздат, 1932, т. 10.— 454 с.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики.— В 3-х т.— М. :Мысль, 1970—1972.

Т. 1. 1970. 502 с.

Т. 2. 1971. 248 с.

Т. 3, 1972. 371 с.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики.— М. : Соцэкгиз, 1939.— Т. 6. 319 с.— (Собр. соч. в 14-ти т.).

Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа.— Собр. соч.: В 14-ти т. М. : Соцэкгиз, 1959, т. 4, 440 с.

Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика.— В кн.: Работы разных лет: В 2-х т. М. : Мысль, 1971, т. 2, с. 5—209.

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики.— М. : Мысль, 1974.— 452 с.

Гокиели Л. П. Логика.— Тбилиси ; Мецниереба, 1965.— 329 с.

Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий.— М. : Изд-во АН СССР, 1961.— 351 с.

Горский Д. П. Логика.— Л. : Учпедгиз, 1958.— 290 с.

Горский Д. П. Определение : (Логико-методол. пробл.).— М. : Мысль, 1974.— 311 с.

Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении : (Логико-психол. пробл. построения учеб. предметов).— М. : Педагогика, 1972.— 423 с.

Джохадзе Д. В. Диалектика Аристотеля.— М. : Наука, 1971.— 264 с.

Дянков Б. Роль теории семантических категорий в обосновании современных логических теорий.— В кн.: Философия в современном мире : Философия и логика. М. : Наука, 1974, с. 439—457.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса.— М. : Изд-во АН СССР, 1960.— 285 с.

Ильенков Э. В. Диалектическая логика : Очерки истории и теории.— М. : Политиздат, 1974.— 271 с.

Исследование развития познавательной деятельности / Под ред. Дж. Брунера, Р. Олвер, П. Гринфилд /.— М. : Педагогика, 1971.— 392 с.

Кант И. Критика чистого разума.— Соч.: В 6-ти т. М. : Мысль, 1964, т. 3, 799 с.

Копнин П. В. Диалектика как логика.— Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1961.— 448 с.

Крымский С. Б. Системы знания и проблема их категориальной определенности.— В кн.: Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев : Наук. думка, 1977, с. 196—225.

Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов : Эксперим.-психол. исслед.— М. : Наука, 1974.— 172 с.

Мальцев В. И. Очерк по диалектической логике.— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964.— 189 с.

Нарский И. С. Гегель.— В кн.: История диалектики : Нем. клас. философия. М. : Мысль, 1978, с. 216—331.

Олвер Р., Хорнсби Д. О составлении групп эквивалентных предметов.— В кн.: Исследование развития познавательной деятельности. М. : Педагогика, 1971, с. 99—118.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка.— М.; Л. : Учпедгиз, 1932.— 408 с.

Попович М. В. Логика и анализ понятийного аппарата научной теории.— В кн.: Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. Киев : Наук. думка, 1977, с. 5—30.

Попович М. В. Философские вопросы семантики.— Киев : Наук. думка, 1975.— 299 с.

Порфирий. Введение к «Категориям» Аристотеля.— В кн.: Аристотель. Категории. М. : Соцэкгиз, 1939, с. 51—76.

Потоцкий М. В. Аналитическая геометрия на плоскости.— М. : Учпедгиз, 1956.— 447 с.

Предисловие.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 5—20.

Рассел Б. История западной философии.— М. : Изд-во иностр. лит., 1959.— 935 с.

Розенберг Д. И. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века.— М. : Изд-во АН СССР, 1954.— 327 с.

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии.— М. : Педагогика, 1973.— 423 с.

Рубрикация.— В кн.: БСЭ. 2-е изд., 1975, т. 22, с. 345.

Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий.— Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1973.— 431 с.

Садовский Г. И. Ленинская концепция понятия и эволюция понятия «вид».— Минск : Наука и техника, 1970.— 191 с.

Смирнов В. А., Таванец П. В. О взаимоотношении символической логики и философии.— В кн.: Философия в современном мире : Философия и логика. М. : Наука, 1974, с. 5—34.

Старк Г. В. Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса.— Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1976.— 148 с.

Стяжкин Н. И. Становление идей математической логики.— М. : Наука, 1964.— 304 с.

Фихте И. Г. Избранные сочинения.— М., 1916; Т. 1, 522 с.

Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже.— М. : Просвещение, 1967.— 623 с.

Формальная логика.— Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.— 357 с.

Чендов Б. К вопросу о классификации логических форм.— В кн.: Философия в современном мире. Философия и логика. М. : Наука, 1974, с. 458—475.

Черч А. Введение в математическую логику. Ч. 1.— М. : Изд-во иностр. лит., 1960.— 486 с.

Чупахин И. Я. Вопросы теории понятия.— Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.— 140 с.

Чупахин И. Я. Методологические проблемы теории понятия.— Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.— 104 с.

Шеллинг Ф. В. И. Система трансцендентального идеализма.— Л. : Соцэкгиз, 1936.— 480 с.

Шептулин А. П. Объективная и субъективная диалектика.— В кн.: Очерки по диалектическому материализму. М. : Наука, 1977, с. 96—133.

Шинкарук В. И. Категории как формы мышления и их методологическая функция.— В кн.: Социально-исторические и мировоззренческие аспекты философских категорий. Киев : Наук. думка, 1978, с. 247—277.

Шинкарук В. И. Логика, диалектика и теория познания Гегеля.— Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1964.— 295 с.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 3

1

Основные черты диалектико-логической концепции понятия 10

Категории всеобщности и сущности в определении понятий 11

Категориальная классификация понятий 21

Всеобщность, особенность и единичность — моменты понятия и сами понятия 38

Виды связей всеобщего, особенного и единичного 51

Формы существования понятия 66

2

Понятия и категории 81

Понятие категорий 82

Фазы обращения категорий в понятия 102

Категории и понятия в системе знания 114

Категории как формы мышления 130

Категории и виды логик 148

3

Методологические функции законов и категорий диалектики в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса 164

Гносеологический анализ истории политической экономии 172

Логические функции категорий в исследовании К. Маркса 189

Методологическая роль категориальных структур или законов диалектики 214

Список литературы 230

Михаил Александрович Булатов

ЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ПОНЯТИЯ

Утверждена к печати ученым советом Института философии АН УССР

Редактор *А. А. Довгаль*
Оформление художника *Ю. В. Бойченко*
Художественный редактор *А. В. Косяк*
Технический редактор *Т. С. Березяк*
Корректоры *М. Т. Кравчук, З. П. Школьник*

Информ. бланк № 3931.

Сдано в набор 29.09.80. Подп. в печ. 24.06.81. БФ 01092. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 1. Обыкн. нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 12,39. Уч.-изд. л. 13,1. Усл. кр.-отт. 12,39. Тираж 2550 экз. Зак. 2382. Цена 1 руб. 60 коп.

Издательство «Наукова думка». 252601, Киев, ГСП. Репина, 3.

Отпечатано с матриц республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Киев, ул. Довженко, 3 в Львовской областной книжной типографии, Львов, Стефаника, 11. Зак. 3579.